

THE BLOODY MOONLIGHT

**FREDRIC
BROWN**

Annotation

Кровавая история, заставляющая вспомнить и о маньяках-оборотнях, и о внеземных цивилизациях... В довершение всей этой запутанной чертовщины подозрения падают на самого Великого сыщика, но ему удастся разрешить все загадки и разоблачить преступника.

Фредрик Браун

Убийство в лунном свете

Глава 1

Был уже почти конец рабочего дня, когда мой дядя, дядюшка Эм, зашёл в служебное помещение агентства Старлока — нашу с ним рабочую комнату. Сел он и вытянул ноги, после чего, хмыкнув по моему адресу, спросил:

— Ну, малыш?

— Угу, — ответил я, и вопрос был закрыт.

Я уже два дня работал сыщиком. Утром в первый день я прочёл отпечатанный на машинке экземпляр «Инструкций оперативным сотрудникам». После обеда я отправился на Вест-Мэдисон-стрит поговорить с одним буфетчиком, чей двоюродный брат дёрнул из города на машине, за которую внёс всего лишь два платежа. Буфетчик либо не знал, куда смылся его двоюродный братец, либо не пожелал мне сказать. На второй день — значит, этим самым утром — Бен Старлок услали меня с оперативником, занимавшимся слежкой; я всего лишь должен был сопровождать его и научиться «повисать на хвосте». Мы проторчали возле конторского здания, где работал наш объект, до половины третьего, и когда тот человек не вышел на обед, мы позвонили под вымышленным предлогом; оказалось, что он убыл на весь день, ещё в одиннадцать. Либо мы его проворонили, либо он выскочил через чёрный вход. Мы вернулись в агентство; тому оперативнику поручили что-то ещё, а я так остался сидеть в помещении.

И теперь бок о бок восседал дядюшка Эм, улыбаясь мне точно этаким коротконогий, располневший чеширский кот.

— Что ж, Эд, — произнёс он. — Ты сам этого хотел.

— Угу, — отвечал я. Это было правдой. Он уже месяцев восемь работал в этом агентстве — с тех пор как мы распростились с последней ярмаркой, и всё это время я на нём самом висел, чтобы он добился от Старлока работёнки и для меня.

Бен Старлок возник в дверях, ведущих в контору и к посетителям; он прислонился к дверному косяку, почти полностью заполнив дверной проём. Был он полицейским в отставке, и по виду ни за кого другого его нельзя было и принять.

— Эм, не желаешь ли прошвырнуться на два-три дня в Тремонт? — спросил он. — Заработать денежек для агентства.

— Разумеется, — отвечал Эм. — А накладные расходы позволят двоих? Я бы взял с собой Эда да показал ему пару вещиц.

Бен покачал головой.

— Один человек, три дня — вот и всё, что разрешает нам наша клиентка. Потолок установила в сто баксов, и чтобы точный подсчёт расходов. Только, Эм, смыслишь ли ты что-нибудь в радио?

— На нужную станцию настроюсь. А вот — малыш кумекает. Ты, кажется, говорил мне, Эд, будто как-то собрал один аппаратец?

— Угу, — ответил я. Упомянуть ли было, что то был всего лишь детекторный приёмник, имеющий такое же отношение к современному радио, как воздушный шарик к бомбардировщику Б-29?

Бен взглянул на меня с интересом.

— Ух ты, — сказал он, однако вновь покачал головой. — Нет, он же весь такой городской. Слишком хорош на вид. Отправь я его на встречу с нашей клиенткой, она его

мигом присвоит.

— А у него есть бейсбольная бита, чтобы от женщин отбиваться, — заверил Эд. — Он её с собой захватит. Но причём тут радио, Бен?

— Один там в Тремонте с помощью какого-то нового устройства поймал загадочный сигнал. Типа того, что чуть ли не с Марса.

— И что с того? — спросил дядюшка Эм. — Причём тут мы?

— Тот человек в Тремонте — он изобретатель; немного чокнутый, но всё путём. Получает небольшой доход со своих изобретений — тех, что запатентует и продаст. Теперь он полагает, будто бы набрёл на нечто новенькое, и хочет от нашей клиентки определённую сумму в качестве финансирования некоторой дальнейшей работы, перед тем как выложить результат. Наша клиентка — успешная предпринимательница, её закрома полны. Она состоит в отдалённом родстве с тем дедком, изобретателем, — даже гостила у него в малолетстве. Ныне он хочет от неё пять тысяч долларов, взамен предлагает долю дохода от этого изобретения. А мы уже вели с ней дела раньше, и потому она желает, чтобы мы послали туда сотрудника — поговорить с ним, порасспросить о нём, выяснить, вправду ли он такой умник и действительно ли что-то получил. О мошенничестве речи нет; дело у них семейное. Даже если у него не все дома, она всё равно снабдит его некоторой суммой — долларами пятьюстами, а может и до тысячи — спишет уж ради старых добрых деньков. С другой стороны, если он реально что-то получил, она без труда раздобудет требующиеся ему пять тысяч ради доли в доходе.

— Если речь не идёт о мошенничестве, — вмешался я, — то, на мой взгляд, задачка тут, скорее, для радиоинженера, для специалиста, а не для частного детектива.

— Ага, так мы и зарабатываем наши денежки — отказываемся от дела, потому что кто-то, видите ли, сделает его лучше, — срезал меня Бен Старлок. — При том, что, по моему мнению, уже само упоминание слова «Марс» есть решительное доказательство того, что малый помешан, и дальше выяснять нечего. Но это ещё один способ профукать деньги — давать клиенту ответы за так.

— Что ж, я возьмусь, коли тебе угодно, — сказал дядюшка Эм. — Но почему тогда не дать малышу попробовать дела? За эти два дня он, знаешь ли, заскучал, да и в радио разбирается получше меня.

Старлок пожал плечами.

— В самом деле, почему нет... — И он обратился ко мне. — Вот что, Эд. Важнейшая вещь в такого рода делах — это написать хороший отчёт, чтобы стало ясно: работа проделана большая. Пусть клиент знает: его деньги потрачены не зря. И не надо навязывать клиенту собственного мнения; просто доложи, что ты выяснил, а клиент пусть сам из того выводит. Усёк?

— Усёк, — ответил я.

— Тогда — вводная. Наша клиентка — Жюстина Хаберман, адрес — Линкольн-Парк-Вест, сто девяносто семь. Мы для неё уже кое-что делали раньше, так что она — наш человек. Только что она мне звонила; хочет, чтобы мы снарядили к ней сотрудника за получением указаний и разъяснений. Завтра первым же поездом отправляйся в Тремонт; это чуть больше ста миль. Дельце обделавай за два дня, если удастся, в любом случае — не более трёх дней тебе. Приходить сюда утром и докладывать завтра не надо. Теперь прикинем расходы.

— Угу, — отозвался я.

— Поездка по железной дороге — примерно семь долларов. В маленьком городишке, как тот, ты можешь получить комнату не дороже трёх долларов за ночь, и всего две ночи, если на всё у тебя уйдёт три дня. Кладём четыре бакса в день на питание, и, значит, всего двадцать пять баксов. Поскольку она давний клиент, я возьму с неё по двадцать пять за день, и если ты не превысишь этой сметы, за эти три дня она как раз уложится в сотню, которую и собралась на то потратить. Есть у тебя деньги или выдать аванс?

— У меня достаточно, — сказал я ему.

— О'кэй, можешь быть свободен. Ты тоже, Эм. Сегодня я больше в тебе не нуждаюсь. — Что, надо сказать, было с его стороны чертовски великодушно, поскольку было уже пять без четырёх минут, а в пять у нас конец рабочего дня.

Я сказал об этом дядюшке Эму, пока мы спускались в лифте. Он рассмеялся.

— Всё уравнивается, малыш. Иногда ты перерабатываешь пять или шесть часов, а иногда тебя отпускают на пять или шесть минут раньше. Давай-ка поужинаем за углом у Рэндольфа.

Пока мы ужинали, дядюшка Эм решил ещё немного меня просветить.

— Ты должен смотреть на это и с точки зрения агентства, Эд. Оно не подряжалось платить за всё то время, что ты протираешь штаны в задней комнатухе, хотя порой тебе и приходится там просиживать. И единственное, чем Старлок может это компенсировать, так это сделать деньги на тебе, пока ты работаешь. Разумеется, это звучит как крохоборство — когда тебе говорят тратить в день на питание не более четырёх баксов, но признайся сам: если бы ты питался за свой счёт, неужели бы тратил больше?

— Нет, конечно.

— Так-то. Взгляни с этой точки зрения. Агентству разрешено потратить сто долларов. Значит, если всё сделано за два дня и расход составляет пятьдесят долларов, то агентство зарабатывает долларов двадцать — учитывая, что твоя зарплата да расходы по содержанию конторы составят пятнадцать долларов в день. Если ты потратишь три дня и лишь двадцать долларов, агентство заработает тридцать баксов. Захотелось бы тебе, будь это агентство твоим, получить тридцать баксов за одно дело, вместо двадцати?

— Сдаюсь, дядюшка Эм.

— Прекрасно, оставим же вульгарную математику. Ты просил меня, малыш, устроить тебя на работу в наше агентство, и теперь, помоги тебе Господи, ты уже детектив. Сделай же из этой профессии для себя образ жизни. Пусть тебе не понравится и ты уйдёшь — ничего страшного, если только ты потрудишься на славу.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал я. — О'кэй, я действительно собираюсь сделать из этого образ жизни; просто у меня была парочка неудачных дней, только и всего.

— Тогда идём домой, а потом ты повидеешься с этой женщиной, с Хаберман. Затем возвращайся и...

— Ты её знаешь?

— Встречал. А что?

— Кто она?

— Она женщина, — ответил дядюшка Эм. — Так что вы поладите. Не бери в голову. Но как получишь от неё инструкции, возвращайся домой, мы их обсудим и я дам тебе несколько советов, как держаться в Тремонте и всё такое прочее.

Мы поднялись в нашу комнату, сыграли пару партий в криббидж, пока не пришло время надевать свежую рубашку и отправляться в Линкольн-Парк-Вест. Я прикинул, что явиться

туда к восьми будет в самый раз.

Я, собственно, не ждал, что жилище по адресу, данному мне Беном Старлоком, окажется меблированной квартирой над пивной; мне казалось, то должен быть многоквартирный жилой дом со швейцаром и коммутатором, а потому переменял рубашку и побрился, чтобы им не взбрело в голову указать мне на вход для поставщиков. И мне стало немного не по себе, когда я увидел, что приближаюсь к частному особняку. Хорошо хоть не дворец, всего лишь дом на семь или восемь покоев, из красного кирпича и в глубине обширного участка; вокруг — масса травы и цветов да подъездная дорога, ведущая к двухместному гаражу на заднем плане. Расположение участка, однако, выгодное по меркам пригорода; да и то, что от Внутренней чикагской автодорожной петли рукой подать, увеличивало его стоимость.

Я позвонил, дверь открыла горничная. Она опередила меня, произнеся:

— Вы тот джен...льмен из сыскного бюро?

Я подтвердил, и она ввела меня в приёмную справа от вестибюля, проговорив:

— Миз Хаберман будет вниз быстро.

Я сел и, сцепив руки, некоторое время вращал большими пальцами; ничего не происходило, а потому я встал, чтобы осмотреть патефон и полки с грампластинками у дальней стены. Проигрыватель оказался роскошным «Кейпхартом» (а иных «Кейпхартов» и не бывает), записи же включали всё, что только можно — от Банни Берригана до И Эс Баха, хоть открывай магазин грампластинок не сходя с места.

Я всё ещё просматривал названия, когда кто-то прокашлялся у меня за спиной. Развернувшись, я увидел высокого и худого господина, стоящего в дверном проёме со стаканом в руке, словно бы он позировал для рекламы виски. Возрастом худой господин был где-то между тридцатью и пятьюдесятью, а готовностью — от одной до десяти порций виски; но так казалось, только пока он не отделился от дверей, после чего стало ясно, что будет и за десять.

— Музыку хотите послушать? — спросил он.

— Верно, — ответил я.

Он поставил стакан прямо на «Кейпхарт» и едва не повалился, ступив шаг в направлении полок с записями.

— Гайдн или Хачатурян? — спросил он. Пьяный-то пьяный, а слово «Хачатурян» произнёс с такой же лёгкостью, как я бы произнёс имя Джерома Керна.

— Простите мне моё дурновкусие, — ответил я, — но была, знаете, такая пластинка — Магси Спэниера, записана фирмой «Эш рекордингз»...

— Наивный человек! — ответствовал господин. — У нас имеется «Эш».

Не утруждаясь как следует схватить пальцами, он потянул пластинку с полки, она выпала у него из руки, ударилась об угол «Кейпхарта» и плашмя шлёпнулась на пол. Треснула, уж я слышал.

Худой господин вновь взял свой стакан и отпил из него.

— Может быть, вместо музыки выпьете? — спросил он.

— Нет, благодарю вас. Да и музыки тоже достаточно.

— Но поставьте же эту пластинку.

— «Кейпхарт» для меня — слишком сложная техника. Ещё ни разу не доводилось включать.

— Так выпить, всё же, не хотите? А, знаю. Долг службы не велит. Англия ждёт, что

каждый исполнит свой долг. Жюстина — та тоже... Вы виделись с Жюстиной?

— Нет ещё.

— Увидитесь. Жюстина ждёт, что каждый исполнит её долг. Который час?

Я сказал ему, что восемь с четвертью.

— Нельзя заставлять герцогиню ждать, — сказал господин. — Был рад познакомиться. — Он вышел; я услышал, как закрылась передняя дверь. Больше я не видел этого человека.

Альбом Магси Спэниера я сунул назад на полку, так и не открыв, чтобы оценить ущерб, а затем переставил стакан высокого и худого господина, всё ещё остававшийся на «Кейпхарте», на кофейный столик со стеклянной столешницей — там не беда, если стакан и оставит после себя след колечком; затем я сел и вновь принялся вращать большими пальцами.

Спустя некоторое время я вновь от скуки поднял взгляд в направлении двери; на сей раз в дверном проёме стояла женщина. Уж и не знаю, как долго она там пробыла, разглядывая меня. Я вскочил и выпалил:

— Мисс Хаберман? Я Эд Хантер из агентства Старлока.

Эта Хаберман оказалась высокой блондинкой, по всему виду — утончённой сверх всякой меры. Возраста... да любого после двадцати одного года. Глаза у неё были огромные, широко посаженные, как у газели. Не спрашивайте меня про их цвет; у меня нет привычки подмечать, какого цвета глаза у окружающих. А вот волосы были что солома, только, разумеется, солома не бывает уложена так тщательно. Фигурка — на загляденье, и какое-то платье, которое отнюдь её не скрывало.

— В радио разбираетесь? — спросила она.

— Не много. Самую капельку.

— Что такое частотная модуляция?

На этот вопрос я ответил так:

— Это система вещания, при которой частота несущих волн модулируется в соответствие с амплитудой и периодом вещательного сигнала. Для избавления от атмосферных помех.

— Вы пьёте виски с лимоном и содовой или мартини?

— Это напоминает вопрос: всё ли вы бьёте свою жену? Инструкции для оперативных сотрудников не велят пить на работе, но как человек должен отвечать на вопрос, произнесённый таким вот образом и остаться незапятнанным? Ответ: пью и то, и другое.

Слегка изогнув стан, она произнесла куда-то по ту сторону дверного проёма: «Виски с лимоном и содовой, Элси», после чего прошла, наконец, в комнату. На это определённо стоило посмотреть.

— Давно работаете на Старлока?

— Не очень, — признался я. А поскольку мне не хотелось уточнять, сколько это «не очень», я спросил: — При себе ли у вас письмо от того человека в Тремонте, где он объяснил, чего добился?

— Оно у меня в кабинете, но не важно; я смогу рассказать вам всё, что вам следует знать. Готовы? Карандаш имеется?

— Я сумею запомнить, — ответил я, — если только не слишком много технических подробностей.

— Не слишком. Его зовут Стивен Эмори — мо-ри. Живёт милях в двух от Тремонта, что

в Иллинойсе, у дороги, называемой Дартаунской.

— Ферма?

— В былом. Он забросил сельские занятия — ради того, чтобы убивать время на свои изобретения — уже несколько лет тому назад, и распродал все уголья соседям. Осталось лишь парочка акров, на которых стоит дом. Ныне он вдовец... его жена была ещё жива, когда я некоторое время гостила у них ребёнком; так он и живёт там совсем один, не считая одного человека, который у него работает, Рэндольфа Барнетта.

Я записал имя — правда, мысленно — и спросил:

— В каких же делах этот Рэндольф Барнетт ему помогает? По технической части или следит за домом и этой парочкой акров?

— Понемногу и того, и другого. Технически он подкован.

— Какова же точная природа изобретения, о котором объявил Стивен Эмори?

Моя собеседница сверкнула на меня глазами.

— Послушайте... Как вас зовут?

— Хантер. Эд Хантер.

— Послушайте, Хантер, вам не следует задавать мне вопросов. Дайте мне рассказать; и если, когда я закончу, у вас будут какие-то вопросы, вот тогда и зададите.

— О'кей, — ответил я.

— Стивен Эмори — мой неполнородный дядя; он — неполнородный брат моей матери. Мои родители умерли один за другим, когда мне было девять. Меня отправили жить в семью Эмори, и я пробыла у них пять лет, до четырнадцати. Так что в то время они заменяли мне отца и мать. Потом миссис Эмори умерла, и я переехала жить к другой родне в Чикаго, до того как... Впрочем, моя дальнейшая биография к делу отношения не имеет, я лишь хочу только, чтобы вы поняли: здесь речь не идёт о надувательстве. Он не собирается...

Она замолкла, поскольку вошла горничная, неся поднос с четырьмя наполненными стаканами. Один из стаканов она предложила Жюстине Хаберман, другой мне, затем поставила поднос на кофейный столик и удалилась.

Я уставился на два других стакана, стоящих на подносе, Жюстина же сказала:

— Не будьте занудой. Или вам молока подать? Так на чём мы остановились?

— О надувательстве речи не идёт. Чего же ваш дядя добился?

— Он принял некий низкочастотный сигнал. — Моя собеседница поднесла стакан к губам и отпила. — О подробностях дядя умалчивает. Честно говоря, он утверждает, что это может обернуться чем-то грандиозным, а может оказаться и вовсе ничем. Это как-то связано с механизмом приёма, не с посылкой сигнала, и он упомянул частотную модуляцию. Утверждает, что будто бы принял какой-то странный сигнал, нечто такое, чего не смог идентифицировать. Он признаёт, что это его озадачило, говорит, что использовал направленную антенну — пеленгаторную рамку — и что сигнал, как ему кажется, приходит откуда-то сверху.

— Словно бы с Луны либо с Марса?

Она вновь сверкнула глазами.

— Это Бен Старлок подал вам такую мысль?

— Ну... — промямлил я. — Мне подумалось... то есть... разве это не вы ему...

— Бен Старлок — осёл. Я рассказала ему по телефону как можно меньше, специально чтобы не вводить человека в заблуждение разными неверными предположениями. Стивен Эмори не сумасшедший. У него есть постоянный, хоть и небольшой, доход в виде гонораров

от вещей, которые он изобрёл и запатентовал.

— Прошу меня извинить, — сказал я. — Возможно, я слишком много читаю научную фантастику. Жаль, если в моих словах вам почудилась насмешка. Почему бы где-нибудь на планетах и не существовать разумной жизни? Почему бы каким-то странным сигналам и не дойти до нас откуда-то извне?

— А потому, что всякий раз, как Эмори их принимал, они приходили под одним и тем же углом — приблизительно семьдесят пять градусов. А ведь Земля-то крутится, да и относительно планет или чего там ещё не стоит в одном и том же положении. Но сигналы постоянно поступают из одной и той же точки.

— Я сгруппировал, это верно, — ответил я. — Но тогда каков ответ? Признаю, впрочем, что это не может быть ни Марс, ни Луна.

— Вот и не глупите. Сами дайте мне ответ.

Это на такой-то вопрос? Тем не менее у меня, сказать по правде, было подозрение, что стоит мне как следует подумать, и ответ найдётся. Я прикрыл глаза, чтобы её вид не затмевал мне разум, и с минуту упорно думал.

Потом я раскрыл глаза и сказал:

— Радиоволны отражаются от слоя Хевисайда. Наш сигнал послан вверх узким направленным пучком кем-то на расстоянии от тридцати до сорока миль, при этом он отражается от слоя Хевисайда и плюхается прямо на колени к мистеру Эмори под углом в семьдесят пять градусов. Это — ответ?

— А ты, Эд, молодчина. Чего ради ты работаешь на Бена Старлока?

— Ради денег, — ответил я. — Кстати о деньгах: ваш неполнородный дядя раньше уже просил у вас денег?

— Никогда. Ни цента... И... уж не знаю, насколько прямолинейно изложил вам Старлок эту часть дела, но я полагаю, что всё-таки кое-чем обязана дяде. Что бы вы ни написали в вашем отчёте, а я дам-таки ему денег — может быть, даже тысячу долларов. Но он предлагает мне процент — четверть, если говорить точно, если я вложу пять тысяч долларов. Только это крупная сумма, мне так просто её не собрать.

— Мне и то не просто её собрать, — вставил я.

— Только не надо острить, Эд. Когда не остришь, ты гораздо смешнее.

— Спасибо, — ответил я.

— Сейчас не об этом. Закругляйся со своей порцией, переходи к следующей, а заодно и мне подай стакан.

Я так и поступил.

— Что ж, мы покончили с этим делом, или же осталось что-то ещё, что ты хотел бы знать?

— Только одну вещь, — сказал я. — Мне-то чем заняться?

Перед тем как ответить, она трижды глубоко вздохнула; мне легко было сосчитать по движению её груди.

— Ну, а на моём месте, Эд, что бы тебе захотелось выяснить?

Я отпил из второго стакана виски с лимоном и содовой; прошло гораздо лучше, чем в первый раз. С минуту я это обдумывал — её вопрос, разумеется, а не этот природный феномен, — а затем сказал:

— Наверно, мне захотелось бы выяснить, в чём там выгода.

Она рассмеялась, и смех её прозвенел весьма мило. Она сказала:

— Я уж забеспокоилась, что спросила. Но поскольку ты всё же смог мне ответить...

— На один вопрос я всё же ответить не могу, — перебил я её. — Это — почему вы посылаете частного детектива вместо радиоинженера. Я ведь не радиоинженер, как вам известно.

— Я знаю. У меня тоже есть словарь Вебстера. Я узнала это твоё определение частотной модуляции: сегодня утром я нашла его в словаре, сразу как прочла письмо. Сколько слов ты вызубрил?

— Слов пятнадцать-двадцать, — усмехнулся я. — Прямо перед тем как идти на встречу с вами. Сверх этого мне известно не так уж много; я отличу детектор от усилителя и плату от каркаса. Да, мой словарь пополнился несколькими терминами. Но вы всё ещё не ответили на мой вопрос.

Собираясь ответить, она сделала два глотка.

— Во-первых, Эд, изобретатели не любят обсуждать сокровенные характеристики детищ своего разума, до того как те запатентованы. Если бы я послала туда инженера, Стивен Эмори поговорил бы с ним на их милом техническом жаргоне, но не дал бы ему ни клочка миллиметровки, ни одной диаграммы. А когда он увидит, что разговаривает с любителем — а уж он разберёт, не сомневайся, — то будет разговаривать более свободно. Это одно. Теперь другое... Но тут сложно объяснить. Назови это женской интуицией, смутной мыслью либо предчувствием. Я пользуюсь этим в делах, и дела мои в полном порядке. Я говорила тебе, что не верю в его мошенничество, и в то же время не знаю сама, что именно я тут подозреваю. Если бы я даже и знала, то не сказала бы тебе — не хочу, чтобы ты был предубеждён. Это ответ на твой вопрос?

— Нет, — сказал я, — но понуждать вас к другому ответу, видимо, не стоит. Как давно вы виделись с вашим... полудядей?

— В течение нескольких дней два года назад, когда он по делам приезжал в Чикаго. Он останавливался здесь. А туда я последний раз навещала пять лет назад. Время от времени мы переписываемся. То письмо, которое пришло от него этим утром, было первым за несколько месяцев. Есть ещё вопросы?

— Один, — сказал я, — но важный. Что мне сказать при встрече со Стивеном Эмори? Что я частный детектив, производящий для вас расследование? Или мне придумать что-нибудь этакое, чтобы не отбить у него желания разговаривать со мной?

— Можете сказать ему правду — полную правду. Сегодня днём я ему написала — после того как позвонила Бену Старлоку — и сообщила ему, что к нему приедет один человек, и я решу, дать денег или нет, на основании его отчёта. Ты только не говори, что денег я дам ему в любом случае.

— Отлично, — сказал я. Дело упрощалось.

— Музыку любишь?

На неё не было похоже, будто она предпочитает бить пластинки о проигрыватель, а не прокручивать их на нём, поэтом я кивнул.

— Бетховена или попсу?

— Скорее, последнее, — признал я. — Что-нибудь кроме Магси Спэниера. А пластинка Диззи Жильспи имеется?

Таковая имелась, и мы прослушали пластинку, пока допивали вторую порцию виски с лимоном и содовой. Затем мы поставили кое-что из менее закрученных ритмов и потанцевали под это. Я нарушил Правило № 1 Инструкции — никогда не флиртовать с

клиентом — и во время танца поцеловал её. Сделано это было весьма деликатно; бывает, что поцелуй так и хочется сорвать с уст соседки, этот же к таковым не относился. Не потому, что Жюстина была лет на десять меня старше; такие вещи меня не беспокоили. Но потому, что у неё имелась чёртова туча денег. Быть игрушкой богатой женщины — это, возможно, и приятное занятие, если вы можете это снести, но я не думаю, что мне пришлось бы это по вкусу.

Когда пробило десять, Жюстина произнесла:

— Извини, Эд, но мне пора отправляться на вечеринку. А то пойдём вместе?

— Лучше не надо, — ответил я. — Мне следует уложить вещи и приготовиться: я хочу отбыть самым ранним поездом.

— Ну, хорошо, как скажешь. Знаешь уже, где остановиться в Тремонте?

— Понятия не имею. Не знаю даже, что там за гостиницы.

— Их всего три. Лучшая, как ни крути — Тремонт-Хаус. Будь добр, остановись там, поскольку мне может прийти в голову повидать тебя.

Брови у меня, вероятно, поползли вверх, поскольку она добавила:

— На этой неделе я собираюсь по делам в Сент-Луис, и, скорее всего, сама буду за рулём. И тогда я, вероятно, заверну в Тремонт посмотреть, как у вас идут дела. Тогда я смогу решить, достаточно ли ты выяснил, или, наоборот, потребуется дальнейшее расследование.

— О'кэй, — сказал я. — Остановлюсь в Тремонт-Хаусе.

— Ты славный, Эд, — сказала мисс Хаберман.

Я рассмеялся.

— «Спасибо, сказал он, застенчиво теребя шляпу».

— И, чёрт тебя возьми, перестань разыгрывать из себя циничного остряка. Я уже говорила тебе, что ты и без того смешон.

— Да, мэм, — отозвался я.

Глава 2

Когда в десять тридцать я пришёл домой, дядюшка Эм отсутствовал, но на столе обнаружилась записка, прислонённая стоймя к точилке для карандашей. «Эд, — значилось в ней, — если по счастливой случайности ты освободишься раньше, то найдёшь меня на углу».

«На углу» означало — в пивбаре у Гими. Вновь спустившись на улицу, я направился в пивную. Дядюшка Эм восседал у конца буфетной стойки, занятый жарким спором по поводу игры бейсбольной команды «Чикаго Кабз». Увидев меня, он шутливо выпучил глаза, будто не может им поверить, затем распрощался со своими приятелями-спорщиками и подошел к моему столику (тем временем я заказал для нас обоих по кружке пива).

— Ну, малыш? — спросил он.

— Порядок, — ответил я. — Вводную получил исчерпывающую. Я справлюсь.

— В чём же там дело заключается?

— Это-то от меня и требуется выяснить. Нет, серьёзно, тут невозможно будет дать маху. Мне даже не придётся лгать — кто я и чего мне надо.

— Это радует. Но у тебя будут ещё два послабления. Во-первых, завтра можешь спать допоздна: я позвонил на вокзал и выяснил, что самый ранний поезд до Тремонта отправляется лишь в десять тридцать три, с Юнион-Стэйшн.

— А второе послабление?

— Это названьице, Тремонт, всё не давало мне покоя с той самой минуты, как Бен при нас упомянул его. Наконец я вспомнил. Кое-кого я там знаю.

— Женщину, держу пари, — не удержался я.

— Но не в этом смысле. Ведь она... ей, чёрт возьми, должно стукнуть уже шестьдесят, не меньше. Она была женой держателя небольшой ярмарки, на которой я подвизался несколько сезонов; пару лет назад это было. Каролина Бемисс. Когда её муж помер, она оставила ярмарочные заботы и приобрела в Тремонте еженедельную газету. Если она всё ещё заведует ею, то... Видишь ли, в городке таких размеров редактор местной газеты знает всё обо всех. От неё ты многое почерпнёшь.

— Я к ней наведаюсь, — пообещал я. — Тебя-то она хоть вспомнит?

— Конечно. Реальная подруга. Я виделся с ней пару лет назад, когда ярмарка, в которой я принимал участие в том году, в течение трёх дней проходила в Тремонте. Единственный раз, когда я побывал в этом городишке — и всё, что запомнил о нём, так это дождь, который лил все три дня кряду. — Дядюшка хмыкнул. — Ну, как, поладил с нашей клиенткой?

— Вполне. Никаких недомолвок, всё основательно и по-деловому. Акула бизнеса?

— Не знаю, Эд... Впрочем, я же шутил. А её я видал только раз, мельком в конторе Старлока.

— И какую же работу она поручает агентству?

— Продавцов своих контролировать — тащат они или не тащат. Она управляет сетью из дюжины магазинов одежды, из которых восемь здесь в Чикаго, остальные в Милуоки, Спрингфилде, Гэри и Сент-Луисе. Изрядная бизнесменша, я бы сказал.

— Ещё по пиву и домой?

— Верно, Эд, ещё по пиву.

Мы заказали, а потом покинули пивную. Это не звучит прелюдией к кошмару помешанного, верно?

Утром дядюшка Эм перезавёл для меня будильник, после того как сам поднялся в семь, и я проспал до девяти. Ехал я поездом в десять тридцать три, отчего у меня появлялось лишнее время. Мне пришлось прождать час, чтобы пересесть на поезд в Стрейтор, и до Тремонта я добрался лишь к трём часам. Номер в Тремонт-Хаусе я снял в точности за предсказанные Старлоком три доллара в день. Пообчистившись от путешествия по железной дороге, я был готов приступить к работе.

Сперва я набрал номер Стивена Эмори.

Объяснив ему, кто я и что мне нужно, я спросил, когда мы могли бы встретиться.

— Сейчас я ухожу, мистер Хантер, — ответил мне Эмори. — Еду в Дартаун по весьма важному делу, которое не могу отложить. Завтра утром вам не подойдёт?

— Лучше бы всё же сегодня вечером, если вы планируете к вечеру вернуться.

— Что ж... Если девять вечера для вас не слишком поздно, то приходите. Обещаю к этому времени быть.

— Вот и прекрасно.

Эмори растолковал мне, как добраться до его дома и добавил, что если мне случится прибыть раньше, чем он вернётся, то ничего страшного, поскольку Рэнди Барнетт — тот человек, что на него работает, — будет на месте и впустит меня подождать.

Я набрал номер единственной найденной в телефонном справочнике газеты и спросил миссис Каролину Бемисс. Её не оказалось в городе, и ждали её только завтра.

Спустившись вниз к стойке администратора, я спросил дежурившего там человека, есть ли в Тремонте что-нибудь вроде Торговой палаты или же Ассоциации по поддержке прав потребителей. Служащий ответил, что Торговая палата есть, но у неё нет постоянной конторы; что это просто кружок торговцев и предпринимателей, проводящих встречи раз в две недели, а единственным сотрудником на жаловании является секретарь, ведущий протоколы таких собраний.

Объяснив всё это, служащий усмехнулся.

— А секретаря вам не нужно искать далеко, — объявил он. — Это я и есть.

Тут некто подошёл забрать свою почту; служащий отдал её ему и вновь обратился ко мне.

— Меня зовут Сет Паркинсон, мистер Хантер. Могу я для вас что-нибудь сделать? То есть, как секретарь Торговой палаты?

Показав ему своё удостоверение от агентства Старлока, я объяснил, что меня интересует всё, что он может рассказать мне о Стивене Эмори.

— Кредитоспособность в порядке, — начал Сет. — Уважаемый гражданин. Белыми рабынями не торгует, в сбыте наркотиков не замечен. А что, собственно, вы хотите знать?

— Да, в общем, что он за человек, как держит себя в обществе, что ест на завтрак и нет ли у него... как бы выразиться — завихрений в мозгах?

Паркинсон поглядел на меня, размышляя.

— Не знаю, что он ест на завтрак. Лучше всех это должен знать Рэнди Барнетт, который с ним живёт и на него работает.

— Впрочем, это мне, может быть, и ни к чему, — успокоил я Паркинсона.

Слегка наклонившись вперёд, Паркинсон опёрся о свой прилавок локтями.

— Кое-кто в Чикаго намеревается сделать вложение в его Марсианское радио? —

спросил он. — Ради этого вы проводите расследование?

— Именно, — подтвердил я.

— Выражаясь по существу, вам нужно выяснить, не является ли Эмори слегка сумасшедшим, так?

— В общем, можно сказать, что так, — согласился я. — А он и впрямь — того?

— Видите ли, ещё месяц назад я сказал бы, что он нормальный, за исключением одного идиотского случая. Ну и помимо того факта, разумеется, что он всегда — с тех пор как умерла его жена — живёт один, с Рэнди Барнеттом, не имеет друзей и ведёт себя как настоящий отшельник.

— А что там был за идиотский случай — в том месяце?

— Он с ног сбился, вытаскивая Рэнди из тюрьмы, после того как сам же туда его и засадил.

— Я об этом не знал, — признался я. — А что произошло?

— Пару лет назад Рэнди стащил у него деньги. Примерно три сотни долларов. Он заявил потом, что поступил так потому, что то были его процентные отчисления за какую-то работу, в которой он помогал Эмори, но, как бы то ни было, кража была налицо. Эмори поднял хай, подал заявление и засадил Рэнди в тюрьму; Рэнди мог просидеть от трёх до пяти лет. Однако стоило Рэнди оказаться за решёткой, как Эмори переменял намерение и развил деятельность с целью добиться его выхода на свободу. Потратил триста долларов, не меньше. Шесть месяцев только этим и занимался, вытаскивал-таки и вновь нанял на работу.

Я подождал, не скажет ли Паркинсон чего-нибудь ещё, но продолжения не последовало. Тот просто пялился на меня, словно бы чего-то ожидая, а потому я проговорил:

— Ну и что тут идиотского? Злость выдохлась, настроение сменилось. Карты ему в руки.

Паркинсон посмотрел на меня так, как будто бы я вздумал пооригинальничать, но я взирал на него как ни в чём не бывало. Хотя смотреть особо было не на что. Лет тридцать-тридцать пять, длинное лошадиное лицо и песочного цвета волосы, некоторым образом заставляющие вспомнить о конской гриве, несмотря даже на то, что были расчётливо подстрижены. А к лошадям я никогда не питал особой любви.

Но тут я вспомнил, что выяснил только об одном из двух заявленных обстоятельств помрачения рассудка Стивена Эмори, а потому спросил Паркинсона, каково второе.

— Ну, это... А его межпланетное радио!

— И что с этим радио?

— Что с радио? — Вновь он одарил меня таким взглядом, как будто я, вместе со Стивеном Эмори, не совсем ещё очухался, только-только сбежав под крышу от проливного дождя. Он-то начал сплетничать со мною как с равным! И всё же Паркинсон на минуту задумался.

— Ну... если кто-то утверждает, что поймал в радиоприёмнике Марс...

— А он это утверждает? — любопытствовал я. — Насколько я понял, Эмори принял направленные сигналы, косо идущие откуда-то сверху; но ведь они могли быть посланы из не столь удалённого места, отразиться от слоя Хевисайда и попасть на его антенну именно под таким углом. По существу, если они приходят всякий раз под одним и тем же углом, то это доказывает, что они не имеют инопланетного происхождения: планеты по отношению к Земле не остаются неподвижными.

— Он тоже так утверждает. А почему тогда вчера он появился в городе, чтобы купить

небесную сферу, и взял в библиотеке книги по астрономии?

— Да ну?

— Вот как! Три магазина обошёл, понимаете? — а также поспрашивал на складе «Клотца», что у них есть по астрономии. Ничего он нигде не купил; у них была всего одна книга и не та, что ему нужна, но в библиотеке нашлось пять книг, три из которых он взял на абонемент. Не говорит ли это о том, что его сигналы не отражались ни от какого слоя?

— Это было вчера? — спросил я. Мне пришло в голову, что письмо к Жюстине Хаберман, раз она получила его вчера утром, было написано позавчера, в понедельник.

— Да, это было вчера.

Я вынул сигарету и, думая о своём, раскурил её. Вид у Паркинсона был такой, словно он готов был в любую секунду заржать.

— Вот вы упомянули Марс, — проговорил я. — Это — так, навскидку, либо сам Эмори упоминал его? Ведь даже если вещание шло откуда-то извне, оно могло быть и с Венеры, и с Сатурна — или с Проксимы Центавра, если на то пошло.

Паркинсон вновь с таинственным видом перегнулся через стойку.

— Нет, Эмори не называл Марса. Но говорил ли он вам, что это были за сигналы?

— Нет. Я с ним ещё не разговаривал.

— Так вот: то были щелчки, короткие импульсы. Всякий раз, как он их принимал — по четыре раза.

— И что? — спросил я.

— Не понимаете? По четыре раза. А Марс ведь четвёртая планета. Допустим, что Марс обитаем, и его обитатели пытаются послать нам сигнал; так разве не таков будет самый простейший сигнал, который они пошлют? Для того, чтобы мы сразу распознали, откуда он пришёл к нам?

Я проговорил, весьма осторожно:

— Звучит здраво. Но это ваша мысль, или мысль Эмори?

— Моя, — с гордостью отвечал Паркинсон.

Далее у меня было целых десять секунд, чтобы сообразить, что на это ответить. Ответ вышел не блестящий. Вот какой:

— О! Что ж, спасибо.

Произнёс я это и пошёл из вестибюля на улицу.

Тремонт — городок, расположенный вдоль главной улицы; его деловой район занимает пять кварталов продольно. Я прошагал их все в западном направлении, пока впереди не показался частный сектор; тогда я пересёк улицу и двинулся обратно — на восток по другой стороне, имея у себя за спиной заходящее солнце, а впереди — собственную всё удлиняющуюся тень.

Специально я ничего не искал, просто нужно было получить чувство места. Не то чтобы это всерьёз могло что-то значить, но мне не хотелось, чтобы после разговора с этим секретарём Торговой палаты у меня сложилось какое-то предвзятое мнение.

Я миновал редакцию газеты «Тремонтский представитель» и отметил про себя, ради возможных нужд, её месторасположение.

Несколькими дверями далее я увидел вывеску, извещавшую, что здесь находится публичная библиотека. Её я тоже не искал специально, но у меня появилась одна мысль, и я завернул туда.

Почти сразу же за дверью я наткнулся на столик библиотекаря, за которым сидела

молодая девушка. Было там, конечно, кое-что и помимо неё — полки с книгами, тучная женщина, читающая за одним из столов, двое детей у полок поодаль, но всё, что я заметил, едва успев войти, так это ту девушку за столом библиотекаря.

Не могу сказать определённо, что в ней было такого. Миловидна, но таких я и раньше встречал. Волосы, чёрные словно пиковый туз, и молочно-белая кожа, даже белее молока по контрасту с гагатом волос. Простое платье из крашеной пряжи в клетку, но сидело оно каким-то таким образом, что у вас не оставалось сомнений: под ним — нечто божественное. Возраст ей можно было приписать любой в промежутке от восемнадцати до двадцати пяти. В общем, не знаю, что в ней было такого, но когда я вошёл и она подняла глаза, а наши взгляды встретились, я почувствовал внезапную слабость в коленях.

Не хочу называть это любовью с первого взгляда, даже если таковая и существует, и не имею в виду её чисто сексуальную привлекательность. Было, конечно, немного и того и другого, плюс большое количество чего-то ещё, что не имеет названия, по крайней мере известного мне.

Я замер у стола и на три секунды напрочь забыл, зачем это мне понадобилось заходить в библиотеку. Всё, что шло мне в голову, так это сожаление, что в городе мне осталось быть лишь каких-то два дня.

Наконец я овладел речью и смог задать вопрос, где стоят книги по радио.

— Их совсем немного, — ответила девушка. — Я вам покажу.

Именно на это я и рассчитывал. К несчастью, ей не понадобилось делать и пяти шагов, так что прогулялись мы недалеко.

Она указала на одну книгу, затем, через десяток томов, на другую и произнесла:

— От сих до сих. Всё это здесь.

— Премного благодарен, — ответил я.

Она направилась назад к своему столу, я же проводил её взглядом, не забыв в последнюю секунду скоренько повернуть голову к книгам, пока она не оглянулась и не подметила, что я её разглядываю. Я взял с полки книгу, раскрыл её и попытался решить, что мне делать дальше. Ответ быстро нашёлся: нужно взять книгу на абонемент.

Я внимательнее присмотрелся к книге в своих руках; то была «Жизнь термитов» Метерлинка. Я поставил её на место и просмотрел названия той дюжины томов, на которые указала мне девушка. Один из них, выглядевший новее прочих, я снял с полки, быстро просмотрел и решил, что это то, что мне нужно.

Отнеся книгу к столу, я сказал:

— Меня зовут Эд Хантер; я остановился в Трмонт-Хаусе, через улицу, всего на пару дней. Если можно, я хотел бы взять эту книгу. Полагаю, что, поскольку я приезжий, мне позволят унести её с собой только под залог? — Тут я достал бумажник. — Верно?

— Думаю, вам нужно дождаться возвращения мисс Уиллис, — ответила девушка. — Я не библиотекарь. Она вынуждена была отлучиться в город, и я согласилась подежурить здесь несколько минут. Если у вас уже оформлен абонемент, я впишу вам туда книгу, если же...

— Так она придёт через пару минут?

Девушка кивнула.

— Тогда я подожду, — сказал я и — в общем-то, едва ли даже осознавая свои действия — расположился поудобнее, облокотясь о стол. — Не считите за вольность с моей стороны, но как вас зовут? Если бы мне довелось пожить здесь подольше, я бы это постепенно узнал, но у меня всего лишь два дня... — Я печально покачал головой.

— Странствующий торговец, полагаю. — Нет, она не дала мне своего имени, но и не выглядела сердитой — скорее, потешалась. Это уже было что-то.

— Частный детектив, — поправил я, наслаждаясь ожидаемым впечатлением. Но не долго: её взгляд меня разочаровал. — Да я не шучу! — пришлось мне торопливо добавить. — Я, возможно, и не похож на частного детектива, но не забывайте же, что детективам и не следует быть на них похожими! Я работаю на агентство Старлока в Чикаго.

— Честно? — Девушка выглядела заинтересованной.

— Документальное свидетельство, — заверил я и предъявил ей своё удостоверение.

Она взяла посмотреть.

— И вы здесь по делу? — спросила она, возвращая мне удостоверение.

Я приложил палец к губам и склонился к ней поближе для шёпота.

— Я расследую деятельность ФБР. Оно подозревается в подрывной деятельности. Могу я кое-что у вас об этом спросить?

— Давайте, — улыбнулась она.

— Во-первых, как вас зовут?

На это она рассмеялась, таким милым смехом. Правда, тут же ответила:

— Кингмэн. Молли Кингмэн.

— Чудесное имя, — заверил я. — Но вернёмся к предмету моего расследования... Вы знаете кого-нибудь из ФБР?

— Боюсь, нет.

— Тогда чего вы боитесь?

Ну она и расхохоталась! Я был на верном пути и продолжал:

— Возможно, я тороплю события, но ваша библиотекарша, вероятно, придёт с минуты на минуту, и вы растаете как в тумане. Моё расследование деятельности ФБР оставляет мне свободы почти до самого вечера. Свободы и скуки в незнакомом городе. Не согласитесь ли поужинать со мной? С одним-двумя стаканчиками аперитива — просто, чтобы скоротать вечер?

— Скорее всего, я не смогу. Мне очень жаль. — Взгляд девушки переместился к окну за моей спиной. — Но вот и мисс Уиллис. — И она встала из-за стола.

— Но... Где тогда мы сможем встретиться? — заторопился я.

— Я буду здесь завтра, часам к трём, если вам действительно захочется меня видеть. Мисс Уиллис назначено к стоматологу, и я обещала ей... Привет, Дороти. Этот человек хочет завести новый абонемент. Пришлось мне попросить его дожидаться тебя.

И, препоручив меня мисс Уиллис, Молли Кингмэн удалилась. Мне не удалось проводить её взглядом достаточно долго.

Я договорился с библиотекаршей — оставил ей в залог стоимость книги, и мне разрешили взять книгу с собой. Я принёс её к себе, в номер располагавшегося через улицу Тремонт-Хауса. Над этой книгой, посвящённой проблемам радиопередачи, я просидел почти до семи часов вечера, пробегая некоторые главы и задерживаясь на других, освежая в памяти то немногое, что знал о радио прежде, а также набираясь там и сям новых фактов.

Много мне не удалось почерпнуть: личико Молли Кингмэн затмевало всё. Два дня, чёрт возьми, мысленно возмущался я; почему она не встретила меня в Чикаго, а только здесь, за сто миль? И ведь говорил мне внутренний голос, что лучше уж больше и не видаться с ней, чем лезть из кожи вон, чтобы поспеть на встречу в библиотеку завтра в три. И всё-таки я там буду!

Я спустился в вестибюль, неся книгу с собой, чтобы почитать ещё немного во время еды. Куда там! — я забросил чтение и предался размышлениям, поедая рубленый бифштекс в ресторанчике по соседству с гостиницей. Ведь мне следовало выработать нечто вроде сценария предстоящего разговора со Стивенем Эмори; а я не вполне ещё разобрался, как к нему подступиться. Какой вопрос задать ему вторым, полностью зависело от его ответа на мой первый вопрос.

Когда я закончил ужинать, было четверть восьмого; стемнело. Пора было отправляться к Эмори: если идти пешком, то прибуду я как раз к девяти.

Правда, книга оказалась помехой, и я решил, не поднимаясь к себе в номер, оставить её у администратора. Войдя в гостиницу, я направился прямо к стойке дежурного. Секретарь Торговой палаты восседал за ней собственной персоной; он первым подал голос.

— Вам звонили, мистер Хантер, — объявил он. — Междугородний из Чикаго. Ответа из вашего номера так и не последовало, и абонент оставил сообщение. — Паркинсон подал мне листок с записью.

«Сегодня вечером еду в Сент-Луис, — прочёл я. — Миную Тремонт между двенадцатью и часом. Постарайся, пожалуйста, оказаться в номере, чтобы мы встретились и обсудили кое-что по нашему делу. Ж. Х.» Написано было тем изящным почерком, который присущ только школьной учительнице да секретарю Торговой палаты.

Я поднял взгляд от бумажки. Сет Паркинсон с готовностью добавил:

— В трубке был женский голос. — И затем, словно бы он только сейчас догадался: — Слушайте, а ведь у Эмори есть племянница в Чикаго, по фамилии Хаберман, которая когда-то у него гостила. Жюстина Хаберман, Ж. Х. Не она ли ваш клиент в этом деле?

— Это секрет, — ответил я. — За пределами Тремонта не распространяться. Вы будете дежурить здесь между двенадцатью и часом?

— О, нет. Я и так задержался сейчас на несколько минут. Ночному дежурному следовало появиться к семи тридцати. Но я скажу ему о вас, разумеется.

— Прекрасно, — отозвался я. — В девять у меня встреча, и...

— С Эмори?

— Да, с Эмори. Возможно, до полуночи я вернусь, но если нет, то мне хотелось бы, чтобы всякий, кто меня спросит...

— То есть мисс Хаберман. Или она — миссис Хаберман? Она замужем?

— Я спрошу её и скажу вам. Если она прибудет сюда до моего возвращения, пусть ночной дежурный скажет ей, что я буду через пару минут.

— Я передам. Думаете, вам покажут сегодня этот радиоприёмник?

— Я дам вам прочесть свой отчёт, перед тем как отнести его на почту. Ох, уже забыл, зачем я к вам пришёл. Нельзя ли мне оставить тут эту книгу, чтобы не брать её с собой и не тащить в номер?

— Конечно, мистер Хантер.

Я передал ему книгу и покинул гостиницу. Главная улица Тремонта в среду вечером ничуть не напоминала Чикагскую внутреннюю петлю, и я порадовался, что настоял на встрече и теперь не придётся коротать вечер одному.

Я прошагал примерно дюжину кварталов к западу, достиг городской черты, свернул и прошёл ещё два квартала на север, как и указал мне Эмори; тут начиналась сельская дорога. Жилище Эмори располагалось всего в двух милях по этой дороге, к тому же он объяснил мне, что свет над входом будет включён, чтоб я не плутал в темноте.

Вступив на эту дорогу, я пожалел, что не купил фонарика, но теперь уж было поздно. Луна хоть немного, да светила, достаточно для того, чтобы я различал края дороги. По мере того, как я шёл вперёд и глаза мои всё более привыкали к тусклому свету, я стал различать изгороди по сторонам и смутные очертания деревьев, а временами — сельские дома или сараи.

Я миновал уже два сельских дома, когда начал примечать даже имена на почтовых ящиках — просто на тот случай, если в доме Эмори забудут зажечь свет у входа. Мне встретился почтовый ящик Дж. Хеттермана, потом ещё один, помеченный надписью «Барнетт». Были ли то родственники того Рэнди Барнетта, что работает у Эмори?

Дорога повернула, я вместе с ней, и на пути у меня появился небольшой дощатый мосток; луна, казалось, засветила ярче. Справа показался ряд деревьев — нечто вроде фруктового сада; пробраться между деревьями мешал высокий густой кустарник.

Ненароком я на ходу бросил взгляд в ту сторону и... Вначале я не мог решить, не моё ли то воображение — там под деревьями, прямо за кустарниковой порослью, я увидел светлый овал, который мог оказаться человеческим лицом. Он находился как раз на уровне человеческого роста.

В ту же секунду послышался рык, рык звериный. Лицо-то и могло оказаться фантазией, миражом темноты, но только не этот рык. Я услышал его совершенно отчётливо, и в нём не было ни единого звука, который мог бы принадлежать человеку — может быть, лишь буйнопомешаному. То был зверский, злобный, убийственный звук. Словно бы из какого-то ужасика, передаваемого по радио.

Тотчас как раздался этот рык, бледный овал, походивший на человеческое лицо, сгинул. То не было фокусом по исчезновению, который навсегда остался бы в анналах мирового цирка, — кто бы там ни стоял, ему требовалось всего лишь отступить на единый шаг под глубокую древесную тень, чтобы исчезнуть подобным образом.

Но я за ним не последовал. До смерти напуганный, я рад был вовсе не преследовать его, как и он не стал преследовать меня. Что происходило там, среди деревьев, не имело ко мне никакого отношения. У меня была назначена встреча с человеком по имени Стивен Эмори, и мне нужно было идти дальше, чтобы поспеть вовремя. По существу, решил я, мне даже стоит прибавить шагу. Мне попросту захотелось побежать, но от этого я удержался.

Сразу впереди дорога делала крутой поворот — дюжина шагов от того места, где я увидел то, что увидел. Перед тем как повернуть по дороге, я невольно оглянулся.

Затем я вновь впери́л взгляд в ночь перед собой, и, ещё не успев по-настоящему повернуть, увидел нечто, лежащее у меня почти под ногами — главным образом прямо на дороге, но частично и в канаве, что отделяла дорогу от того сада. Выглядело, как будто бы это человек лежал на спине. Я склонился над ним. У него было разорвано горло.

По спине у меня в разные стороны побежали мурашки, кожу на макушке стало пощипывать. Испуг мой не был связан с одним лишь видом мёртвого тела; мертвецов я и раньше видывал — не много, но достаточно. То, что меня испугало, не было связано вот с этим именно телом. Но всего лишь в двадцати шагах за моей спиной, за поворотом дороги, что-то находилось во тьме под деревьями — некто или нечто, кто это сделал.

Мне следовало пощупать лежавшего, сунуть руку ему под рубашку, но я не отважился. Даже в этом тусклом сиянии луны один взгляд на его шею — на то место, где раньше был кадык — не оставлял никаких сомнений в том, что человек мёртв. Возможно, мне следовало прикоснуться к нему, чтобы определить, как долго он уже мёртв, но в ту минуту меня это не интересовало. Мне захотелось убраться отсюда ко всем чертям. И как можно скорее.

Выпрямившись, оглянувшись, я самым скорым шагом устремился вперёд. Я не позволил себе побежать, но готов был кинуться бегом как только мне что-то почудится за спиной. Да уж, у меня и шея онемела от непрерывных оборотов головы!

Я прошагал так с четверть мили, когда дорога вновь сделала поворот и впереди показался дом с двумя освещёнными окнами первого этажа, а также с горящим фонарём над входом. Тут подвернулся и почтовый ящик, на котором значилось имя Эмори; я кинулся к двери и позвонил в звонок.

Открыл мне высокий человек. Он сказал:

— Вы — Хантер? Входите. Я Рэнди Барнетт. Стив должен быть с минуты на минуту.

— Нельзя ли мне немедленно позвонить? — спросил я. — Там на дороге лежит мёртвый; будет лучше сообщить об этом в полицию.

— Телефон там, — указал Барнетт. — А что это было? Дорожное происшествие?

— Вряд ли.

— За городской чертой? Тогда это забота шерифа, а не полиции. Подождите-ка, ведь сегодня среда?

— Среда, — ответил я, усевшись у телефона, но не сняв ещё трубки.

— Тогда шериф с ребятами играют в карты в задней комнате у Джерри. Минутку; я дам вам номер. — Барнетт схватил телефонный справочник и распахнул его большим пальцем. — Шесть-четыре-три. Спросите шерифа Кингмэна, да скажите им, что у вас срочное дело, а то ещё, чего доброго, от вас попросту отмахнутся.

Я назвал в трубку номер; пока я ждал ответа, Барнетт задал мне вопрос:

— Не знаете, кто это был? Не нашли в кармане удостоверения или чего там ни будь?

Я покачал головой, и не успел он спросить меня о чём-то ещё, как на том конце ответили и я спросил шерифа Кингмэна. Ожидая, пока его позовут к трубке, я обратился к Барнетту.

— А что, у Кингмэна имеется дочь?

Тот кивнул и начал что-то объяснять, но голос в трубке («Кингмэн слушает») сразу же отвлёк моё внимание. Я назвал себя, объяснил, кто я и что случилось.

— Ладно, — угрюмо произнёс шериф. — Сейчас буду. А до того оставайтесь у Эмори. — И повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Рэнди Барнетт тараторил на меня.

— Разорвано горло? Так ли вы сказали Кингмэну?

Тут послышался звук подъезжающей машины, затем шуршание колёс затихло и хлопнула дверца.

— Вот и Стив, — проговорил Барнетт.

На крыльце застучали шаги, и Стив Эмори вошёл в дом. Это был короткий и пухлый человек с дружелюбным взглядом за толстенными очками в стальной оправе. Я встал, и он протянул мне руку.

— Вы Эд Хантер. Рад видеть. Я Эмори. — После чего, переведя взгляд с моего лица на лицо Барнетта и назад, он спросил изменившимся тоном: — Что-то случилось?

Я повторил ему то, что только что рассказал Кингмэну. То есть, о мёртвом человеке и о причине смерти; но я не упомянул того, что видел и слышал во тьме под деревьями. Этого я решил пока не выкладывать.

— Так-так... — сказал Эмори. — Вид у вас такой, словно вам требуется выпить. Всё, что у меня есть — это в некотором роде вино. Не желаете ли стаканчик?

— Пожалуй, — ответил я. — Благодарю.

Барнетт удалился на кухню, чтобы нас обслужить. Эмори взглянул на часы.

— Э-э... Если вы позвонили Кингмэну до того, как я приехал, то он будет здесь через несколько минут. Боюсь, нам сегодня не дадут побеседовать.

— А вдруг он не станет тут задерживаться?

Эмори издал короткий смешок.

— Насколько я знаю шерифа, сынок, он непременно прихватит тебя с собой, чтобы ты подписал всякие показания и...

Рэнди Барнетт с выражением внезапной озабоченности на лице возник в дверях, ведущих на кухню. В его руке была неоткрытая бутылка вина.

— Слушайте, а этот человек на дороге... — сказал Барнетт. — Он на меня похож?

— Чего? — глупо переспросил я.

— В том направлении как раз ферма моего брата — следующий дом по эту сторону дороги, полмили отсюда. Я вдруг подумал...

— Ох, — проговорил я и задумался, пытаюсь вспомнить лицо мёртвого человека; правда, в его лицо-то я и не всматривался.

— Мы не близнецы, — продолжал Барнетт, — но мы очень похожи. Те же рост и телосложение... А усы у него были?

В этом я как раз был уверен.

— Нет, — ответил я. — Не так легко, конечно же, оценить, когда человек лежит, но я полагаю, что ростом он будет поменьше вас. На нём такой тёмный костюм — кажется, синий, но трудно определить цвет среди ночи.

— Тогда, Рэнди, это не Бак, — сказал Эмори. — Тот никогда не носил ничего, кроме комбинезона или спецовки. Школьником, и то не носил костюмчика.

— Спасибо, — отозвался Барнетт и исчез в кухне. Я услышал, как он достаёт стаканы из буфета.

— Так я говорил, — продолжал Эмори, — что этим вечером нам, в связи с произошедшим, потолковать не дадут. Давайте лучше на всякий случай условимся на завтра. Вторая половина дня?

— А нельзя ли утром?

— Можно и утром. Всё утро я буду дома. Приходите в любое время после... скажем, после восьми. Я, признаться, и так ожидал, что Жюстина пришлёт сюда кого-нибудь, раз уж

сама слишком занята, чтобы приехать. Что ж, в городке обо мне вы уже повыведали?

— Было дело, — признался я.

Эмори захихикал.

— Уж вам, наверно, наговорили, будто я — деревенский идиот и всё такое.

— Нет, вовсе нет. О вас, между прочим, там приличного мнения.

— Да ну? Нет пророка в своём отечестве, как известно. Правда, люди — даже здесь у нас — верят в деньги, а им известно, что я ухитрился достаточно понаделать вещей, которые кормят меня и позволяют платить Рэнди за труды. Верно, Рэнди? — Рэнди, войдя к нам с тремя бокалами вина, отозвался утвердительно. Я принял свой бокал. Вино оказалось сладковатым, но терпимым.

— Послушайте, мистер Эмори, — сказал я. — Я хотел бы задать вам один вопрос, на который вы успеете мне ответить и до приезда шерифа. Тут поговаривают о том, будто бы вы полагаете, что принятый вами сигнал — он с Марса... Есть в этом доля правды?

Глаза Эмори сверкнули, хотя лицо не дрогнуло. Он ответил:

— Это, сынок, именно такой вопрос, на который я сегодня не отвечу.

— Тогда, значит, доля правды тут есть, — сказал я, — либо вы полагаете, что есть. Будь это только слух, вы бы совершенно спокойно ответили «нет». Ведь так же?

— И я совершенно спокойно ответил бы «да», если бы так полагал.

— Верно, но не ответили. То есть, если ответ «да», то вам захотелось бы дать ответ со всеми подробностями — объяснить, почему вы считаете, будто эти сигналы пришли... пришли извне.

— Слово «Марс» пугает тебя, сынок? Что ж, не беспокойся: эти сигналы не с Марса. И вопреки местным слухам, я и думать не думал, будто они оттуда. Ну как, теперь тебе лучше?

Я же вновь отпил вина.

— Может, и лучше, — ответил я, — только не знаю, почему мне лучше. Ведь, всё-таки, может же на Марсе существовать разумная жизнь! Это более старая планета, чем наша; там было больше времени для возникновения разума. Что там есть некоторая атмосфера и, по меньшей мере, немного воды, это общеизвестно. Какие у нас резоны полагать, будто мы — единственные разумные существа в Солнечной системе?

— Никаких резонов и нет.

Я взглянул на него в упор.

— Но вы полагаете, что мы одиноки?

— Я не думаю, что мы одиноки. — Лицо Эмори было спокойным, теперь — даже серьёзным. Он наклонился вперёд и постучал пальцем по моему колену. — Только не поймите меня превратно и не говорите потом Жюстине, что я ненормальный, поскольку я вам поддакивал. А может, вы говорили так, только чтобы проверить, не стану ли я вам поддакивать, хотя я так не думаю — вы, на мой взгляд, не подходите на роль Макиавелли. Как бы то ни было, захочет Жюстина вкладывать в меня какие-либо деньги или не захочет, я не собираюсь никому врать. Просто, как я вам уже сказал, сейчас не время в это входить. Вот уж и машина подъезжает, а в ней, должно быть, и наш шериф.

Он направился ко входной двери и распахнул её. Я тоже подошёл к двери, чтобы выглянуть наружу поверх его плеча.

Автомобиль подъехал к крыльцу и остановился; двое людей вышли из него и стали подниматься на крыльцо. Рэнди, оказавшийся сзади меня, произнёс:

— Он привёз с собой Вилли Эклунда. Должно быть, Вилли тоже был в игре.

— Это помощник, — объяснил мне Эмори через плечо. — Привет, шериф, привет, Вилли. Входите же.

Мы отступили назад, чтобы дать им войти, и шериф Кингмэн первым прошёл в дверь. Это был крупный мужчина, ещё не вышедший из среднего возраста, но уже с видимым брюшком. Его лицо было словно высечено из гранита, а глаза как у ястреба, снедаемого унынием. Шедший следом помощник, по контрасту, выглядел маленьким, кротким и весёлым. Кингмэн не удосужился ответить на приветствие Эмори.

— Ты — Эд Хантер, который мне звонил? — спросил он.

Я кивнул.

— А в чём дело, шериф? Разве вы не нашли...

— Что за номера вы здесь откалываете?

— Как так, шериф! В четверти мили отсюда, — настаивал я. — Не понимаю, как вам удалось проскочить мимо, с вашими фонарями. Труп лежал с левой стороны дороги, если ехать из города; большая часть тела — прямо на дороге, ноги свешивались в канаву.

Поедемте, я покажу.

Я сделал шаг в направлении двери, но шериф придержал меня своей лапицей. Не то чтобы он попросту меня схватил, но и пройти не дал.

— Выпиваете? — спросил он.

Я почувствовал, что терпение моё уходит, но попытался собрать его, сколько ни оставалось.

— Нет, — только и сказал я.

Шериф подался вперёд, словно бы желал ко мне принюхаться, но тут раздался спокойный голос Стивена Эмори:

— Только что, Джек, я угостил его стаканом вина. А ты не хочешь с нами выпить? И ты, Вилли?

Кингмэн не обратил никакого внимания на заданный вопрос, однако Эмори кивнул Рэнди Барнетту, и тот исчез в кухне.

— Что вы делаете в Тремонте? — обратился ко мне Кингмэн.

— Деловая поездка, — ответил я. — Некоторые дела с мистером Эмори.

Вновь Эмори подал голос, который зазвучал на этот раз боле строго.

— Всё верно, Джек. Он приехал сюда, чтобы повидать меня по делу, и я был о его приезде оповещён. Насколько мне известно, это дело даже не конфиденциальное. Но оно никак не связано с трупом на дороге.

Кингмэн всё ещё не спускал с меня взгляда.

— А я знаю, зачем он здесь, — заявил он. — Он у нас чёртов сыщик из Чикаго. — Каким-то образом шериф ухитрился выmaterиться этими тремя простыми словами. — И мне уже известно, о чём он выпрашивает людей, или притворяется, будто выпрашивает. Кое-кто сообщил мне, что в Тремонт-Хаусе поселился частный шпик.

Мне не нужно было долго гадать, кем был этот «кто-то».

Вернулся Рэнди, неся ещё два стакана вина, один из которых он протянул Вилли Эклунду, помощнику; Эмори же принял от него второй и едва заметным манером препроводил его в лапу самого. Сопровождалось это приглашением:

— Сядем-ка, шериф, на минутку. Расслабимся. И всё станет на свои места.

И Эмори потащил шерифа в кресло. Как же он старался разрядить обстановку!

— Так-то, Джек, — говорил он. — Значит, наш Проньра Паркинсон всё в точности тебе

доложил. Как я уже сказал, это не имеет значения, поскольку не составляет секрета. Я пытаюсь убедить Жюстину вложить некоторую сумму в мою новую разработку; ей, в свою очередь, даровано право производить любые расследования, какие она сочтёт нужными. Не таков ли девиз Торговой палаты нашего Паркинсона — «Следуй расследованию!»

— Вовсе я не о том веду речь, — произнёс Кингмэн. — Я толкую о проклятом частном шпике из Чикаго: заявляется сюда, понимаешь, и...

В общем, сдался шериф. Стоило Эмори воздеть руку, как шериф запнулся.

— Давай, Джек, не будем смешивать, — сказал Эмори. — Тебя раздражают три вещи. Первая, что здесь у нас Эд Хантер — частный детектив; вторая, что он из Чикаго; и третья — что он оторвал тебя в среду от ночной игры в покер, заставив искать труп, а никакого трупа нет. Первую и вторую вещь мы признаём, но Эд тут ничего поделывать не может. В следующий раз исправится. Давай-ка перейдём к третьему вопросу.

Кингмэн заворчал, однако глотнул из своего стакана, и Эмори продолжил.

— Откинем же и игру в покер, сосредоточимся только на трупе. Представим на минуту, что Эд не пьян и не лжёт — а я ручаюсь за то, что он не пьян, — так не мог ли ты просмотреть этот труп, если он всё ещё находится там, где говорит Хантер?

— Нет, чёрт возьми. Мы ведь не гнали, ехали медленно, а от Бака Барнетта до тебя последние полмили, фактически ползли. Вилли водил по краям дороги прожектором. Скатись даже тело в канаву, мы и то бы его увидели.

Эмори обратился ко мне.

— А ты точно указал расстояние, Эд? Не может ли тело находиться далее, чем тебе показалось?

— Перед тем, как наткнуться на тело, — ответил я, — я как раз миновал почтовый ящик с именем Барнетта. Тело, я бы сказал, находилось на полпути от того ящика. Как раз после поворота дороги — а потом был ещё только один поворот, после чего я сразу оказался у вашего дома.

Эмори кивнул.

— Тогда всё верно: в четверти мили отсюда; как раз ещё полмили до дома Барнетта. Отличная способность оценивать расстояние для городского паренька, Эд. А, Джек?

Но тут вмешался Вилли Эклунг.

— Ничего там, Стив, не было, — сказал он. — Именно там мы глядели во все глаза — влево от дороги, как он и сказал по телефону. Мы бы и дохлого цыплёнка не прозевали. Уж поверь.

Кингмэн с ворчанием продолжал цедить вино.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Там было тело. — Я посмотрел на свои часы. — Полчаса назад. Уйти оно не могло. Оно было мёртвым.

— Прикасался к нему? — спросил Кингмэн.

Я покачал головой. Теперь я понимал, как опростоволосился; убедительности моему рассказу не хватало.

— Но мне не было нужды прикасаться к нему, — сказал я. — У него было разорвано горло. С такой раной невозможно оставаться в живых.

— Не нальёшь ли нам, Рэнди, ещё вина? — вмешался Эмори. Барнетт поднялся на ноги и исчез в кухне.

Вилли Эклунд подался вперёд в своём кресле; его лицо вдруг вытянулось, как у ищейки.

— Тогда, я полагаю, он валялся в приличнейшей луже крови.

Я призадумался. Помощник был прав: убитый таким образом, тот человек должен был просто плавать в крови. Но я не мог вспомнить, чтобы была кровь. Я прикрыл глаза и попытался вновь увидеть всю сцену воочию; я сумел вспомнить и смертельно-белое лицо, и рваную рану на горле, исчерна-красную в лунном свете, но лужи крови я вспомнить не смог.

— Я не заметил... не помню крови.

Рэнди был тут как тут с бутылкой вина; он наполнил стаканы.

— А может, его не там убили, — предположил он. — Может, его сбил автомобиль и протащил по дороге. А горло ему располосовало поддоном. И кровотечение к тому времени... — На сим он умолк; я видел, что Рэнди высказывается просто ради того, чтобы разрядить атмосферу в комнате, но и сам едва ли верит тому, что говорит.

— Можешь ты, Эд, показать им точное место? — спросил Эмори.

— С точностью до нескольких футов, — ответил я. — Это как раз после поворота, в нескольких шагах от купы деревьев, где я увидел... — Мне не хотелось привлекать ещё и эти свидетельства, но возможно, так будет лучше, рассудил я — рассказать всю правду вместо её части. — Где я увидел, либо мне показалось, что под деревьями что-то есть — за полминуты до того, как я наткнулся на тело.

Эмори явно заинтересовался сильнее прочих. Он же и спросил:

— Что, Эд? Что ты увидел?

Я рассказал обо всём настолько беспристрастно, насколько мне это удалось, стараясь отрешиться от всех эмоций.

После второго стакана вина Кингмэн как-то опал на своём стуле. Глаза его закрылись, словно он задремал, но я подозревал, что он притворяется, — даже больше: я чувствовал бы себя гораздо комфортнее, если бы он наседал на меня с вопросами, а не затаился, замкнув уста. Я воспринимал это — и справедливо, как показало дальнейшее, — как совершеннейшее неверие, когда даже вопросы задавать излишне.

— Хорошо бы поблизости гастролировал цирк, — продолжал Рэнди, — и была вероятность того, что на свободу вырвалось какое-либо дикое животное — тигр, пусть даже волк. Это они способны совершить убийство, скрывшись под деревьями, когда Хантер там проходил, а затем перетащить тело на дорогу.

Вилли Эклунд взглянул на говорившего.

— Слушай, Рэнди, эта овчарка твоего брата... Она ведь способна перегрызть горло человеку.

Рэнди рассмеялся.

— Вольф? Он и кролика не обидит. Деликатнейшая собачонка из всех, что я знаю; не годится даже для охраны двора. А у Бака-то и охранять нечего. И случись туда забрести какому-нибудь бродяге, Вольф только в нос его поцелует.

— Отчего же Бак держит его всё время на цепи?

— Да чтобы он не сбежал с первым встречным. Ему только предложи забраться в автомобиль — и всё, прощай, пёсик. Не то чтобы собака была такой уж ценной — Бак отдал за него, щенка тогда ещё, десять долларов (десяток лет назад). Но теперь он бы с ним и за тысячу не расстался. Он стал членом семьи — для Бака он даже дороже меня. Наверно, не даром. Кому вина ещё?

Шериф открыл глаза и поднялся на ноги.

— Закругляемся, — объявил он. — Пошли, Хантер, покажешь нам то место, где было тело.

Эмори протянул мне руку.

— Доброй ночи, Эд. Надеюсь, утром свидимся.

— Конечно, мистер Эмори, — ответил я и вслед за шерифом и его помощником направился к автомобилю.

У машины Кингмэн сказал:

— Вилли, веди ты. — Мне он жестом велел сесть на заднее сиденье, затем влез и уселся рядом.

Эклунг завёл двигатель и направил машину в сторону города. Через плечо он спросил:

— Мне там остановиться?

— Да. Не будем парню препятствовать.

Достигнув второго поворота, Вилли поехал тише. Он остановил машину не доезжая до описанного мной места.

— Здесь, примерно? — спросил он.

— Ещё футов двадцать вперёд.

— Туда ты и пешком дотопаешь, — сказал Кингмэн. — Ступай да поищи своего покойничка, если там они водятся.

Никакого покойника не было, я и так это ясно видел в свете фар. Но я подумал, что мне удастся найти отпечатки ног либо свидетельство того, что тело волокли по земле. Стодилась бы даже пара капель крови.

Я вышел из машины и прошёл несколько шагов, оставаясь в свете мощных фар; тень моя простиралась далеко вперёд. Я определил, что нахожусь у края рощицы, нашёл и поворот дороги. Отыскал я и нужное место — пусть с точностью до двух ярдов, — то самое место, где тогда лежало тело.

Свет фар отлично освещал местность, а потому я склонился и принялся осматривать поверхность дороги. Но она была суха и прекрасно утоптана, и если на ней и были какие-либо отметины, разглядеть их мне не удалось.

Я прошёл несколько шагов назад, искал там; затем несколько шагов вперёд, и тогда услышал, как Кингмэн сказал что-то своему помощнику, после чего автомобиль подполз и стал рядом со мной.

— Нашёл что-нибудь? — спросил Кингмэн.

— Ещё нет.

— Залезай.

Я залез в машину.

— Вернусь сюда завтра, — сказал я, — осмотрю при дневном свете.

Машина рванула, взрыхлив гравий, и меня бросило на спинку сиденья.

— Уж будь любезен. Найдёшь что-нибудь, черкни мне письмецо. Только, боюсь, не угодить бы тебе в камеру.

— По какому обвинению?

— А вот мы сейчас приедем в мою контору, там и обсудим этот предмет. До тех пор не бойсь.

— Я под арестом?

— Нет.

— Тогда, — сказал я, — если вы не возражаете, я лучше выйду и пройду пешком.

— Ага, чтобы тебе волк-оборотень горло перегрыз? Мы уж позаботимся, чтобы ты был доставлен в безопасности. Сейчас ты ещё не под арестом, но мы задержим тебя как

материальное свидетельство.

— С какой стати? Вы же не верите, что было совершено преступление.

— Если не было, а ты вызвал меня ради шутки, и признаешься в этом, то получишь десять суток за нарушение порядка. Ну, что — сознаёшься?

— Чушь какая-то, — пробормотал я.

— Дошло, наконец? Это хорошо. Вилли, высади нас у моей конторы. Затем можешь возвращаться и вновь, если хочешь, засесть за игру. Сейчас всего десять.

— Конечно, — откликнулся Эклунд. — А ты придёшь?

— Ещё не знаю. Скажи там, что либо приду, либо не приду. Всё зависит от этого человечка в синей форменной тужурке.

К этому времени мы въехали в город, и спустя ещё несколько минут автомобиль остановился у панели перед трёхэтажным зданием в полуквартале от центральной улицы.

Кингмэн вышел и произнёс:

— Наружу.

Он пропустил меня вперёд, сам следовал за мной по пятам и на верху первого лестничного пролёта объявил:

— Здесь.

Тут он вытащил связку ключей, одним из которых открыл дверь с надписью «Отдел шерифа». Мы вошли в помещение, служащее кабинетом, и пройдя к его дальнему концу, вошли в маленькую комнатёнку с надписью «Для личного состава».

Я старался ни на минуту не забывать, что должен держать себя в руках, иначе сорвусь и всё кончится задержанием под стражу. Чудненькое будет фиаско первого же дела, которое я предпринял самостоятельно для агентства Старлока! Дядюшка Эм сможет мной гордиться.

Кингмэн обогнул свой стол, но садиться не стал. Он вперил взгляд в меня, стоящего напротив, и задал вопрос:

— Во-первых, пушка имеется?

Я едва не рассмеялся прямо ему в лицо.

— Нет, конечно, — сказал я.

Кингмэн полез в верхний ящик своего стола; когда его рука появилась вновь, в ней была зажата полицейская дубинка. Поигрывая сей дубинкой, он вновь обогнул стол и приблизился ко мне.

— Проверим, — сказал он.

Я был хорошим мальчиком. Я стоял смирно, слегка оттопырив руки, пока он, сжимая свою дубинку в правой руке, левой шарил в тех местах, где у меня мог бы скрываться пистолет.

Под конец он пошарил у меня за лацканами в поисках наплечной кобуры, а завершив это занятие, сунул руку во внутренний карман моего пиджака и вытащил оттуда мои бумаги. Чтобы рассмотреть их как следует, пока я стоял, рдея от негодования, он вновь прошёл за свой стол.

И ведь там же не было ничего такого, что я отказался бы ему показать по его первому требованию: всего лишь моё служебное удостоверение, личное письмо, которое я получил накануне от приятеля с оставленной нами ярмарки, и оплаченный счёт за пару грампластинок.

Он взглянул на личное письмо и на счёт, а удостоверение агентства Старлока внимательно прочёл. Затем он вернул мне бумаги, всё той же левой рукой. На правой его

руке продолжала болтаться дубинка.

— Теперь вы всё обо мне знаете, — сказал я, стараясь говорить ровно и не выходить из себя. — Послушайте, шериф, честное слово — я столь же сам озадачен, как и все остальные, тем, что произошло. Я действительно видел то, о чём вам рассказал. Разыгрывать вас у меня не было никакого резона, ещё чтобы и самому пострадать. Вы можете признать это?

С тем же успехом я мог бы молчать как рыба. Шериф уселся на край стола, не сводя с меня взгляда. Он проговорил:

— Ненавижу чикагскую шпану, и в моём округе ей ничего не светит. Это вот место — единственное, где им не укрыться, когда в Чикаго становится жарко. Но есть одна вещь, которую я ненавижу ещё сильнее — это чикагские частные сыщики. Вы ещё почище той шпаны мазурики.

— Это ваше личное мнение, — отвечал я.

— Это моё мнение. Я не знаю, что кроется за этим номером, который ты отколол. Возможно — желание отозвать меня из города, в то время как кто-то что-то здесь учинит. Я не знаю. Возможно, завтра всё выплывет. Слушай приказ: до завтрашнего вечера торчать тут, на случай если понадобится. Я не собираюсь вешать на округ расходы на твои харчи.

— И прекрасно, — сказал я.

— Но кое-что я всё же сделаю.

Он так и не сказал, что именно. Тыльная сторона его ладони — скорее, медвежьей лапы — уже достигла моего лица, в то время как сам он ещё приподнимался со стола.

Мне не удалось увернуться, ведь я стоял прислонившись спиной к косяку. К тому же я этого не ждал.

От удара моя голова запрокинулась и стукнулась о косяк. Раздался гулкий стук, который я одновременно и услышал и почувствовал. Я попытался вскинуть руки, чтобы защититься от его другой руки, уже отведённой для замаха, но они почему-то меня не слушались.

Я увидел приближающийся кулак — а свою дубинку шериф швырнул на стол, — но лучшее, что я мог сделать, это чуть-чуть повернуть голову, и как раз вовремя, чтобы тот угодил по челюсти сбоку, а не в торец.

Я не отключился, но сознание во мне помутилось. Колени ослабли, и я сполз вниз по стене. Но даже когда я достиг пола, один из его бродяжеских башмаков прошёлся мне по рёбрам и вышиб воздух из лёгких.

Шериф отступил на шаг, и я увидел, что он снова берёт свою дубинку.

— На сегодня хватит, — сказал он. — В следующий раз я тебя не так отделаю. А теперь убирайся.

Чтобы ответить хоть словом, у меня не хватало воздуха — разве только на то, чтобы встать. Но сознание работало — а я был точно связан по рукам и ногам.

Дубинку Кингмэн переложил в левую руку, а правой сгрёб меня за грудки. Он протащил меня через наружную контору в коридор, словно я — мешок угля. Затем на секунду он перегнулся за косяк, погасил свет, после чего запер дверь.

Тут он взглянул на меня сверху вниз, всего на секунду, как будто забеспокоившись. Мне не хотелось, чтобы он обо мне беспокоился. Я ухитрился сесть, прислонившись к стене, и, широко открывая рот, восстановил дыхание.

Он явно был успокоен.

— О'кэй, ничего с тобой не случится. Но в следующий раз, когда ты снова вздумаешь выкинуть такой трюк, всё будет по-иному.

Он спустился по лестнице и вышел вон. Вероятно, спешил вернуться к игре.

Спустя некоторое время (возможно, прошло пару минут) я поднялся на ноги. В ушах у меня звенело и ныло в боку, в том месте, куда он меня пнул. Дыханье, однако, восстановилось. Физически со мной всё было в порядке, но вот психологически — не скажу. С психологической точки зрения я уже был не тем, что четвертью часами ранее. Тем прежним, лучше или хуже теперешнего, мне было уже никогда не стать; не знаю почему, но тем не менее. Когда вас избивают впервые, в особенности если избивают незаслуженно, без малейшей вашей вины, с вами что-то происходит. Это как будто вдруг умерли ваши родители, как будто вы в первый раз переспали с женщиной. Что-то — раз, и произошло; и вы уже не тот, что до этого.

Я снял пиджак и немного посбивал с него пыль — насколько мне это удалось одной рукой, ведь второй я держал его. Затем я перевесил пиджак через перила и принялся оббивать брюки.

Вновь надев пиджак, я спустился по лестнице. О перила я не опирался, хоть и был готов во всякое мгновение ухватиться за них. Пару раз мне едва не сделалось дурно, но упрямство пересиливало: решил спускаться не держась за перила — и спустился.

Когда я вышел на улицу, прохладный воздух оказался очень приятен. Мне захотелось сесть на ступеньки и с минуту посидеть, но я не сел. Крона деревьев на моей голове была далёкой, зелёной, прохладной; я направился назад к центральной улице, любуясь видневшимися сквозь листву звёздами чёрного неба.

Есть ли среди них Марс? — гадал я, чувствуя себя словно бы пьяным. Не слабо и отдалённо пьяным вследствие выпитого у Эмори вина. Я был совершенно пьян чем-то иным. Я ощущал себя ростом в милю и в то же время всего лишь в дюйм высотой.

Дойдя до угла, я взглянул на свои часы; они показывали семь минут одиннадцатого. Я не поверил, я приложил часы к уху, чтобы послушать, тикают ли. Часы тикали; тогда выходило, что и двух часов не прошло, как я покидал Тремонт, вышагивая по этой самой улице к городской окраине. Слышал ли я звериный рык в темноте, видел ли мужчину с перегрызенным горлом, лежавшего у края дороги? И то и другое казалось случившимися много недель назад. Произошедшее в конторе шерифа в сто раз их перевешивало — возможно потому, что всё там произошедшее случилось именно со мной. Забавно, насколько важнее бывают мелкие события, но произошедшие с вами, событий крупных — вроде убийства, — но случившихся с кем-то другим.

Пройдя полтора квартала на запад, я оказался у входа в Тремонт-Хаус. Прежде чем войти, я с минуту озирался по сторонам: меня очень удивило, что на улице ещё есть прохожие. Мне казалось — после всего произошедшего, — что сейчас далеко за полночь; я всё ещё не мог признать свидетельства собственных часов.

Войдя в гостиницу, я увидел за стойкой администратора незнакомого мне дежурного. Это был пожилой мужчина с кроткими, водянистыми глазами и жидкими седыми волосёнками, тщательно зачесанными с обоих боков на макушку, чтобы скрыть обозначившуюся лысину.

Назвав ему номер своей комнаты и получив ключ, я был немного удивлён тем, что для меня никто не оставлял сообщений — мне всё казалось, что я отсутствовал невесть сколько. Я спросил дежурного, не имеется ли тут одежной щётки или метёлочки, чтобы мне

почиститься в номере. Дежурный ответил:

— Щётка есть у портье. Я могу вам одолжить, но вы должны будете вернуть её мне сегодня же, чтобы завтра утром портье не хватился.

— Вот и чудесно, — ответил я. — Управлюсь с одеждой и сразу верну вам щётку.

Тогда он подал мне щётку, и я отправился к себе в номер. Там я снял костюм и старательно его вычистил, пока ванная наполнялась водой; вышло совсем неплохо: завтра его необходимо будет погладить, но пыли и грязи на нём уже не осталось.

Бок у меня продолжал ныть; в одном месте, пока я работал щёткой, не прекращалась острая боль. Я снял рубашку и ощупал то место; очаг боли располагался поверх одного из рёберных выступов с правой стороны. Нужно было убедиться, не сломано ли ребро, и к тому времени, как я вылез из ванны, я уж знал, что сломано.

Позвонив дежурному вниз, я спросил маленького человечка, имеется ли поблизости врач, и дежурный ответил мне:

— В этот час врачи уже не принимают, но доктор Корделл живёт всего лишь за квартал отсюда; он, скорее всего, уже дома.

— А вы не дадите мне его номер, или мне посмотреть в справочнике?

— Его номер у меня есть. Я скажу ему, мистер Хантер.

Минутой позже он перезвонил мне и сказал, что доктор Корделл будет у меня через десять-пятнадцать минут.

Я наполовину оделся, оставаясь обнажённым выше пояса, и принялся ждать. Спустя некоторое время раздался стук в дверь, и я впустил высокого светловолосого человека, объявившего, что он и есть доктор Корделл.

Он простучал меня и заявил, что ребро моё на деле не сломано, но трещина в нём имеется. Он велел мне встать и повернуться спиной, сам же обернул меня несколькими ярдами бандажной ленты. Напоследок он велел мне заглянуть в его кабинет через день-два, если я ещё буду в городе, и принял от меня пять долларов.

После его ухода я оделся полностью; часы показывали лишь одиннадцать, так что у меня был ещё час в запасе до прибытия Жюстины Хаберман.

Я сел и попытался обдумать ситуацию с трупом на дороге и рыком среди деревьев, но пытаться дать ответ на эти загадки было всё равно что возводить кирпичную стену на песке. Возможно, завтра у меня появится, за что зацепиться. Может быть, завтра хватятся когонибудь из живущих вдоль той дороги — ведь должен же был где-то пропасть человек! Исходя из того, что было надето на трупе, я не думал, что тот человек был бродягой либо странствующим рабочим. И если только он проживал в окрестностях Тремонта, его обязательно хватятся.

Итак, с чего было начать выяснение, не пропал ли кто? Впрочем, ничего стоящего в голову не лезло. Всё затмевала рожа шерифа Джека Кингмэна. Я чувствовал, что единственной проблемой было произошедшее между им и мной, и для меня это было важнее всех убийств, когда-либо совершённых здесь с тех пор как индейцы первый раз сняли скаल्प с белого поселенца. И дело между мной и шерифом Кингмэном следовало утрясти до моего убийства из Тремонта, даже если придётся ради этого — то есть, ради того, чтобы задержаться в Тремонте, — распротиться с работой у Старлока; ведь покинь я город, не утряся этого дела, в Чикаго вернётся только одна часть меня. Другая моя часть так и останется лежать на полу в коридоре перед дверью шерифа. И мне это не нравилось.

Подойдя к окну, я взглянул вниз. Никакого решения проблемы Молли Кингмэн и

шерифа Кингмэна из окна я не усмотрел. Я вообще мало что увидел помимо зданий, выстроившихся вдоль улицы. И того факта, что завтра будет чертовски суебливый и тяжёлый день, и жаль что тут нет дядюшки Эма, который бы ухмыльнулся и велел мне вынуть палец из носу.

Я всё глядел из окна на здания по другую сторону улицы и видел прелестное личико Молли Кингмэн, молочно-белое под чёрными-пречёрными волосами, подстриженными «под пажа», её широко расставленные глаза и то, как они мило опёрлась грудью о край стола в пароксизме смеха, когда я рассмешил её. Как вообще она ухитрилась вырасти столь милой у такого папаши!

Я подумал о Стивене Эмори: не обернётся ли дело в конце концов тем, что он окажется чокнутым? Ох, как я надеялся, что нет! Ведь он показался мне таким славным малым, забавным живчиком, но отнюдь не с приветом. И потом, он же заверил меня, что не считает этот сигнал пришедшим с Марса...

Тут я понял, что оказался столь же узколобым, как и всякий другой, замешанный в этой бестолковщине. Да с какой стати мне считать Стивена Эмори чокнутым, даже если тот будет утверждать, что этот сигнал пришёл с Марса! Марс, весьма вероятно, обитаем; оттуда тоже могут придти сигналы. Если так, то кто-нибудь в один прекрасный день обязательно поймает их своим детектором; и что же — считать этого человека сумасшедшим, пока он не окажется прав? На минуту-другую мной овладело нешуточное возбуждение от такой возможности — от одной только мысли, что этот сигнал действительно имеет внеземное происхождение.

Затем я вновь вспомнил о Кингмэне и о Молли, о трупке на дороге и о той твари, что рычала в темноте — и мысли мои побежали такими кругами, что я счёл за лучшее вообще покончить с умствованием. Я спустился вниз и забрал у дежурного свою книгу по радиотехнике. Тут же, в гостиничном холле, я погрузился в чтение и читал до тех пор, покуда, с наступлением полуночи, в дверях не показалась Жюстина Хаберман.

Из её ли собственного магазина это платье, подумалось мне. Оно было настолько простым, что должно было стоить очень дорого. И в нём она выглядела на миллион долларов, вовсе даже не на каких-нибудь несколько сот тысяч, которыми, вероятно, в действительности располагала.

На секунду она замерла в дверном проёме, ожидая, чтобы я встал и направился к ней. Улыбнувшись мне, она произнесла:

— Привет. Выпьём за разговором? Я два часа вела машину; в горле пересохло.

Я не возражал; вновь я оставил книгу дежурному на сохранность, и мы вышли на улицу. Припаркованный у входа автомобиль был «кадиллаком-купе» — длинным, низким и ухарским. Мы забрались внутрь, и она повела на юг от городской черты, остановившись у придорожной закусочной под вывеской «Синяя мельница».

Мы заказали мартини и сидели с минуту, слушая трио на подиуме — фортепиано, гитару и кларнета, — которое создавало приятный, если не сказать — проникновенный — звуковой фон.

Затем я спохватился — от меня ведь ждали доклада — и сказал:

— Прощу меня извинить, но, боюсь, не могу сообщить вам ничего особенного. Я повидал сегодня Стивена Эмори, но не смог с ним поговорить. Кое-что тут произошло. Я пойду к нему вновь завтра утром.

Она пристально всмотрелась в меня.

— Эд, ты выглядишь как-то не так. Со вчерашнего вечера ты словно стал на три года старше.

— Вполне возможно.

— Ты подрался? У тебя на лице с одной стороны вроде как припухлость — или мне только кажется?

— Я упал. Ничего серьёзного. Это никак не связано с тем делом, по которому я на вас работаю.

— Ты что, Эд, влюбился?

— Это тоже, — рассмеялся я, — не относится к тому делу. А если серьёзно, то не знаю.

Подали мартини.

— Расскажи о себе, Эд, — попросила она.

— Тут много не расскажешь. Я родился в Гэри, что в Индиане. Моя мать умерла, когда я был совсем маленьким. Отец мой был печатником; он взял меня в Чикаго, когда мне было тринадцать. Сам он умер несколько лет назад, и с тех пор я остался с дядей, Эмброзом Хантером. Ныне он работает у Старлока, — оперативником. Попросил Бена Старлока испытать и меня. Помнишь его?

— Твоего дядю? Нет, а мы встречались?

— Может, и нет. Он сказал, что один раз видел тебя, всего минуту, в кабинете Старлока. Он такой невысокий, пять футов семь дюймов, полный, но не то чтобы жирный. У него ещё такие тёмные всклокоченные усы, и носит он непрезентабельную фетровую шляпу, чёрную.

— Кажется, я его помню. Но без шляпы — ведь он же снимает её в конторе?

— Я бы удивился, поступи он так. Впрочем, всё это только видимость. Внутри он умнейший — и надёжнейший — человек из всех, что я знаю.

— Так вы с ним очень близки?

Я кивнул.

— Он много где побывал и много чего переделал. В основном, подвизался на ярмарках. Восемь месяцев назад мы прибыли в Чикаго, и его приняли в агентство; раньше он уже как-то работал частным детективом. Мне кажется, это на него я повлиял, чтобы он вернулся к этой профессии.

— Потому что тебе и самому захотелось себя в ней попробовать?

— Скорее всего, — согласился я.

— Значит, теперь ты стал сыщиком; и как тебе это нравится?

Я хмыкнул.

— Старлок бы этого не одобрил, но я скажу: не так уж долго я проработал сыщиком, чтобы определиться. Если быть точным, то всего лишь три дня. И первые два дня были не очень успешны. Сегодня у меня третий день. Правда, я ещё не поджёг мир.

— А сколько тебе, Эд?

— Двадцать один. И я действительно прожил на несколько лет больше этого числа.

— Я бы дала тебе двадцать четыре или двадцать пять, — согласилась она, — судя по твоему виду. Беседы с тобой меня озадачивают, что в прошлый раз, что сегодня. Я имею в виду, что иногда мне кажется, будто тебе восемнадцать, а иногда — что и все тридцать. Твоя сильнейшая беда в том, что ты слишком хорош на вид. Мне, вероятно, не стоило этого тебе говорить — ведь ты, наверно, не догадывался. Кстати, ты сказал, что произошло нечто, помешавшее тебе переговорить с Эмори. А что это было?

— Ничего такого, что имело бы отношение к нему либо к его изобретению. По пути к

Эмори я обнаружил на дороге труп. Мне пришлось сообщить об этом шерифу, и мы с шерифом отправились к нему в контору.

— Труп? Кого-то сбило машиной?

Я решил, что в конце концов лучше всё ей рассказать. Я так и поступил. То есть, я рассказал ей всё, что произошло с той минуты, как я отправился к Эмори, и до того момента, как мы оказались в конторе шерифа. Случившееся позднее я пропустил.

Она слушала меня с широко раскрытыми глазами.

— Значит, шериф тебе так и не поверил?

— Нет. А ты?

— Не глупи. Не мог же ты всё это выдумать?

— Да, пришлось бы постараться. Жаль, что я не оцупал тела, чтобы знать наверняка, что человек мёртв. Испачкай я руку в крови да вытри её о носовой платок, я мог бы хоть его предьявить, по крайней мере.

— Эд, но должна же была хоть где-то остаться кровь! Это всего в нескольких милях отсюда — несколько минут езды на машине. Ты сказал, что шериф не дал тебе времени всё как следует осмотреть. Едем туда.

— О'кэй, — ответил я. — Только если у тебя в машине есть фонарик. Я собирался осмотреть всё завтра, по пути к Эмори, но сегодня будет даже лучше.

— У меня есть фонарик! Да, лучше сегодня. К утру может пойти дождь — тучи сгущались, когда я подъезжала к Тремонту. Только давай ещё по стаканчику, я до смерти устала от этой езды. Да и музыка здесь неплохая. Потанцуем, Эд?

— Непременно, — рассмеялся я. — Но это отнюдь не патентованное средство от усталости.

Она тоже рассмеялась мне в ответ, однако поднялась из-за столика. Я поймал взгляд официанта, указал ему на наши стаканы и повёл мою спутницу на маленькую площадку для танцев перед играющим трио. О треснутом ребре я уж и забыл; танец напомнил. Впрочем, ребро не доставляло мне много страданий; Жюстина танцевала так славно и легко, что мне не нужно было крепко её держать.

Затем мы вернулись за столик и управились с повторным мартини.

— А тебя не многое испугает, Эд, — проговорила она.

— Если ты имеешь в виду, что меня испугает немного, то ты права. Я до чёртиков был напуган.

— Но ты не бросился бежать. Или я ошибаюсь?

— Я как можно быстрее пошёл прочь. Бежать я боялся. Когда бежишь, всё время кажется, будто за тобой кто-то гонится.

— И всё же ты желаешь сегодня же туда вернуться. Нелегко поверить, будто тебе страшно.

— Ты ведь меня защитишь. Ты и этот большой «кадиллак». Встретится тигр или волк-оборотень на пути — не догонит.

— А если они прыгнут на нас, когда мы будем там осматриваться? Пистолет у тебя есть?

— Нет, конечно. Ты же знаешь, по каким делам я здесь. Разве можно было предвидеть, что мне понадобится оружие? Но послушай, ты действительно не против отправиться туда сегодня? Вдруг ты просто хотела убедиться, насколько у меня крепкие нервы? Так или не так?

— Не без того, и всё же... Ну, поехали. Я полагаю, Эд, мы с тобой немного схожи. Если ты боишься что-то совершить, значит, это дополнительный повод сделать это. Разумеется, смелости в том мало; просто дурацкий кураж. Тебе такое знакомо, правда же?

— Верно.

— Но послушай, Эд. Я не желаю, чтобы ты ходил по этой дороге пешком — даже при дневном свете. Это приказ клиента. Можно же где-то в Тремонте взять на прокат машину. Ты водишь?

— Вожу. Но наш клиент, как мне сообщили, обозначил потолок в сотню долларов, из расчета трёх дней. На то, чтобы арендовать машину, средств не остаётся.

— Значит, скажешь Старлоку... или я ему скажу, что потолок поднят.

— Прекрасно, — отозвался я. — В таком случае, я вот заплачу за эти картины да внесу их в расходный счёт — и пусть клиент платит!

— Я так и полагала.

— Я пошутил, — ответил я. — И на уме не было. А машина мне без надобности — ведь всего-то нужно будет раз или два наведаться к Эмори; лишь туда — и назад.

Жюстина подалась через стол вперёд и положила свою ладонь поверх моей.

— Эд, я всё восприняла всерьёз. Я не желаю, чтобы ты на этой работе хоть раз подвергся опасности. В противном случае я всё отменяю. Сама пойду к дяде Стиву... хоть, в силу различных причин, мне не хотелось бы этого делать — и сама во всём разберусь.

Мне было приятно, что её прохладная рука покоится поверх моей. Я взглянул на её руку и усмехнулся. Ей, вероятно, было невдомёк, чему я ухмыляюсь, но я не был в состоянии этого объяснить: я подумал — как же непохожа её ручка на лапищу шерифа Кингмэна. От касания первой в моей руке возникла дрожь возбуждения, передавшаяся и всему телу. Произнёс же я вот что:

— Ты не оставляешь мне выбора. Бен Старлок просто поджарит меня, если я потеряю клиента в первый же день, как мне поручили его дело.

— Ты же знаешь, что тебе на это самому начхать. Я легко тебя читаю, Эд. Тебе начхать и на Старлока, и на всех остальных — разве что, за исключением этого твоего дядюшки Эма. Ты всё равно будешь двигаться только по собственной орбите. Я права?

— Хотелось бы и мне так думать.

— Ну так думай и не забывай.

— Хорошо же, — отозвался я. — Раз так, то завтра я арендую автомобиль, если решу, что это нужно. Прямые приказания я не воспринимаю даже от клиента. И уж конечно не стану заносить эти картины в расходный счёт. Теперь можешь меня испепелить. Но до того я намерен поохотиться на тигров. Идёт?

— Идёт, — ответила Жюстина почти смиренно.

Я расплатился, и мы покинули заведение; снаружи моросил дождь. Его мы встретили весьма неприязненно; я пробормотал:

— Ну вот, какой теперь смысл?

— В машину, Эд, — воскликнула Жюстина. — Мне кое-что нужно тебе сказать.

Разыскав на прилегающей парковке наш «кадиллак», мы забрались внутрь. В белокурых волосах Жюстины поблескивали капельки дождевой пыли. Жюстина повернула ключ в замке зажигания; мотор завёлся так тихо, что я едва расслышал.

— Едем туда, Эд.

— Если там и оставалась кровь, её, скорее всего, смыло.

— Я туда хочу. Мне ведь тоже страшно. Хотя бояться особенно нечего: в отделении для перчаток у меня пистолет. По вечерам я много езжу одна; чтобы проведать свои магазины в Сент-Луисе или в Спрингфилде, либо в Милуоки, я обычно еду туда поздно вечером. А веду сама, поскольку люблю быть вечером в одиночестве.

— Так я выйду из машины и пойду пешком.

— Я уже говорила тебе, Эд: ты мне больше по нраву, когда не дурачишься. Ну да, тебя же не заботит, по нраву ты кому-то или нет. Но мы отклонились. Мне нужно взглянуть на то место на дороге, хочешь ты этого или нет. Могу выкинуть тебя у Тремонт-Хауса.

— И кто из нас дурачится? — отозвался я.

Жюстина включила передачу и двинулась назад в город. Мы объехали деловые кварталы стороной, а когда, уже на краю города, пересекли центральную улицу, я начал: «Та дорога — она после второго квартала на север», — но внезапно понял, насколько это глупо: ведь для Жюстины это всё знакомые места.

Вела она быстро, но лишь до тех пор, пока город не закончился и мы не выехали на Дартаунскую дорогу. Тогда Жюстина снизила скорость и произнесла:

— Достань-ка, Эд, пистолет из отделения для перчаток. Держи при себе. Мне... мне так будет спокойнее.

Я не признался, что мне тоже так будет спокойнее; просто вынул пистолет. Это был короткоствольный револьвер тридцать восьмого калибра — из тех, что находятся на вооружении полиции; настоящее оружие, не та игрушка тридцать второго калибра с перламутровой рукояткой, что обычно ассоциируется с женщиной. Я выкатил барабан, убедился, что он полностью заряжен, и вновь поставил его на место.

— А ты стрелять умеешь? — спросил я Жюстину. — Если нет, то иметь его у себя в машине опасно. Гораздо опаснее, чем вовсе не иметь.

— Попаду из него в полудолларовую монету с двадцати футов. Во что-то, находящееся дальше этого, я из него не стреляю.

— А из чего ты стреляешь во что-то, находящееся дальше этого?

— Есть у меня винтовка с повышенной начальной скоростью пули. Я застрелила двух львов — одного с расстояния в пятьдесят ярдов, другого — чуть больше семидесяти пяти.

— Ты имеешь в виду пум, либо же...

— Нормальных львов, жителей саванны. Семь лет назад — как раз когда вышла замуж. Мы провели в Африке три месяца, в центральной части континента.

Автомобиль теперь едва полз, хотя от городка мы отделились лишь на милю. Дождь перестал моросить. Однако где-то впереди в небе виднелось алое зарево, словно бы от пожара.

— Так ты притворялась, будто бы боишься сюда ехать, — сказал я.

— Нет. Я не боюсь львов — не больше, чем кто-либо другой, ведь любой нормальный человек их немного боится. Но это потому, что я знаю, что это такое, что это лев. Но если меня ждёт нечто таинственное, то я боюсь. В привидений я не верю, но я боюсь их. Боюсь вампиров и оборотней. А от твоего рассказа, Эд, просто мороз по коже. Что-то с белым, овальным лицом на высоте человеческого роста, и рычит по-звериному! Я этого боюсь.

— И я тоже, — сказал я. — Другое дело — будь у меня револьвер да фонарь; уж я бы вернулся, чтобы посмотреть.

— Зачем?

— Удовлетворить любопытство. Ведь я не знал, что вещественное доказательство

собирается дать дёру и что мне следует посадить волка-оборотня на цепь, перед тем как убеждать шерифа, что я вовсе не имел злого умысла оторвать его от игры в карты. Ну-ка, ну-ка! Мы проезжаем участок Барнеттов — Бака Барнетта, брата Рэнди, того самого, кто работает на твоего дядю. Ты его знаешь?

— Помню, как же. Тёмный человек. Тут у нас слово «тёмный» значит вовсе не то, что оно значит в Чикаго: просто непросвещённый. Встреть я его сейчас, я бы, возможно, смогла выразиться точнее. Но в свои четырнадцать лет я его просто боялась.

— А теперь не испугаешься?

— Теперь, Эд, я не испугаюсь даже тебя. А ты гораздо опаснее.

Я лишь рассмеялся.

— Вот мы и у той купы деревьев. Фруктовый сад, что ли...

— Персиковый, я его помню. Раньше, во всяком случае, был персиковым. Но теперь так зарос... Выглядит, будто никто за ним не присматривает. Он на земле, относящейся к ферме Бака; изначально эта земля принадлежала дяде Стиву, но он продал её Баку, ещё когда я там гостила. Уже тогда он принялся обрезать свою землю.

Я указал рукой.

— Вон уже примерно и то место, где я видел лицо. Остановись перед самым поворотом либо посреди него. Именно там я нашёл труп.

Когда машина остановилась, я продолжал:

— Выключи-ка на минутку фары. И приборную панель. Давай посмотрим, что это за зарево в небе.

Жюстина погасила огни. Мы ясно увидели зарево сквозь ветровое стекло.

— Так и есть, что-то горит, — сказала Жюстина. — Чей-то дом или сарай, но это севернее. Ели бы было к западу, я бы уже испугалась за дядю Стива.

— А как далеко, не можешь сказать?

— Да в миле или около того; возможно — на соседней дороге к северу. Желаете взглянуть — нет проблем, только лучше нам покончить сначала с первым делом, раз уж мы тут. — Жюстина вновь зажгла фары, вынула фонарик из кармашка на дверце со своей стороны и протянула его мне.

Я вышел из машины, а после меня — и она. Дорожное покрытие было влажным от прошедшего дождика, но не более того — ручьи нигде не бежали, и следы ещё могли оставаться.

Тем не менее никаких следов я не углядел. Освещая путь фонариком, я прошёл дюжину шагов вперёд, а потом назад от того места, где, по моему убеждению, я видел труп, и нигде не было заметно ни капли крови, ни чего-либо ещё, что можно было бы опознать. В конце концов я сказал:

— Возвращайся в машину. А я осмотрюсь среди деревьев, где, как мне показалось, я что-то видел.

— Вряд ли ты что-нибудь найдёшь, но давай.

Жюстина забралась в машину, я же направился к тому месту, где, насколько я смог определить, я увидел что-то, напоминавшее бледный овал человеческого лица. Я перешагнул через неглубокий кювет — сухой и весь забитый сорняками — и ступил под деревья. Склонившись к земле, я стал водить туда-сюда фонариком в надежде отыскать следы человека или животного, но потерпел неудачу. Земля была совершенно суха; ни одна капля того лёгкого, меленького дождика не пробилась сквозь листву, чтобы увлажнить почву. Та

была такой твёрдой, что след здесь мог оставить разве что трактор.

Я вернулся в машину и покачал головой. Двигатель тотчас был заведён, Жюстина включила передачу, и мы тронулись. Я сказал:

— Надо бы и к Эмори заглянуть. Мы ведь совсем рядом, а у него наверняка включён свет.

У дома Эмори мы оказались, едва я закончил произносить эту фразу, вот только свет был выключен. Жюстина остановила машину и с минуту сидела, вглядываясь сквозь своё стекло взглядом в тёмный и замерший дом.

— Будь свет включён, Эд, я бы ни за что туда не сунулась. Когда я приезжала сюда пять лет назад, я дала себе слово больше никогда здесь не бывать. И всё же меня всегда сюда отчаянно тянуло; не могу сказать, что именно. Однако нельзя так просто взять и вернуться куда-либо, когда ты уже совсем другой человек, чем прежде. Ты меня понимаешь?

— Думаю, да, — ответил я. — Однажды — пару лет назад — я вернулся в Гэри; мой отец тогда только что умер. Проходил я мимо дома, в котором мы проживали, когда я был ещё ребёнком, остановился и дотронулся ладонью до ворот. И тут огромный пёс выскочил откуда-то из-за дома и начал меня прогонять; а я ведь всего лишь дотронулся до ворот рукой!

Жюстина неспешно кивнула.

— Вот поэтому-то мне и хотелось, чтобы к дяде Стиву наведался кто-нибудь другой. Нам никогда не возвратиться в былые места.

— А если у тебя денег в достатке, тебе в этом и нужды нет.

Жюстина повернула голову и строго посмотрела на меня.

— Деньги — ещё далеко не всё, Эд. Ими даже совсем не трудно разжиться, если в тебе есть сноровка. Да, мне случилось немного приобрести — выйти за них замуж, — семь лет назад, когда я была твоего возраста. Затем было нечто ещё, от чего мне захотелось убежать, и я купила магазин. Семь лет я работала как проклятая, и теперь у меня двенадцать магазинов. Ныне мне всего лишь двадцать восемь — для тебя, быть может, я древняя старуха — и у меня достаточно денег, чтобы всё продать и больше не работать, если я пожелаю довольствоваться... скажем, восемью или десятью тысячами в год. Но я не пожелаю, поскольку привыкла к большему. Это заколдованный круг, и тебе из него не вырваться. Кроме того, я не буду знать, куда себя деть, если перестану работать десять-двенадцать часов в день.

Она вновь завела мотор; машина тронулась, я ничего не ответил.

Зарево в небе угасало; пожар либо уже начали тушить, либо там догорали остатки.

— Эд, я устала, — произнесла Жюстина. — Сейчас навалилось вдруг как-то. Сегодня я уж не поеду в Сент-Луис; вернусь в Чикаго. Это вполтину ближе. Как ты смотришь на то, чтобы сесть за руль и отвезти меня?

— Чудесно, — ответил я. — Только ведь у меня завтра встреча в Тремонте рано утром, и я сомневаюсь, что мне удастся сегодня же попасть на обратный поезд.

— А ты бери этот мой «кадиллак»; у меня есть ещё один автомобиль. Вот тебе и не придётся брать машину в аренду. Путь в оба конца займёт всего лишь полтора часа. Идёт?

— Идёт, — ответил я. Мы поменялись местами, и я повёл машину в направлении Чикаго. «Кадиллак» вёл себя как паинька; мили он пожирал, словно те были просто дюймами.

Когда я свернул на Линкольн-Парк-Уэст, Жюстина пошевелинулась на соседнем сиденье. Во время езды мы некоторое время разговаривали, но когда начались пригороды Чикаго, мне показалось, что она заснула. Тем не менее она сразу сообразила, где мы находимся; «Подъезжай, Эд, к самому дому, — сказала она. — Перед тем как отправляться назад зайди да выпей чего-нибудь».

Я подъехал прямо к дому, и мы вышли из машины. Тучи на небе либо уже разошлись, либо мы выехали из-под их покрова. Ночь вновь была чудесной, и звёзды сверкали ярко-ярко! Я залюбовался ими, гадая, не Марс ли вон та красноватая звёздочка? Но вслед за тем мы взошли на крыльцо и оказались в доме. Свет в вестибюле горел, как и в одной-двух комнатёнках под лестницей, но никаких звуков было не слышать.

— Не хочу будить наших, — сказала Жюстина. — Пойдём на кухню; я соображу насчёт выпивки.

Мы отправились в заднюю часть дома; на кухне, пока она смешивала составляющие, я вынул из морозильника куб льда.

Приготовлено было по стакану виски с содовой и соком; на вкус оказалось мягко и ладно — точно так, как сама хозяйка на вид. Пока мы пили, Жюстина сидела на краю кухонного стола; я же стоял, прислонясь к холодильнику.

— Пару часов назад, Эд, — произнесла она, — я спросила, не влюбился ли ты. Ты ответил, что не знаешь. Что бы это значило?

— Это значило, что я не знаю.

— И сколько вы знакомы?

— Мы познакомились этим вечером; вместе мы провели лишь минут двадцать. Нельзя же влюбиться за двадцать минут!

— Я тоже так думаю.

— А кроме прочего, дело вскорости усложнилось. Её папаша... Ладно, оставим это. Не хочу вдаваться в подробности касательно этой части истории.

Жюстина рассмеялась.

— И когда же вы встречаетесь вновь?

— Надеюсь, завтра вечером. Сегодня, то есть.

— В таком случае ты сможешь покатать её на «кадиллаке».

— Я подумаю об этом, — пообещал я.

Она с минуту меня рассматривала.

— Я хочу, Эд, чтобы ты познакомился с моим мужем.

— Пожалуйста, — ответил я. — Как-нибудь — обязательно.

— Не «как-нибудь». Сейчас же.

Она соскользнула с краешка стола на ноги и бросила мне: «Пошли». Я был озадачен, но отставил в сторону свой стакан и последовал за ней. Она казалась совершенно трезвой; это было весьма вероятно, поскольку с её стороны то был лишь третий стакан за те три часа, что мы были вместе, а те два мартини она выпила уже достаточно давно. Я понятия не имел, что взбрело ей в голову, но следовал за ней; пройдя по коридору несколько шагов в том направлении, откуда мы пришли, она отворила какую-то дверь, за которой находились ступеньки, ведущие вниз. И где-то там, внизу, горел свет.

Не отставая, я спустился за ней по ступенькам. Всю заднюю половину цокольного этажа занимала большая игровая комната; одна из её стен целиком была отведена под доверху укомплектованный буфет.

Перед буфетной стойкой я увидел человека, развалившегося в мягком кресле. Он спал; вероятно, он не был укомплектован так же под завязку, как отведённая под буфет стена, но если ему и недоставало чего-то, то только самой малости. Костюмчик на нём был дорогушим, но порядочно мятым, а также и заношенным; не исключено, что хозяин костюма спал в нём в постели, не снимая. Впрочем, сейчас ведь этот человек и взаправду спал. Трудно было определить с его возрастом — где-то в промежутке от тридцати пяти до пятидесяти; может, и выше. Лицо у этого человека было крупное и отёкшее; не исключено, что когда-то оно было красивым.

— Познакомься, Эд, с моим мужем, — произнесла Жюстина. — Грег, это Эд Хантер. Мы с ним сейчас скоренько отправляемся в постель. Ты не возражаешь?

Человек в кресле явно не возражал. Голова его осталась запрокинутой, глаза, прикрытые веками, уставились на потолочные лампы. Был слышен звук его дыхания, губы надувались, когда он делал выдох.

Голос Жюстины прозвучал сильно и звонко. Я взглянул на неё и был поражён: в её глазах стояли слёзы! «Пойдём, Эд», — бросила она, и мы вернулись к лестнице. Но у лестницы она сказала вдруг: «Подожди-ка», — и развернулась лицом к залу. Присев на корточки, она расшнуровала туфельки и сбросила их с ног. Пробежав по залу, она потушила торшер в углу, а затем выключила и потолочный свет, падавший на глаза её мужу. Только после этого мы поднялись по лестнице.

— Поставь, Эд, что-нибудь на проигрыватель, — попросила она, — пока я приготавливаю ещё выпить.

Я немного покумекал, как обращаться с «Кейпхартом», и вытащил пластинку Джимми Дорси. Как раз в тот момент, как Жюстина вошла со стаканами, заиграла медленная музыка. Мы сели на софу.

Жюстина склонилась головой мне на плечо.

— Я устала, Эд, устала ужасно. Я ведь... только так сказала это, там внизу. Не то чтобы всерьёз.

— Само собой, — ответил я.

— Вот дослушаем эту пластинку, и я тебя выгоню. Но ты ведь не вздумаешь тот час ехать назад? Уже четвёртый час; поезжай домой, завались спать, да спи до обеда.

— Нет, — возразил я. — В Тремонте у меня завтра утром срочные дела.

— Утром? А я полагала, что с этой — ну, с этой девчонкой — у тебя свидание вечером.

— Я не её имел в виду.

— Нежели ты говорил про дядю Стива?

— Про него, разумеется, тоже, но есть и нечто чертовски более важное. — Я издал смешок. — Звучит так, будто бы я собираюсь переделать уйму собственных дел за твой счёт. Но всё не так скверно, как это звучит, и в конечном счёте будет работать на тебя же.

— Так что же тогда ты должен «переделать»?

— Пропустим это.

— Нет уж, расскажи. Если это за мой счёт — значит, я имею право знать.

— Ну, хорошо. Мне предстоит как следует потрясти одного человека, который этим вечером как следует потряс меня. Но об этом я говорить не хочу, и это всё, что я имею тебе

сообщить.

— А ты упёртый — а, Эд?

— Вот именно, — ответил я.

— Ты весьма забавный.

— Вот как?

— Да-да. Тебе, скорее всего, так никогда и не удастся заработать денег, зато ты как следует позабавишься. А может быть — угодишь в ловушку. И уже сейчас ты занёс для этого ногу.

— Уже сейчас?

— Вообще сейчас, не в данную минуту. Скорее всего, ты клюнешь на банальную тремонтовскую паршивку, женишься на ней и... впоследствии все те вещи, которые ты намеревался совершить совсем иным образом.

Я запустил руку ей в волосы.

— Милый котёнок!

На это Жюстина рассмеялась.

— Чёрт возьми, Эд, не говори такого женщинам, если это правда. Но что это я делаю — обучаю тебя правильно обращаться с женщинами! Ты и так всё умеешь.

Она взглянула на свой стакан и увидела, что он опустел.

— Налей ещё.

— Я лучше пойду, — ответил я. — Великое завтра уже наступает.

Она не убрала головы с моего плеча, а я не умел вежливо её отклонить.

— А что случилось с пластинкой Мэгги Спэниера? — спросила Жюстина. — Ты, казалось, просто шутил вчера вечером, желая послушать любую пластинку, только не эту. Но когда ты ушёл, я взглянула на неё.

Я рассказал ей, что произошло. Жюстина произнесла:

— А, лучший друг моего мужа. Как змею меня ненавидит. Ты ведь не подумал, будто это был мой приятель?

— Ни в коем случае.

— Полагаю, теперь ты думаешь — после того, что я сказала Грегу там внизу, — что я порядочная дрянь?

— А это так?

— Немного. Чуть-чуть. Если ты спрашиваешь, хранила ли я верность Грегу, то — нет, конечно. Но и беспорядочные связи не по мне. Было у меня несколько приключений, и всё же много воды утекло с тех пор, как я клала кому-то голову на плечо. Я перешла на добывание денег.

— Что ж, — ответил я. — Иметь деньги — это ведь здорово. А разве твой муж...

— Грег хранит верность — бутылке своей. Не подозревает о существовании женщин, включая и меня. Но тебе не кажется, что этот проигрыватель уже три раза подряд крутит одну и ту же песню? Ты не выставил автоматический останов. — Она убрала голову с моего плеча, а потому я получил возможность встать, подойти к «Кейпхарду» и убрать звукосниматель с пластинки. Когда я обернулся к Жюстине, та уже стояла на ногах. Я приблизился, обхватил её руками и поцеловал; она же прижалась ко мне всем телом — так что я сам с головы до пят перенял её вибрацию.

Затем Жюстина отступила и произнесла:

— Всё, Эд, доброй ночи. Не повреди «кадиллак». И себя тоже.

— Постараюсь, — ответил я. — Доброй ночи, Жюстина.

Я вышел от неё, забрался в автомобиль и поехал к дому с меблированными комнатами, в котором мы квартировали с дядюшкой Эмом. Автомобиль я оставил перед входом, взбежал по лестнице и ключом отпер дверь в наш покой.

Дядюшка Эм сел на постели и спросил: «Кто там?» — но тут свет из коридора осветил меня, и он добавил: «А, Эд. А который час?»

— Четыре утра. Можно мне свет включить?

— Включай. А почему ты вернулся так рано? Уже выполнил задание? Бен тебя не похвалит. Ты должен был растянуть дело на пару дней.

— Ещё растяну, — заверил я дядюшку Эма. — Я ведь даже и не приступал.

Свет был уже зажжён, а потому дядюшка Эм округлил глаза и уставился на меня.

— Сотри эту помаду, — промямлил он.

Я послушно исполнил. А дядюшка Эм свесил с кровати ноги и всунул их в тапочки.

— Что, чёрт возьми, всё это значит? — воскликнул он.

Я усмехнулся.

— Мне бы одежду сменить. А то упал и весь испачкался.

— А помада откуда?

— То другая история. Тебе которую рассказать?

— Ты Расскажи мне, какого чёрта ты вернулся в Чикаго?

— Жюстина совершала путешествие до Сент-Луиса и заехала ко мне обсудить дело. Затем она передумала и решила возвращаться в Чикаго. Я привёз её сюда и занял её автомобиль ради служебных нужд. Вот отправлюсь сейчас назад, и тогда у меня будет ещё часа два, чтобы там поспать.

— Так поспи лучше здесь. Вместе позавтракаем, а потом ты сможешь ехать и прибудешь туда к девяти. А здесь поспишь часов до семи.

Я колебался.

— Будь оно так, — сказал я, — мы начнём разговоры, и проговорим все эти три часа.

— Я ни о чём не стану выспрашивать. Вплоть до завтрака. Обещаю.

— Хорошо, — сказал я. Вместо того, чтобы снова одеться, я остался как был в трусах и в майке, погасил свет и лёг в кровать.

Переодеваться в пижаму мне не хотелось, потому что дядюшка Эм заметил бы бандажную ленту и спросил, что со мной случилось. А эту часть мне не хотелось ему выкладывать. Всё остальное — пожалуйста, только не это. Всё, что произошло, было наше с шерифом Кингмэном дело, и довести его до конца я должен был сам, без посторонних советов.

— Спи, Эд, — сказал дядюшка Эм. — Никаких расспросов.

— Доброй ночи, дядюшка Эм.

— И всё же насчёт помады. Не хочешь же ты, чтобы я не смог заснуть, гадая, откуда она у тебя?

— Я высадил Жюстину у её дома. Мы выпили по два стакана виски с содовой и соком, и я поцеловал её на прощание. Разве в «Инструкциях оперативным сотрудникам» не сказано, что клиента всегда нужно на прощание целовать? Если не сказано, то зря.

— Я скажу Бену, чтобы вписал, — ответил дядюшка Эм. — О'кэй, мой мальчик; но послушай вот что. У тебя что-то на уме. Хорошо же; что бы то ни было, обсудим завтра. Но у

тебя всего три часа, так что не думай об этом сегодня. Считай овец, или женщин, или ещё что-нибудь, но постарайся уснуть.

Он отвернулся к стене и сам, вероятно, тот час же погрузился в сон или притворился спящим, чтобы мне не захотелось поделиться мыслями. Я понимал, что он дал мне хороший совет, и я постарался его выполнить. Мне припомнилось личико Молли Кингмэн, и я забыл об её отце. Я попытался воспроизвести каждое слово из нашего с Молли разговора, каждое её движение и каждое выражение, пробежавшее по её лицу. В особенности то, как она смеялась.

Но и Жюстина Хаберман не выходила у меня из головы. А это всё усложняло, поэтому я прекратил вспоминать и занялся мысленным воспроизведением таблицы умножения. Помню, дошёл я до восемью девять; это было последнее вплоть до той минуты, как ровно в семь прозвенел будильник.

Пока мы одевались, я ухитрился отвести дядюшке Эму глаза. А когда мы спустились вниз, он присвистнул, увидев припаркованный у входа «кадиллак».

— Слушай, тебе не следовало оставлять его здесь, — сказал он. — Если наша хозяйка увидит, как мы в него садимся, она удвоит нам плату за проживание.

— Хочешь сам повести? — спросил я. — Им управлять легко как самокатом.

— И всё же самокату далеко до него. Разумеется, я хочу. Ты и так наездишься после завтрака.

Дядюшка Эм сел за руль и повёл машину на восток к Набережной озера Мичиган, затем свернул к югу и остановился перед фешенебельным «Блэкстоуном».

— Это чего мы здесь? — спросил я.

— А завтракать? — отозвался дядюшка. — Ты же не ждёшь, что я подъеду на этом яхтоподобном чудище к простому киоску с сосисками? Где твоё чувство соответствия, мой мальчик!

Так что мы вошли в «Блэкстоун». Дядюшка Эм был слегка разочарован, когда узнал, что главная обеденная зала так рано не открывается, но мы направились в кафетерий и заказали вафли. Затем он вперился в меня взглядом.

— Так что там происходит, в этом Тремонте?

— Счёт по нулям, — ответил я. — Мы в первом тайме первого периода. Я ещё не видался с Эмори, чтобы поговорить.

— То есть, ты виделся с ним, чтобы на него посмотреть?

— То есть, поговорить у нас не было времени. Кое-что произошло.

— Ну вот, немного продвинулись. И что же там произошло?

— Я нашёл труп.

— Эд, что это значит? Ты играешь со мной? Я что, должен каждый раз вытягивать из тебя по одному слову — типа, угадай животное, растение, минерал?

— По пути к Эмори, — начал я, — мне на дороге попался труп. Я вызвал шерифа; мы пошли туда, а труп взял и исчез. И шерифу это не понравилось.

— Ясно, ясно. Ты нарвался на одного из тех провинциальных шерифов, что на дух не переносят частных сыщиков?

— Да уж, гангстеры — и те ему милее.

— Гм... Будь с ним совершенно честен. Это всё, Эд, что ты можешь для него сделать. Но что же произошло с мертвецом? Ведь не ошибся же ты — ведь не был же он немножко живой?

Я рассказал дядюшке Эму, как всё было. Пропустил лишь, что произошло в кабинете шерифа. Расскажи я ему ещё и это, он, возможно, — хотя я так не думаю — посоветовал бы мне про то забыть. Но скорее всего он рванул бы со мною прямо в Тремонт, чтобы зачистить его от шерифа и всех его помощников. А это уж было бы даже более глупо, чем то, что собирался предпринять я сам. Дядюшка Эм — приятнейший человек из всех, кого я знаю, но на глупостях его порой заносит.

Когда я закончил свой рассказ, он обдумал его хорошенько и сказал:

— Тебе, Эд, стоило бы об этом забыть. То есть, о мертвеце.

— И я бы хотел. То есть, если бы он остался на месте.

— Но послушай, Эд, ведь ты работаешь на Старлока. Ты на другой работе. В Тремонте тебе разрешено провести максимум ещё пару дней, после чего пойдёт счёт уже твоему личному времени.

— Так-то оно так... — согласился я. — Что ж, те пару дней, которые я там проведу, я собираюсь держать глаза и уши открытыми.

— А не выглядел ли тот человек, труп которого ты нашёл, как бродяга?

— Нет.

— Тогда его обязательно хватятся.

— Я думал об этом. На этот случай я собираюсь повидать эту твою миссис Бемисс. Как редактор газеты, она сразу узнает, если кто-то пропал.

— Даже больше: она расскажет тебе его биографию от самой колыбели. Только, Эд...

— Что?

— Избегай осложнений.

Подняв на дядюшку взгляд, я усмехнулся.

— Я не сделаю ничего такого, чего не сделал бы ты.

— Лучше не делай и этого!

Мы выпили по последней чашке кофе и покинули здание. Я бы обязательно подбросил дядюшку Эма на «кадиллаке» до конторы, но он запротестовал — пути было всего несколько кварталов. Он сказал, что раз уж машина и так стоит вдоль бульвара носом на юг, мне следует сразу садиться и ехать, а то на Чикагской центральной петле нет места для разворота.

Итак, я выехал из Чикаго на юг и достиг Тремонта к десяти часам. Автомобиль я припарковал у Тремонт-Хауса и зашёл в гостиницу, чтобы спросить у дежурного администратора, нет ли для меня сообщений. Я подумал — а вдруг Эмори звонил мне в связи с назначенной встречей.

Дежурил секретарь Торговой палаты.

— Нет, мистер Хантер, — сказал он мне, — сообщений не было. Послушайте... Вы желаете сохранить за собой комнату ещё на сутки, либо же выписываетесь?

— Сохраняю ещё по крайней мере на день.

— Горничная сообщила мне, что вы не ночевали в номере — постель не разобрана. Так что я, естественно, подумал...

— Естественно, — согласился я.

Затем я вышел на улицу и пешком прошёлся до «Тремонтовского представителя». Войдя в помещение, я увидел стол-бюро с выдвижной крышкой, а за ним этакую седовласую мамашу в очках в золотой оправе, которая занималась правкой гранок.

— Миссис Бемисс? — спросил я. — Меня зовут Эд Хантер.

Она взглянула на меня сквозь очки в золотой оправе. У неё были добрые, приветливые глаза, и всё же было ясно: этот взгляд ничего не упустит. Женщина произнесла:

— Присядьте, молодой человек. Фоули Армстронг.

— Чего-чего?

Женщина повторила, и на этот раз с лёгким нетерпением.

— Фоули Армстронг. Таков ответ на тот вопрос, который вы намеревались мне задать.

Я решила ответить, не дожидаясь его, и тем самым сэкономить время.

Я плюхнулся на стул.

— Не расскажете о нём?

— Он был... да, скорее всего, именно «был» — владельцем небольшого загородного дома по Дартаунской дороге; это третий по счёту участок после Стива Эмори, но по другую сторону. Жена и двое детей десяти и четырнадцати лет. Прошлой ночью дома не появился.

— А он направлялся домой? — спросил я. — Когда его видели в последний раз?

— Разбирательство ещё не начиналось. Сегодня утром позвонила его жена — совсем недавно — и сообщила, что её муж со вчерашнего вечера не приходил домой. Если он не объявится, полиция начнёт обследовать все места, где он мог вчера быть.

— Но шёл ли он домой? — настаивал я. — То есть, если он живёт за участком Эмори, то путь выходит некороток. Машину он водит?

— Водит, но машина его была в починке — подшипник сгорел. Он сказал, что его подбросят до дому, но, скорее всего, так и не смог никого поймать, и отправился пешком. Дорога заняла бы час времени.

Я неспешно кивнул.

— Спасибо, миссис Бемисс. Но вы испортили мне удовольствие поработать частным сыщиком. Ловко же вы отвечаете на вопросы, до того как их задают! И как же мне теперь на жизнь зарабатывать?

Женщина рассмеялась; при этом её глаза поблёскивали за очками.

— Если слухи верны, молодой человек, тогда то, чем вы тут занимаетесь, никак не связано с этими неприятностями с Фоули Армстрономом.

— А вы знаете, что случилось с Фоули Армстронгом?

— Нет.

— Тогда как же вы либо я можем знать, связано ли это с тем, чем я тут занимаюсь?

— Молодой человек, если следовать такой логике, то вы можете заниматься каждым нераскрытым преступлением, когда-либо совершённым в округе Кальвин. И всё за счёт вашего нанимателя. По мне — так и прекрасно, если вы справитесь к пятнице.

— Почему к пятнице?

— Потому что «Представитель» — газета еженедельная, и мы сдаём её в печать вечером в пятницу. И прессы вращаются — или, если уж желаете точной технической терминологии, — качаются (вверх-вниз, поскольку у нас возвратно-поступательная машина Миле) — всю ночь, чтобы очередной номер поспел к субботнему утру. А потому что мне с того, что вы распутаете преступление после того, как я сдам номер в печать? На следующей неделе это уже будет старый колпак. Так что не мешкайте — выясните всё по поводу этого вашего трупа поперёк дороги, и чтобы завтра к вечеру! А то будет поздно.

— А если моё агентство, — усмехнулся я, — этого не оплатит, то вы оплатите?

— Уделю вам один экземплярчик газеты бесплатно. И то только в том случае, если вы предоставите мне эксклюзивное право на репортаж. Мне, что ни говори, по сердцу, когда

здесь нечто происходит, а газеты Чикаго и Спрингфилда вынуждены получать материал у меня, вместо того чтобы мне побираться за ними с недельным запозданием. Ну, действуйте, и я тоже займусь своим делом.

Я встал и произнёс:

— Ну, крутитесь. Не выпадайте.

Она вперила в меня взгляд.

— Где это вы набрались словечек как у работников ярмарок?

— Я бы рассказал, если бы вы позволили мне как следует представиться, вместо того чтобы давать ответы на незаданные вопросы.

Глаза её сузились.

— Хантер... Быть того не может!

— Может, — заверил я. — Это дядюшка Эм посоветовал мне к вам обратиться.

— Святой Боже, так что ж вы... Ну-ка, сядьте, молодой че... Как вас по имени? Эд. Сядьте, Эд. Чем же занимается сейчас старина Эм?

— Работает на то же агентство, что и я — там, в Чикаго. Мы подвизались с ним на ярмарке в Хобарте весь последний сезон, но на время осели в Чикаго.

— Эд Хантер... — проговорила она. — Чёрт меня дери! Я, знаете ли, сразу же поняла, что вы светский человек, но «Хантер» ведь не слишком уникальная фамилия, так что я не связала вас двоих... но подождите минутку.

Миссис Бемисс схватила телефонную трубку и назвала номер. Затем она проговорила:

— Шерифа, пожалуйста. Ах, вот как! Да, это Каролина Бемисс. Что вы уже успели выяснить насчёт Фоули Армстронга? — С минуту она слушала, затем поблагодарила кого-то, кто был на том конце провода, повесила трубку и вновь обратилась ко мне. — В последний раз Фоули видели в полвосьмого в баре Ника Краудера. Он пил коктейль и спросил у Вилли Эклунда, который тоже живёт в той стороне, не собирается ли тот домой. Вилли ответил, что он собирается засесть за покер, и игра, возможно, затянется. Тогда Фоули покинул бар, но домой как будто не пошёл. Если бы так, то он прошёл бы той дорогой как раз перед вами.

Кивнув, я сказал:

— Хотел бы я, чтобы вы мне его описали, только, боюсь, я его тогда совсем не разглядел. Только и могу сказать, что он ни особенно высок, ни особенно мал, не толст и не тонок.

— И Фоули таков же. Слушай-ка, Эд. Я покажу тебе его фотографию. Здесь у нас нет, но я наверняка одну достану. Как ты думаешь, тебе удастся опознать его по фотографии?

— Не знаю. Было темно. Вернее, этакая полутьма. И лицо его было искажено. Не лучший способ, знаете ли, расстаться с жизнью.

— Какой же лучший, Эд?

— Узнаю — скажу. А что за пожар случился сегодня ночью? Я видел в небе зарево.

— Сгорел один сарай. У Джеба О'Хары. Он живет на Восточной дороге. Ты собираешься и этот случай раскрыть?

— А разве его требуется раскрывать? Это был поджог?

— Скорее всего, нет. Сарай часто горят и без того, чтобы их поджигали умышленно. И всё же шериф собирается туда съездить. Это одно из тех мест, в которые, как мне сказали, когда я только что звонила, он собирается заглянуть.

— Отлично, — ответил я. — Ну, что ж, миссис Бемисс, до встречи. — И я встал.

— Эй, — позвала она, когда я повернулся к выходу. — Не можешь же ты просто взять и исчезнуть, когда мы только начали разговор про Эма, про ярмарки и про Бог знает что ещё. Где мне увидеть тебя, чтобы порасспросить как следует? Как насчёт поужинать со мной сегодня вечером? Небось, я лучше готовлю, чем та жратва в Хобарте.

— Годится, — ответил я. — Где и когда?

— Ты на машине?

— Так, драндулет один, — сказал я. — Но на ходу, ничего себе машина.

— Тогда заезжай сюда в шесть тридцать либо в семь. По четвергам я работаю допоздна.

А уж я покажу, куда ехать.

— Решено, — сказал я.

Я вышел из редакции и направился к «кадиллаку». Сев за руль, я сделал долгий и глубокий вдох; при этом травмированное ребро ничем себя не проявило. А вот от этой бандажной ленты нестерпимо зудело в боку, но если не трогать больного места, то само по себе оно не болело. И руками я мог двигать совершенно свободно.

«Ну, что, Эд, поехали?» — подумал я.

Было немного боязно, и всё же я включил передачу, тронулся с места и взял курс на восток. Если Восточная дорога — следующая к северу от Дартонвской, я отыщу её, даже не спрашивая у прохожих. Так и произошло.

Спрашивать дорогу до фермы Джеба О'Хары не было нужды; та располагалась милях в двух от городка, почти на таком же отдалении, как и жилище Эмори, а угли от сгоревшего сарая я увидел прямо с дороги. И судя по этой куче золы, сарай был немаленький. Покров угольного цвета давал о том прекрасное представление: на земле он занимал в точности ту площадь, которую занимал когда-то сарай, толщина же слоя начиналась от нескольких футов и местами доходила почти до дюйма. К этому часу золу кое-где поразметало, но только слегка; ни ночью, ни этим утром, как я помнил, значительного ветра не наблюдалось.

Поблизости не было видно ни шерифа Кингмэна, ни его автомобиля.

Когда этот слой золы бросился мне в глаза, я успел уже миновать фермерский дом; ширина дороги не позволяла развернуть «кадиллак», а потому я просто-напросто дал задний ход, въехал на подъездную дорожку, да так задом же и приблизился к дому.

В ту минуту, как я вышел из машины, в дверях фермерского дома показалась женщина. Я направился к ней и, подойдя на расстояние, удобное для разговора, спросил её, здесь ли мистер О'Хара.

— Там он; поросят кормит, — отвечала женщина, махнув рукой куда-то за сарай, которого теперь, собственно говоря, не существовало. Я прошёл вдоль стены дома и заглянул за угол; в отдалении трудился какой-то мужчина, которого я раньше не заметил. — Вы из страховой компании?

— Нет, — ответил я женщине, — и всё же я хочу задать вашему мужу несколько вопросов касательно пожара. Благодарю вас.

Я направился к хлеву, расположенному на задворках. Работавший взглянул на меня — высокий мужчина с волосами песочного цвета, — выпростал в корыто последнее ведро помоев и пошёл мне навстречу.

— Мистер О'Хара? — спросил я. — Меня зовут Эд Хантер. Я приятель Каролин Бемисс из «Тремонтковского представителя». Разговаривая с ней сегодня утром, я упомянул, что буду ехать в этом направлении; тогда она попросила меня заглянуть к вам и разузнать о подробностях пожара — для её газеты, знаете ли.

О'Хара вытер руки о полинявший комбинезон, — я уж решил, что он пожелает протянуть мне руку. Этого, однако, не произошло.

— Что же вы хотите знать? — спросил он.

— Вам известно, как занялся огонь?

— Не-а.

— И в каком это было часу?

— Почти сразу после полуночи. Во всяком случае, ещё не было и четверти первого. Именно в четверть первого я проснулся, и пылало как в пекле.

— Это вы от пожара проснулись?

— Похоже. Сам не пойму: то ли от треска пламени, то ли от зарева. Спим-то мы как раз на этой стороне, так что когда я проснулся, вся комната была озарена красным светом.

— А как, по-вашему, занялось пламя?

О'Хара пожал плечами.

— Да от самовозгорания, и всё тут. Как же ещё?

Позади меня на дорожке послышались шаги, и я повернулся навстречу той женщине из

дома. Но она обратилась к мужу.

— Выдумал тоже, Джеб О'Хара, — самовозгорание! Сам прекрасно знаешь, что это какой-то бродяга запалил огонь.

— Что заставляет вас так думать, миссис О'Хара? — спросил я её.

— А то, что дверь была распахнута. Джеб, натурально, перво-наперво подумал о скотине. У него в этом сарае было три коровы. Когда он увидел, что горит, то бросился вниз по лестнице прямо как был, босой и в одних трусах, чтобы открыть дверь и коровы выбежали наружу, если ещё не зажарились. А дверь-то уже была открыта; коровы давно выбежали, сгрудились вон там, в углу забора.

Я вопросительно взглянул на О'Хару. Тот нетерпеливо заговорил:

— Ну а я о чём? Ну да, забрался к нам бродяга переночевать на сеновале, закурил, вот сено и загорелось. Он видит, что ему не потушить, так убегает сам, а дверь распахивает пошире, чтобы коровы тоже убегали, как почуют дым. Либо из вежливости даже пропустил коров вперёд себя. Один бродяга из сотни на такое вполне способен.

— А коровы способны были выбежать без посторонней помощи? — спросил я. — То есть, разве они не были закрыты в клетях?

— Тут у нас не было клеток. Три стойла, да, и одна тонкая доска, что висела на двух крюках, перегораживая выход из этих стойл, которую я всегда прилаживал, чтобы коровы не выходили гулять при луне. Обычно этого хватало, коровы вели себя смирно, но если они запаниковали от пожара, то могли сломать эту доску и выбежать вон.

— Так-таки через дверь? А задвижка на двери не была сломана?

О'Хара покачал головой.

— Не-а, я взглянул. Точно видел, что дверной засов был не сломан. Кто-то его отпер. Вряд ли это был я. В последний раз я побывал в сарае часов в восемь; чтобы специально запираю, такого не помню, только я никогда ещё не оставляю дверь распахнутой на ночь.

— И в эту ночь запер, — решительно вмешалась миссис О'Хара. — Это был бродяга, ты прекрасно знаешь. — Своим тоном она словно бы утверждала: «И нечего со мной спорить», так что я перевёл взгляд на её мужа.

Джеб О'Хара догадался, о чём я думаю, смущённо хмыкнул и принялся объяснять.

— Мать хочет сказать, что она уж устала просить меня завести сторожевого пса. Если бы у нас этой ночью был здесь сторожевой пёс, то этот бродяга, возможно, и не залез бы в наш сарай.

— «Возможно», скажешь тоже! — вскипятилась женщина. — И наш сарай стоял бы сейчас целёхонек.

— Когда всё сгорело, — продолжал О'Хара, — я отправился досыпать под эту песню и под эту же песню позавтракал. Я уже обещал, что раздобуду тебе сторожевую собаку.

— Да-да — теперь, когда у нас нет больше сарая.

— Зато у нас будет собака!

Я, пока атмосфера не накалилась, поспешил сменить тему.

— Сарай был застрахован?

— Сарай-то был. Но был ещё полный чердак сена, да корму на пару сотен долларов. Да инструментов примерно на столько же.

— Нам ещё повезло, — добавила женщина, — что мы одолжили вчера трактор Гарри Эллису, а то было бы совсем худо.

— А какова будет страховая сумма?

— Полторы тысячи. По нынешним ценам новый сарай обойдётся мне, по меньшей мере, тысячи в две. Так что тут на тысячу убытку. — О'Хара взглянул на жену. — И всё оттого, что я не послушал её и не завёл собаку. Пусть Каролина Бемисс не забудет про это упомянуть в своей статье.

Перепалка готова была разыгаться вновь, и я поспешил встрять.

— Не возражаете, если я немного тут осмотрюсь, покопаюсь в золе?

— Да пожалуйста. Только на что вам?

— Есть, знаете ли, разные дикие мысли, — ответил я. — Даже говорить неловко, если только мне кое-чего не попадётся.

И пока они не придумали, что мне возразить, я быстренько прошёл к самому краю пожарища. Работка предстояла пыльная, и я пожалел, что не озаботился запастись рабочей парой, чтобы натянуть её поверх моей приличной одежды. Что ж — работая оперативником, на гардеробчик не разгонишься.

Я обогнул один из углов чёткого прямоугольника из золы и углей, внимательно вглядываясь и не видя того, что надеялся найти. Но у следующего угла, на бурой земле, я заметил грабли, и зола в одном месте поблизости от них была разворошена, как будто бы Джеб разыскивал тут нечто ведомое ему одному. Возможно, какой-нибудь металлический инструмент, чьё местоположение он хорошо себе представлял и которому не желал дать пропасть.

Я подобрал грабли и принялся ворошить золу, начиная с того места, где ранее остановился Джеб. Ворошил угли я попеременно от правой и от левой кромок угла, а вот до его центральной, внутренней, части дотянуться так и не смог. И поскольку мне не удалось найти то, что я искал, в зоне достижимости с чистой земли, пришлось лезть в самую золу, ступить в неё по колено.

Работая так, я обшарил уже весь этот, первый выбранный мною, угол, и тут женщине, очевидно, это надоело; она решила подойти да взглянуть, чем я занимаюсь. Стоило ей приблизиться ко мне, как я, не переставая легонько ворошить граблями угли, поспешил первым раскрыт рот:

— А что пожарные — приезжали из города?

— Разумеется, — ответила женщина. — Как раз, когда догорело последнее бревно. Сарай-то сгорел моментально. Я позвонила им тотчас, как Джеб выскочил спасать коров — хотя они и так уже были снаружи, — и пожарные прибыли через двадцать или тридцать минут; только всё было кончено.

— Хорошо, что не было ветра, — сказал я.

Женщина кивнула.

— Да, если бы разнесло искры... А так они летели прямо вверх, к тому же в самый разгар немного накрапывало — вняло небо моим молитвам; сарая это не спасло — тут бы и ливень не помог, — но больше ничего не загорелось, а могло бы.

Я продолжал шарить в золе.

— Так вы полагаете, дождь стал накрапывать в ответ на ваши молитвы?

Я постарался, чтобы в моём голосе не звучало ни скепсиса, ни иронии; мне в самом деле было любопытно — точно ли она так думает. Кроме того, нужно было отвлекать её беседой на другие темы, чтобы самому не пришлось отвечать на её расспросы о том, чего я всё шарю в золе.

Мне и впрямь было любопытно получить ответ на свой вопрос, но услышать его так и не

довелось. Потому что сразу вслед за тем, как я задал свой вопрос, мои грабли выволокли из золы человеческий череп. Затылок у черепа был разбит, и хотя сам череп был виден, поскольку макушка торчала вровень с верхним слоем золы, с тылу очень трудно было догадаться, что это именно череп. Но грабли развернули его, и на том месте, где только что находился затылок, вдруг предстали взору пустые глазницы, отверстие от ноздрей и два ряда потемнелых зубов.

Миссис О'Хара слегка вскрикнула и позвала:

— Джеб!

Я очень осторожно приподнял грабли, чтобы не повредить хрупкий череп ещё больше и не сдвинуть его с места. Джеб О'Хара в эту минуту вновь занимался своими поросятами. После окрика супруги он направился к нам.

— Джеб, это был бродяга! — запричитала миссис О'Хара. — Я была права. Только он сгорел в огне. Взгляни!

Джеб не отозвался до тех пор, пока не подошёл к нам вплотную. Тут он ступил прямо в золу и присел на корточки. Я поспешил вмешаться:

— Череп лучше не трогать. Полиция за это не похвалит, а ведь я и так уже развернул его граблями.

Джеб отдёргнул протянутую было руку и, подавшись назад, уставился на меня.

— А что, разве нужно вызвать...

— Чтобы провести опознание, если удастся.

— Этого бродяги? Как же можно провести опознание бродяги?

— А может, это не бродяга, — ответил я, и, услышав такое, Джеб вытаращил глаза. Но миссис О'Хара, казалось, не прислушивалась к нашему разговору.

— Видишь, Джеб, — я была права. Это был бродяга, и будь у нас пёс...

— Боже мой, да заткнись ты со своим псом! Просто замолчи, и я куплю тебе пса.

— Добро, Джеб. Этот, должно быть, был пьян: он запалил огонь и сам того не знал. Конечно, пьян: он ввалился в сарай и даже дверей за собой не закрыл; а мы-то полагали, что он открыл их, когда бежал вон от пожара. Знаешь, Джеб, я хочу колли. Настоящую, добрую колли, и мне не важно, во сколько она обойдётся. Я всегда мечтала иметь колли, и теперь, раз мы всё равно собираемся приобрести собаку, то можно и...

— Да заткнись же! — Джеб всё не спускал с меня глаз. — Мистер, что вы имели в виду, утверждая, будто это не бродяга? Вы кто такой и чего решили копать в нашей золе? Что всё это значит?

— Я частный детектив, — ответил я. — Но правда и то, что я приятель миссис Бемисс и действительно собираю материал для её газеты. Нельзя ли от вас позвонить ей?

— Да, то есть...

— Этой ночью пропал один человек, — продолжал я. — Вернее, не вернулся домой; уже со вчерашнего вечера его никто не видел. Вот почему — но не только, конечно, — я и сказал, что это, возможно, и не бродяга.

— Я ничего не слышал... А кто это был?

— Некто по имени Фоули Армстронг.

— Чёрт подери; это не может быть Фоули. Я же хорошо его знаю, мы с ним в криббидж играем. Но он живёт по соседней дороге, Дартаунской. Он бы не забрёл сюда, а если бы и забрёл, то — пьяный или трезвый — что ему делать в моём сарае? Да и не может это быть Фоули!

— Почему — не может?

— Фоули не курит. Будь это он, то не зажёт бы огня.

— Ладно, это не может быть Фоули Армстронг, — сказал я. — Но перед тем как я позвоню миссис Бемисс и расскажу ей, нет ли способа всё же это в этом удостовериться?

— Что вы имеете в виду?

— Нет ли способа узнать наверняка, по скелету, что это действительно не Армстронг? Скажем, у того были искусственные зубы, а у этого человека их нет, либо... ну, что-нибудь вроде того.

Джеб ответил:

— У Фоули не было искусственных зубов. У него был просто такой мост из двух коронок, как раз сверху спереди. В предыдущий раз, как мы с ним играли в криббидж, этих зубов у него не было, а в последний раз там уже стоял мост; он ещё сказал, что на вид всё прекрасно, только пока он боится ими кусать что-либо пожёстче гамбургера, и...

— Не сдвигайте череп, — вновь сказал я, — но взгляните на зубы.

Джеб несколько секунд пялился на меня, затем ступил назад в золу и склонился над черепом. Всматривался он в него довольно долго.

Когда же он выпрямился и вновь взглянул на меня, его лицо было не на шутку хмурым.

— Это Фоули, — объявил Джеб. — Там мост, и прямо на тех двух зубах. А на нижнем переднем зубе у него золотая пломба. Золото расплавилось и вытекло, но место из-под него хорошо видать.

— Вот и отлично, — сказал я. — Итак, можно мне позвонить? Да и коронера оповестить необходимо.

— Наверно, и шерифа... В голове не укладывается, мистер. Как Фоули Армстронг очутился у меня в сарае?

— Понятия не имею, — ответил я и направился к дому; женщина пошла следом за мной. У двери я подождал, чтобы она прошла первой и изволила меня пригласить. В последний раз оглянувшись, я увидел, что Джеб О'Хара всё ещё сидит на корточках в золе, недоверчиво вглядываясь в череп, словно никак не может поверить своим глазам.

Миссис О'Хара указала мне на телефон. Я нашёл в справочнике номер «Представителя» и назвал его операторше. Миссис Бемисс ответила на том конце провода.

— Миссис Бемисс, говорит Эд Хантер. Докладываю с фермы О'Хары. Часть материала для вас у меня уже есть.

— Пожар — Фоули Армстронг?

— Да. Не многое от него осталось, но О'Хара опознал по зубам. Почти нет сомнений даже невзирая на труп, что имел место поджог. Кто бы его не совершил, он был настолько любезен, что выгнал скот наружу.

— Что-нибудь ещё?

— Хочу дать в газету объявление. Нужен хороший сторожевой пёс, желательно колли.

— Эд, а шериф там?

— Нет... но подождите-ка. — Я повернулся к миссис О'Хара, которая стояла рядом и слушала. — Случайно, шериф Кингмэн ещё не заезжал сюда этим утром?

Та покачала головой; я так и передал миссис Бемисс. Она продолжала:

— Значит, он скоро появится. В его конторе сказали, что он собирался заехать в несколько мест, в том числе и к О'Харе. Будешь его дожидаться?

— Только если он поторопится. У меня тоже сегодня дел немало. Помните, ради чего я

здесь? А ведь я ещё и не начинал.

— Но коронеру, Эд, надо же сообщить. Я позвоню ему и пошлю туда, чтобы не заставлял тебя ждать. Позвоню также в контору шерифа, на случай, если он туда заглянет. И тебе лучше побыть там, пока не придёт хотя бы один из них.

— Армстронг никуда не денется, — возразил я. — Мистер О'Хара за ним присмотрит. Но не беспокойтесь, я дождусь того или другого.

На сим я повесил трубку.

Миссис О'Хара произнесла:

— Послушайте, молодой человек, когда вы будете в редакции «Представителя», вы, пожалуйста, дайте то объявление насчёт колли чин-чином, в точности как вы сказали по телефону. Не подумайте, пожалуйста, что я шутила.

— Нет, миссис О'Хара, я видел, что вы говорите серьёзно. Конечно, я велю миссис Бемисс поместить в газете объявление.

Я вышел из дому. Женщина последовала за мной вплоть до двери.

— Поместите это объявление, — повторила она. — Не надо говорить Джебу. Поместите, и всё. Я оплачу.

— Я помешу это объявление, — заверил я. — Но разве немецкая овчарка не лучше колли будет?

— Нет уж. — Миссис О'Хара фыркнула. — Этот Вольф, пёс Бака Барнетта. Тоже немецкая овчарка, а сам помогает грабителям шастать по участку.

— Может, она и немецкий шпион впридачу, — добавил я.

— А? — не поняла миссис О'Хара, но я не успел ответить, поскольку в эту минуту автомобиль шерифа завернул на подъездную дорожку и встал подле «кадиллака».

Шериф, а вместе с ним и Вилли Эклунд, вышли из машины; Кингмэн, держа руки на поясе, воззрился на «кадиллак». Я направился к ним.

Между прочим, сейчас шериф не выглядел таким здоровенным, как прошедшей ночью. Возможно, из-за соседства «кадиллака».

Увидев меня, Кингмэн развернулся и через плечо указал большим пальцем на «кадиллак»:

— Твой?

— Не то чтобы лично мой, — ответил я. — Просто я на нём приехал.

— Чего здесь делаешь?

— Выставляю вас на посмешище.

— Чего-о? — взревел шериф и сжал кулаки, одновременно делая шаг в мою сторону. На всякий случай я встал на изготовку, и всё же поспешил произнести:

— Дело прежде удовольствия, шериф. Может быть, сначала вы взглянете на то, что мы там нашли, а уж потом мы развлечёмся.

И я указал на прямоугольник золы, бывшей когда-то сараем. Джеб О'Хара всё ещё находился там; увидев, что шериф повернул в его сторону голову, он помахал ему рукой. Кингмэн бросил мне: «Стой здесь, сопляк», — и направился к Джебу О'Харе. Помощнику он добавил: «Присмотри за ним, Вилли».

Я остался стоять, где стоял, глядя шерифу вслед. Вилли Эклунд подошёл ко мне и пожал руку. Понизив голос, чтобы шерифу было не слышать, он проговорил:

— Сынок, ты как будто бы ищешь взбучки. Понимаешь ли это сам?

На что я ответил:

— Я взбучки не искал. И всё равно нашёл. И теперь собираюсь с этим покончить.

— Ты ещё очень молод, Хантер. Ты поймёшь, что есть вещи, которые нужно принимать как они есть.

— Я, может быть, и впрямь молод. Но я ещё не встречал таких вещей.

— Шериф из тех, кто больше лает, чем кусает. Ну, толстокожий. Но под корой у него...

На это я сказал:

— Значит, его пора окорить ленточным способом. И потом, тут уже не один лай. Ночью он мне набил шишек.

— Да ну?

— Образно выражаясь, — сказал я. — Вот почему он избавился от вас, прежде чем затащить меня к себе в контору. Не хотел свидетелей.

К этому времени шериф уже стоял вместе с Джебом О'Харой у золы, и я направил шаг в их сторону. Вилли Эклунд пристроился рядом.

— А что там такое? — спросил он.

— Там Фоули Армстронг, — ответил я. — То есть, всё, что от него осталось. И я очень сильно подозреваю, что именно его-то я и видел на Дартаунской дороге. Мёртвого.

— Тогда как он оказался здесь?

Ответить я и не пытался. В ту минуту мы уже подошли к шерифу и О'Харе. Шериф постоял, в свою очередь наклонясь к золе и разглядывая череп, затем выпрямился и отступил на чистую землю.

— Джеб говорит, это ты его нашёл, — сказал он. — Откуда ты знал, что это... что он... будет тут?

— Я не знал, — ответил я. — Мне показалось, что нет лучшего места, чтобы поискать труп, который я уже один раз нашёл, а потом потерял. В одну и ту же ночь убийство и пожар, да всего на расстоянии мили друг от друга... Могло оказаться совпадением, а могло и не оказаться. Как видите, не оказалось.

— Убийство?

— Животное, — сказал я, — могло бы перегрызть ему горло, но оно не перенесло бы его в этот сарай, не выпустило бы на волю коров и не сожгло бы сарая.

— Коров — на волю?

— Джеб вам расскажет.

Всё это время, начиная с той минуты как я нашёл череп, Джеб не переставал о чём-то напряжённо размышлять. Сейчас он проговорил:

— Именно так всё и выходит, шериф, если как следует поразмыслить. Сначала я думал, что это какой-то бродяга случайно запалил огонь и выскочил вон, оставив дверь открытой, и коровы выскочили наружу сами по себе. Теперь же... что ж, коли это Фоули, тогда это был никакой не бродяга, если только бродяга не убил Фоули и не...

На этом Джеб утомился, и я продолжил:

— Как бы то ни было, а сарай сожгли, чтобы уничтожить труп. Возможно, убийца не рассчитывал, что после пожара останется скелет. Или, возможно...

— Что — возможно?

— Возможно, его и не заботило, найдут ли скелет, поскольку от скелета никакого проку. Если это тот самый труп, который я нашёл ночью, то у этого человека было разорвано горло, но ведь по скелету этого не докажешь. Скелет уцелел в огне, но теперь невозможно определить, от чего Фоули погиб.

— Спросим об этом у коронера. Сходи, Вилли, позвони ему.

— Он уже едет, — сообщил я. — Мы разговаривали по телефону с Каролиной Бемисс, и она обещала позвонить коронеру и в вашу контору.

Шериф посмотрел на меня так, словно я был нестерпимо назойлив.

— Держишь всё под контролем, не так ли? — процедил он сквозь зубы.

— Ещё нет, — ответил я.

Он знал, что я имею в виду, но — спросил, так пусть получает ответ.

— Ночью вы заманили меня на зуботычину, хотя я не напрашивался. Из меня, лежащего, вы чуть дух не вышибли. Так что у меня, знаете ли, ещё не было шанса.

— Чёрта с два не было. И я вовсе...

— А теперь свидетели имеются, — продолжал я. — Слабо снять пиджачок да попытаться по-честному? Не страшно? Или прощения у меня попросите?

Он, как мне показалось, надолго уставился на меня, не произнося ни слова, а затем медленно принялся стаскивать с себя куртку. Тоже сняв пиджак, я, пройдя пару шагов, перекинул его через изгородь. Засучивая рукава, я принялся оценивать противника.

Кингмэн был, конечно, здоров; однако, в основном, за счёт жира. Если только не подпускать его к себе, самому же парочку раз врезать ему в брюхо, он быстро выдохнется. Бицепсы его выглядели могучими, но руки были коротки; стоило им, однако, меня достать, мало бы мне не показалось. Кулаки — с добрый булыжник; но я полагал, что смогу, непрестанно уворачиваясь, держаться от них подальше.

Да и возраст был на моей стороне — преимущество лет в пятнадцать, если не более. Шериф подходил к сорока и по виду был далеко не в форме; мне не верилось, что он сможет

продержаться более пяти или десяти минут.

Я отступил на открытое место и воздвиг свои кулачки, словно бы так и собирался стоймя стоять да махать ими. Шериф уверенно двинулся на меня. Его левая рука была приподнята — он воображал, будто бы она послужит ему щитом; правая же была отнесена назад для хватского замаха. Увидя такое, я уж понял, что мне, даже несмотря на ребро, вполне удастся выкрутиться. Знай он на деле, как нужно драться, мне пришлось бы туго.

Левой я легонько двинул его в торец поверх защиты и тут же отпрыгнул назад, когда шерифова правая рука описала полукруг, не достав до моей головы целого ярда. Пока он пытался сохранить равновесие после этого дурацкого вращательного движения, я сделал выпад, двинув его правой над самым брючным ремнём. Тычок вышел так себе; я попросту, можно сказать, испробовал шерифа на прочность да уверился, что могу при этом уцелеть.

Мой удар явно был для него болезнен, но и для меня тоже. В боку резануло, и я понял, что мне следует отказаться от ударов правой и работать почти одной лишь левой рукой.

Шериф бросился на меня; я засеменял ногами, отступая и кружа вокруг противника. При этом я продолжал колоть его короткими левыми, в основном поверх его защиты, но когда он поднимал эту руку повыше, до уровня носа, я целил под неё, заставляя вновь опускать руку. Я продолжал отступать — в общем, боролся словно Уолкотт против Луиса. Но я был счастливее Уолкотта, поскольку шериф не был столь тренирован, как Луис. Что ни шаг, он более и более задыхался.

Я почувствовал боль в моём повреждённом ребре и нанёс правой ещё три удара шерифу в брюхо. Всякий раз я выгадывал то мгновение, когда он терял равновесие в результате недолёта своих круговых ударов.

Через три, а может быть через четыре минуты шериф уже дышал словно паровоз, а его глазки налились кровью от натуги; из носа бежала струйка крови, капли которой срывались с подбородка.

От него я получил один-единственный удар — тыльной стороной левой руки, который он, вероятно, и не думал мне наносить. Это удар прошёлся по моему черепу вдоль, но в глазах пошли круги, а в голове загудело. В результате я двадцать или тридцать секунд перебирал ногами, но это оказалось столь же действенным, словно бы я нанёс ему по удару справа и слева. Гоняясь за мной, шериф выдохся.

Когда Кингмэн остановился, чтобы перевести дух, и его язык форменным образом вываливался изо рта, я, заскрипев зубами от боли в боку, почти до запястья погрузил свой кулак ему в солнечное сплетение. Шериф издал нечто вроде «У-уф!» и осел наземь. Это не был нокаут и даже не нокдаун; у него просто отшибло дыхание.

Я и сам к этой минуте дышал с трудом, но держался наготове, случись ему подняться вновь и двинуться на меня. Однако по всему было видать, что шерифу это вряд ли под силу.

Позади меня раздался сдержанный голос:

— Ну, вы даёте.

Я обернулся и увидел доктора Корделла — того самого, кто этой ночью в номере отеля «Тремонт-Хаус» наложил мне на больное место бандажную ленту. На мгновение я удивился — что он здесь делает? — но затем получил ответ, когда Вилли Эклунд произнёс:

— Всё уже закончилось, док.

Тут я понял, что, в дополнение к частной практике на моём ребре, доктор Корделл, должно быть, ещё и окружной коронер.

— На два слова, — сказал доктор Эклунду. Он наблюдал, как Кингмэн поднимается на

ноги, и я полагаю, готов был в любую минуту помешать нам продолжить драку. Но в том не было нужды. Своё шериф Кингмэн на этот раз получил. Поднимался он медленно, держась руками за бока и всё ещё тяжело дыша. Немного отдышавшись, он выдавил из себя: «Пробоин нету, док», — явно полагая, что будто бы Корделл беспокоится о нём. Шериф вынул из кармана носовой платок и приложил его к носу, чтобы воспрепятствовать крови капать с подбородка на форменный галстук, после чего медленно двинулся к корыту с поливочной водой, стоявшему в десяти ярдах поодаль, желая омыть лицо от крови и остановить носовое кровотечение. Корделл двинулся за ним, но Вилли Эклунд произнёс:

— Эй, док, а труп вон там!

Обернувшись, коронер взглянул через плечо и сказал:

— Так проследи, Вилли, чтоб он не сбежал, — а затем нагнал Кингмэна у поливочного корыта.

Я утёр пот с лица и поправил галстук, после чего, спустив рукава, направился к изгороди забрать пиджак. Затем я присоединился к Вилли Эклунду, сторожившему вещественное доказательство. Словно бы размышляя, тот проговорил:

— Ты просто идиот. Затеял драку со сломанным ребром. Ведь док рассказал мне; он уже хотел вмешаться. — Внезапно Эклунд ухмыльнулся. — Только ты уж управился. — И тут же, в ту секунду как шериф с коронером направились к нам от своего корыта, Эклунд вновь принял серьёзный вид.

Тем не менее он продолжал:

— Впрочем, не думай, что ты мне угодил. Уж теперь он недели две будет почём зря гонять своих подчинённых. Я знаю; один раз ему уже задали трёпку.

— Нужно бы почаще, — ответил я на это.

— Он не так уж плох, Хантер. Любит животных, обожает жену и дочь. Имеются, конечно, и слабые места.

— А ещё он обожает частных детективов — на этот раз прошу понимать буквально.

Но шериф с коронером успели подойти к нам, поэтому Эклунд мне не ответил. Кингмэн остановился немного поодаль и позвал: «Хантер!» Это слово прозвучало не на повышенном тоне, так что я сделал в его сторону пару шагов, оставив Эклунда с коронером заниматься своим делом.

— Извини за это ребро, — сказал Кингмэн. — Док мне только что сказал; я не хотел тебя калечить.

Эти слова звучали не в тон: шериф словно бы и не просил прощения; однако и не насмешки не слышалось. Симпатией он ко мне, конечно же, не проникся, — просто, полагаю, моё желание драться невзирая на трещину в ребре произвело на него впечатление. Подобные дуболомы всегда ценят отвагу больше чем рассудительность, а крепость мышц больше хороших манер.

— Пять баксов, и мы квиты, — ответил я.

— А?

— Столько взял с меня ваш коронер за то, чтобы наложить бандажную ленту, — объяснил я. — Мне не было известно, что он на официальном содержании, но раз так, то этот визит должен быть за счёт округа, верно?

— Что ж, это по-честному, — объявил шериф. — Эй, Корделл, отдай-ка этому парню его пять баксов. Мы запишем их в твою зарплатную ведомость.

Корделл не спеша повернулся и взглянул на шерифа.

— Так это ты его так?

— Он упал у меня в конторе, — ответил Кингмэн с видимым смущением.

Коронер несколько секунд не спускал с шерифа глаз; Кингмэн, отведя взгляд, заинтересовался скелетом, лежащим в золе.

— Вы не знаете, док, кто был дантистом Армстронга? Он бы помог нам с уверенностью сказать, точно ли это Армстронг.

Корделл вынул из кармана пятидолларовую бумажку и протянул мне. Я поблагодарил его и спрятал бумажку; на его вопросительно поднятую бровь я ничем не ответил, и коронер повернулся к остальным. Затем, ступив прямо в золу, он принялся осторожно её разгребать.

— Мне тоже нужно будет выставить округу счёт за химчистку, — проговорил он, занимаясь этим делом.

Спустя некоторое время он прибавил:

— Всё верно, это Фоули Армстронг. Вот эта отметина на плечевой кости в трёх дюймах выше локтя. В этом месте он сломал себе руку, когда упал с дерева у себя в саду два года назад; я ещё тогда чинил ему руку.

— Вот и хорошо, — отозвался Кингмэн. — Мы всё же выясним, кто был его дантистом, — просто для верности.

Джеб двинулся к дому.

— Я позвоню его жене и скажу ей, — объяснил он. — Добро?

Никто ему не ответил, и он ушёл. Корделл выпрямился и ступил на чистое место. Кингмэн спросил у него:

— Как ты намерен, док, с ним поступить?

— Полагаю, ничто не мешает нам вызвать кого-нибудь из морга, чтобы Армстронга забрали. Мне тут особо делать нечего.

— Можете сказать, от чего он умер? — вмешался я.

— Не вижу такой возможности, сынок, если только... Вот тут череп немного пробит на макушке. Это могло случиться либо после его смерти, либо до. Если до — значит, могло вызвать смерть.

— Наверно, это сделал я, граблями, когда наткнулся на него, — сказал я.

Корделл кивнул.

— Так ли это, я легко смогу сказать, осмотрев края. Если это случилось сейчас, когда череп пережжён, то пробоина будет совершенно другого типа.

— И, разумеется, невозможно будет сказать, было ли у него разорвано горло?

Глаза коронера расширились; Корделл ещё не слышал моего рассказа о событиях этой ночи. Он сказал:

— И впрямь будет чудо, Хантер, коли я смогу это утверждать.

Больше мне совершенно незачем было торчать здесь, да и время приближалось к полудню.

— Я вам буду ещё нужен, шериф? — спросил я.

— Э-э... А город ты не собираешься покидать?

— Не сегодня.

— Тогда — всё. Но постой-ка. Теперь, когда в твоём рассказе о прошлой ночи и впрямь может открыться истина, нам с тобой ещё раз, при свете дня, нужно взглянуть на то место, где ты видел тело. Не желаешь ли вновь мне показать это место?

— Хорошо, поехали, — сказал я. — Это одна из тех вещей, которую я и сам планировал

осуществить.

Кингмэн отдал распоряжение Вилли Эклунду оставаться на месте и встретить гробовщика, после чего мы вернулись к подъездной дорожке. Когда я направился прямо к «кадиллаку», шериф заколебался у дверцы собственного автомобиля.

— А куда ты собираешься отсюда? — спросил он.

— К Эмори, — ответил я.

— Тогда нам действительно лучше взять обе машины. Я поеду в город или же вернусь сюда; то, либо другое. — Он с любопытством оглядел «кадиллак» и промолвил: — Корабль какой-то. — Тут шериф захлопнул дверцу своей машины и подошёл ко мне. — Хотел бы я в ней проехаться, даже пусть мне придётся затем топтать сюда пешком. Ведь полями туда и мили не будет — не то что ехать кружным путём мили три.

Я подумал — а что, ведь мы с ним уже разобрались, так, может быть, теперь и сойдёмся.

— Хотите вести дотуда? Теперь можно и скорость немного превысить.

— Разумеется, — ответил шериф, садясь за руль.

Нам пришлось бы попортить лужайку, чтобы объехать машину Корделла и шерифову, ведь обе они подкатали уже после того, как сюда прибыл я на «кадиллаке», но шериф, казалось, вовсе этой трудностью не озаботился.

Когда мы оказались на дороге, он заявил:

— Послушная! Вот бы у нас тут магистраль была, я б её разогнал. А скажи-ка, Хантер как ты на всё это смотришь? То есть, — нашёл ты труп на дороге, а затем Фоули вдруг сгорел в этом сарае. Чертовщина какая-то. В голове не укладывается.

— Я, шериф, и сам ума не приложу. А ведь вы, шериф, даже не приняли всерьёз мой рассказ о трупе с разорванным горлом — и обсуждать не захотели. А потому если уж речь зашла об этом снова, то нет ли кого-либо в этом округе, кто мог бы во так убить человека? Скажем (уж простите моё невежество горожанина), нет ли вероятности попасться в зубы волку, разгуливающему на воле?

— Только не в пятидесятых годах. Пумы здесь также не водятся, да и о рысях я не слыхал с тех пор, как вышел из детства. Единственное дикое животное, достаточно крупное чтобы убить человека, должно было бы для этого сбежать из цирка, что ли; а если бы нечто похожее произошло, я бы знал.

— А как насчёт одичавшего домашнего животного?

— Пожалуй... не исключено. — Шериф свернул на боковую дорогу, соединяющую Восточное шоссе с Дартаунским; то был узкий просёлок, а потому мы сбавили ход. — Тогда это, должно быть, какая-то собака. Но мне ничего не известно о собаках-убийцах в районе Тремонта.

— И добрая собака способна превратиться в пса-убийцу.

— Вероятно... Но слушай, — пусть животное, дикое либо домашнее, убило Фоули тем способом, который ты описал, но, чёрт возьми, не перенесло же оно его в сарай к Джебу и не устроило пожара!

— Тогда, — ответил я, — остаётся только одна возможность.

— И какая же?

— Маньяк-убийца. Нормальный человек не станет убивать кого-то, вырывая тому кадык. Но если убийца и есть тот, кто перенёс убитого в сарай, значит убийца — это человек, и он, значит, не в себе.

— Я знал одного маньяка-убийцу, с тех пор как принял пост шерифа, — сказал Кингмэн, — а о других читал. Но никогда не слышал, чтобы они убивали именно таким способом.

— А о ликантропии вы когда-нибудь читали?

— Нет, а что это?

— Один из видов помешательства, — объяснил я, — при котором на человека находит наваждение, и он воображает себя волком. Не обычный случай, но и не совсем уж редкий. На этом основаны — то есть, на соответствующей вере — рассказы о волках-оборотнях.

Кингмэн фыркнул. Я продолжал:

— Оборотни, разумеется, не более чем суеверие, — если говорить о том, что такой человек обрастает шерстью и превращается в волка, так что даже и следы волчьей якобы оставляет за собой. Но в своём сознании человек может превращаться в волка. И пока им владеет подобное помешательство, он и думает как волк, и поступает как волк. А вновь обретя рассудок после того, как он кого-то убил, такой человек может перенести труп в сарай, а сарай поджечь, чтобы никто никогда не узнал, как именно принял смерть убитый.

— Ужас! — промолвил шериф.

Я усмехнулся.

— Я ведь и сам струхнул как никогда. Ведь только подумать: если это так, тогда там был ликантроп, убийца, воображающий себя волком, — и он зарычал на меня этой ночью с расстояния в пару шагов! А я один-одинёшенек на тёмной сельской дороге, невооружённый!

— Тогда почему он не бросился на тебя?

— Возможно, одно убийство его удовлетворило. И опять же — только это моё предположение, — он мог частично вновь прийти в сознание. Разумом ещё достаточно помутнён, чтобы выть по-волчьи, но прыгнуть на меня уже не смеет, лишь разве что в целях самозащиты, — если бы я полез к нему в чашу сада.

— Как ты можешь это знать?

— Да ведь он уже принялся двигать тело. Помните, вы спросили меня (или кто-то спросил), не лежало ли тело в луже крови. Оно бы и лежало, если б его не сдвинули. А его, значит, сдвинули. Начать с того, что я совершенно не запомнил, чтобы на дороге, в ту минуту как я увидел на ней труп, ещё и кровь была; и даже потом, вернувшись взглянуть как следует, я бы заметил кровь, если бы её хоть чуть-чуть там натекло. Маленькое пятнышко я бы и мог пропустить, но если человек умирает вследствие того, что кто-то перегрыз ему шейную вену, пятнышком крови дело не обойдётся.

— А ты не перепутал место?

— Место то самое, но я хочу взглянуть на него ещё раз при свете дня.

— Ну так мы приехали. Попробуй счастья.

Я так увлёкся толкованием ликантропии, что и не заметил, как шериф сбавил ход, и до поворота на Дартаунскую дорогу остаётся всего дюжина ярдов.

— Остановитесь здесь, а то подъедем слишком близко и машина помешает, — попросил я, и шериф согласился.

Выйдя из машины, он рассмеялся и произнёс:

— Знаешь что, если твой рассказ об этой ночи правдив, — а я пока что даю ему кредит доверия, — то ты, возможно, поставил рекорд.

— Это как?

— Ты, возможно, единственный, кто когда-либо дважды находил один и тот же труп.

Правда, во второй раз ты его нарочно искал. И что тебя на это сподвигло?

— Потому что я знал, что где-то он должен быть. И когда мне сказали, что меньше чем в миле отсюда сгорел сарай, да в ту же самую ночь, то я увидел в этом вполне допустимую возможность. И мои поиски себя оправдали.

— Да уж, прямо в точку. А самое убедительное в твоей истории то, что у Фоули Армстронга не было никакой убедительной причины оказаться в том сарае. Он не стоял на его пути домой, и Фоули не был пьян, когда вышел из города. Я о том поспрашивал.

— Миссис Бемисс сказала мне то же самое, — подтвердил я. Мы подошли теперь к тому самому месту, где, насколько я смог определить, я наткнулся на труп. И опять я ничего на земле не увидел. — Придётся проработать допущение, что Армстронг не был убит в точности здесь, что кровью он истёк где-то в другом месте, — пробормотал я.

Шериф прошёлся вдоль дороги сначала вперёд, а затем назад, также рассматривая землю.

— Звучит логично, — согласился он. — Но где же нам искать это другое место?

— Это будет несложно, — заверил я. — Предположим, что Армстронга уже несли или тащили в известный нам сарай, что убийца знал, куда направляется; а это так, раз он уже нёс тело. Так что место, где Армстронг умер, должно находиться в противоположной от сарая стороне. Разве не в той стороне отсюда находился сарай? — Я указал рукой, а шериф кивнул:

— Да, почти что. Возможно, немного западнее.

— Тогда Армстронг, скорее всего, был убит по другую сторону дороги и поближе к городу. Убийца донёс или дотащил его досюда, когда услышал мои шаги, приближающиеся к повороту дороги. Он бросил тело и спрятался.

— И рычал на тебя? Какая-то ерунда.

— Но не для безумца. Я описал вам единственный вид убийцы, который, на мой взгляд, подходит для настоящего случая — то есть убийцы, нездорового психически. Ликантропа.

Я вернулся к машине и миновал её, осматривая дорогу по другую сторону. В особенности я присматривался к обочине и кювету, и вот в дюжине шагов позади машины я остановился и знаком подозвал Кингмэна. Я указал ему на неровное место на пыльной обочине.

Шериф внимательно осмотрел его.

— Может, может... Возможно, здесь и была лужа крови, которая затем впиталась. Что ж, возьму образец. Корделл определит, присутствует ли в почве кровь.

Шериф извлёк из кармана перочинный ножик и поскрёб им почву. Найдя в пиджачном кармане конверт, Кингмэн опустил в него свой соскрёб. Пока он занимался этим делом, я прошёл по дороге немного далее, но больше ничего не увидел.

Когда я вернулся к шерифу, тот опускал конверт в карман. Кингмэн спросил:

— Ну что, двинешься к Эмори?

— Думаю, нет, — ответил я. — Скорее всего, позвоню ему по телефону и перенесу встречу на вечер. В три у меня свидание... — Тут я взглянул на шерифа и решил, что лучше пока не говорить ему, с кем, — так что всё равно не смогу уделить ему много времени.

— Отлично, — отозвался шериф. — Если ты едешь в город, я поеду с тобой. Корделл, вероятно, уже распростился с Джебом.

Мы вновь сели в «кадиллак», только на этот раз за руль сел я.

Едва мы тронулись, как Кингмэн спросил:

— Не возражаешь, если мы на секунду остановимся у дома Барнетта?

Я остановился у дома Барнетта.

— Коли желаете переговорить с Баком Барнеттом, — сказал я, — то можно мне будет от него позвонить? Следует сообщить Эмори, что я не смогу повидаться с ним до полудня.

Но шериф покачал головой.

— У него нет телефона. Но я выскочу лишь на минутку. Даже в дом заходить не стану. Он где-то на гумне.

Шериф вылез из машины и позвал: «Эй, Бак!», после чего двинулся по дорожке к дому. Откуда-то из-за дома послышался собачий лай, а затем голос Бака: «Тише, парень», после чего Бак появился и сам, выйдя шерифу навстречу. Собака тут же умолкла.

Помня, что Жюстина отозвалась о Баке как о «тёмном» человеке, я внимательно его оглядел, насколько мне это удалось на таком расстоянии. Нечего особенно странного я в нём не заметил. Он был высок и сухопар, как и брат его Рэнди, но одет гораздо более неряшливо. А сходство между ними было настолько сильным, что я понял, отчего, когда Рэнди испугался, что найденный мною мертвец мог оказаться Баком, то спросил: «А на меня он не был похож?» Правда, Бак был на несколько лет старше, о чём свидетельствовала лёгкая седина, тронувшая его волосы, а ещё он носил встопорщенные усы, делавшие его похожим на моржа; но в остальном братья были почти что близнецы.

Кингмэн поговорил с Барнеттом всего минуту и быстро вернулся к машине. Усевшись в неё, он сказал:

— Я спросил его, не сбегал ли Вольф — это его собака, — не сбегал ли Вольф сегодняшней ночью, или не слышал ли он лая какой-нибудь чужой собаки. На первое он ответил «нет», но сказал, что приблизительно в полдвенадцатого у его собаки случился приступ дикого лая, и он вышел посмотреть, не забрался ли какой-нибудь зверь в курятник или ещё куда-то. Никого не увидя и ничего не услыша, он велел Вольфу замолчать и вернулся в дом.

— Это было как раз в то самое время.

Лицо шерифа стало серьёзным.

— Собаки — странные существа, — проговорил он. — Вот взять Вольфа — он, я слышал, и на сторожевого пса-то не тянет. И всё же, если тут рыскал какой-то зверь — скажем, крупный, — то и Вольф мог разнервничаться, как Бак описывает. Насчёт человека я сомневаюсь, если только... если не один из тех маньяков, про которых ты говорил, не ли... Как его там?

— Ликантроп, — повторил я. — Не знаю. То, что они вроде бы пахнут по-звериному, это всё из разряда относящихся до них суеверий, как и то, что они покрываются шерстью и отрачивают себе клыки. Но у собак особые чувства, нам недоступные. Не исключено, что собака способна учуять нечто вроде... вроде подобного сумасшествия.

— Возможно, «оно», кем бы ни было, приблизилось к дому с желанием убить Бака, но собака его отпугнула; оно вернулось на дорогу и встретило там Фоули, и тогда...

— Не называйте его «оно», — сказал я. — А то меня мороз подирает по коже. Ликантроп — всё человек; «он» или «она». Хоть обезумевший.

— Как его по буквам? Мне бы тоже не мешало повысить образование.

При этих словах шериф вынул из карманов какой-то старый конверт и карандаш и записал слово «ликантроп», которое я продиктовал ему по буквам. К этому времени мы уже въехали в город, и я спросил его, где он хочет, чтобы я его высадил.

— Полагаю, Корделл уже вернулся в свой офис, — сказал шериф. — А если и нет, то до моей конторы от него всего квартал. Хочу дать ему эту землю; пусть посмотрит, содержится ли в ней кровь.

Я взглянул на свои часы; ещё не было и часа, так что я решил пойти с ним. Ведь я был столь же заинтересован в анализе этой горсти земли.

Корделл был у себя; он только что пришёл. Развернув конверт, он взглянул на нашу землю и произнёс:

— Если здесь только следы крови, то для того, чтобы их обнаружить, понадобится некоторое время. Но если это то, что вы думаете, — земля, пропитавшаяся кровью, потому что на ней была целая лужа этой жидкости, — я скажу вам об этом уже через пять минут.

Шериф выразил намерение подождать; я ему вторил, но прибавил просьбу воспользоваться телефоном и получил разрешение.

Корделл исчез в какой-то задней комнате, я же позвонил Эмори. Трубку поднял Рэнди, немедленно передавший её своему хозяину.

— Прошу прощения, мистер Эмори, но прибыть к вам в первую половину дня я так и не смог, — начал я. — Тут кое-что произошло. Когда же мы увидимся? Вечером вы будете дома?

— Непременно, Эд, — ответил Эмори. — Буду дома весь вечер. В котором часу мне вас ожидать?

— Не договориться ли нам опять на девять? Мы ужинаем с миссис Бемисс, и мне хотелось бы иметь время сперва кое-что обсудить с ней.

— Прекрасно, только постарайтесь больше не наткаться на мертвецов, хорошо?

— Обещаю. Если и наткнусь — пройду мимо.

Повесив трубку, я увидел, что Кингмэн занят чтением энциклопедического тома, который он перед этим снял с одной из многочисленных книжных полок. Заглянув ему через плечо, я заметил ключевые буквы «ЛИ» в углу страницы, которую он изучал — иными словами, он проверял те сведения, которые усвоил от меня по ликантропии. Я и сам не прочь был бы об этом почитать, но делать это через шерифово плечо не стал. Я ведь смогу прочесть о ликантропии и позже, в библиотеке, если только шериф не отложит тома до того, как коронер к нам вернётся.

Но коронер справился быстрее, не прошло даже пяти обещанных минут.

— Всё в порядке: это кровь, — объявил он. — Ваша земля вся пропитана кровью. Где вы её набрали?

Кингмэн рассказал ему, а затем спросил:

— Не можешь ли сказать — это кровь Фоули Армстронга?

Корделл уселся за свой стол — на стул, способный вращаться.

— Думаю, я мог бы сказать... если бы имел образец крови Фоули для сравнения. Но только где его взять? Сейчас ему и самому чертовски этого не хватает.

Вид у Кингмэна был озадаченный, и я предложил:

— Можно попытаться достать образец его крови у него дома. Я имею в виду — у него

могла пойти кровь носом, он приложил платок, и этот платок ещё не постиран; он мог порезаться во время бритья, и немного крови осталось на полотенце — ну и ещё что-нибудь подобное.

— Джек, стоит попытаться, — отвечал шериф. — И если ты не добудешь образца, посмотрим, нельзя ли будет выяснить у миссис Армстронг, не записана ли где-нибудь группа крови её мужа. В армии он служил, нет?

— Не-а. Слишком юн для одной войны, слишком стар для другой.

— Это плохо. Армейская метрика содержала бы его группу крови. Выясни, не делалось ли ему переливаний, либо не состоял ли он в донорах. В обоих случаях записи в медицинской карточке должны содержать группу крови.

— Но ведь вы не сможете идентифицировать кровь по одной лишь записи о группе крови, — спросил я, — не так ли?

Корделл развернулся на своём вращающемся стуле, чтобы обратиться ко мне лицом.

— Зато если кровь окажется не того типа, мы сможем это установить. Группу крови из этой земли я установить могу, хотя ещё не сделал этого. Назовём её «группа Б». Тогда, если мы выясним, что у Фоули «группа А», мы будем знать, что тело, виденное вами на Дартаунской дороге, — не его.

— И это, — сказал я, — будет уже кое-чем. У нас всё ещё останется пропавший труп. С другой стороны, если вы установите, что эта кровь и кровь Фоули — одной и той же группы, это усилит подозрения, что виденное мной тело всё же принадлежит Фоули, ведь так?

— Так, разумеется. Особенно если это окажется кровь одной из редких групп.

— Послушай, док, — вмешался Кингмэн. — Надеюсь, одну вещь ты всё же выяснил. Это — человеческая кровь, не так ли?

— Да, человеческая.

— Вот и отлично. Тогда я посмотрю, что можно будет получить у Армстронгов. Я ведь всё равно обязан переговорить с миссис Армстронг. Теперь, как насчёт результатов осмотра? Ты ведь собираешься исследовать останки?

— Естественно, — ответил Корделл, — однако всё, что я смогу записать в графе «Причина смерти» — это «неизвестна». Если рассказ Хантера правдив — а персонально я не вижу причин сомневаться в этом, — то причиной смерти является разрыв шейной вены. Но даже Господь Бог со всеми его ангелами не сможет определить это по одному лишь скелету. Впрочем, Джек, я позаботился о том, чтобы стоматолог, лечивший Фоули, всё же произвёл официальное опознание. Когда вы уехали, Джеб припомнил слова Фоули, что это доктор Робертс сделал ему мост, так что об этом вы у миссис Армстронг можете не спрашивать.

Кингмэн кивнул и поднялся; мы с ним вышли. На улице он отверг моё предложение подбросить его до конторы, говоря, что ради одного квартала не стоит и напрягаться.

— Тебе придётся выступить свидетелем на разбирательстве, — сказал он. — Свидетельские показания мы можем записать и завтра, пока они свежие. Я дам тебе знать, где и когда, сразу как его назначат.

Я чувствовал себя прекрасно, удобно припарковавшись у входа в библиотеку и забежав к себе в отель, чтобы освежиться. Дело шло к тому, что я разрешил загадку трупа с Дартаунской дороги; то есть разрешил, насколько это было в моих силах. Моя единственная задача состояла в том, чтобы доказать, что я на самом деле обнаружил чей-то труп, и выходило, что мне это удалось. Я даже и дальше продвинулся, выяснив, кто это был. А уж почему Армстронга убили, кто это сделал или что, было всецело заботой шерифа, а уж никак

не моей. Так я тогда думал.

И ещё я умиротворил шерифа Кингмэна до такой степени, что мы могли общаться, не сверкая друг на друга глазами. Он мне по-прежнему не нравился, и я знал, что и сам не нравлюсь ему, но со временем, возможно, мы смогли бы обсудить тот факт, что у него есть дочь. А моя поездка в Чикаго и обратно показала мне, что дорога не столь уж и дальняя, коли ездить не поездом. Если меня не погонят из агентства Старлока, я смогу купить какой-нибудь драндулет и каждое утро ездить на работу из недалежного городка.

Я избавился от золы в отворотах брюк, в складках одежды и в обуви. Было ещё только без четверти три, но я всё равно отправился в библиотеку. Молли Кингмэн там ещё не показывалась.

Я вернул книгу по радио, и библиотекарша отдала мне залог; затем я отошёл к одному из столиков, откуда мог бы видеть дверь. Но тут до меня дошло, что нельзя же вот так сидеть, ничего не читая, а потому я направился к полкам. Там я начал наугад брать книги, пока не вспомнил, что есть один предмет, по которому мне следует поднабраться сведений. Да, я прочёл Кингмэну лекцию по ликантропии, но в действительности всё, что я о ней знал, было лишь значением этого слова.

Я отыскал раздел по психологии. Там было всего несколько книг о душевных болезнях и психических нарушениях, и только в одной из них мне встретилась ликантропия в указателе. Я перенёс эту книгу к себе на столик. Увы, специальное указание на ликантропию обернулось лишь несколькими абзацами и одной краткой историей болезни. Прочесть всё это заняло лишь несколько минут, даже при том, что я продолжал наблюдать за входной дверью.

Вскоре дверь раскрылась, и появился некто из семейства Кингмэнов, но не тот, кто мне был нужен. Это был шериф собственной персоной. На долю секунды я уж решил, что он каким-то образом узнал о нашем с Молли свидании и явился сюда предотвратить его и устроить мне разнос. Но поймав мой взгляд, он кивнул мне, после чего прошёл к столу дежурного библиотекаря, так что его появление здесь оказывалось простым совпадением. А уж я догадывался, что ему было нужно.

Когда библиотекарша поднялась из-за своего стола и повела шерифа к полке с книгами по психологии, я убедился, что прав. Всё же у меня ещё оставалась надежда, что он уберётся из библиотеки до прихода Молли, ведь было ещё только без пяти три.

Я зашагал к полке, где мисс Уиллис уже начала вынимать книги и просматривать их, и спросил, не ликантропией ли интересуется шериф, на что получил утвердительный ответ.

— Я только что сам всё это просмотрел, — объявил я. — Единственная книга, в которой подробно о том написано, — вот эта. Я уже её прочёл, если вы хотите взять её с собой. — Разумеется, я не стал рассказывать, как мало та в себе содержит, чтобы шерифу не захотелось прочесть её прямо на месте.

Идея сработала:

— Прекрасно, — сказал шериф, — запишете её на меня, миссис Уиллис? — и убежал, держа книгу под мышкой.

Я перевёл дух, схватил с полки по психологии первую попавшуюся книгу и устремился с ней к своему столику. Там я посмотрел название. На обложке значилось: «Сексуальная жизнь неженатых мужчин». Пришлось мне быстренько менять её вновь, пока Молли Кингмэн не пришла и не застала меня за подобным чтением! Эх, узнай я об этой девушке побольше, мне следовало бы лишь подивиться этому знаку судьбы, но такой возможности

ещё не представилось — за такой-то короткий срок!

Мне не улыбнулись ни «Сексуальные отклонения», ни «Как заводить друзей и влиять на окружающих», а остановился я на «Искусстве рассуждать» — это искусство иногда может пригодиться весьма кстати; может, и совсем скоро.

Но прочесть я успел всего страницу: пришла Молли. Я едва не вскочил из-за стола, но она, поймав мой взгляд, едва заметно покачала головой; похоже было, что ей не хотелось дать знать мисс Уиллис, что у кого-то здесь рандеву. Так что я вновь сунул нос в свою книгу, если и не в искусство рассуждения, пока Молли не обменялась с библиотекаршей парой реплик, после чего последняя удалилась.

Молли Кингмэн заняла место за столом дежурного; я подошёл к ней и поинтересовался: — Прошу прощения, а нет ли у вас тут чего почитать?

Вышло не слишком остроумно и впечатления на неё не произвело. Молли так на меня взглянула, что я почувствовал себя неловким глупцом. Взглянув на неё в ответ, я подумал: «Это конец», хотя вслух не сказал. Правда, у меня это, должно быть, было написано на лице, поскольку Молли слегка порозовела и опустила глаза на стол перед собой.

— Простите, — сказал я.

Она вновь подняла взор:

— За что?

— За то, что я вас смутил. Вчера я был развязен, и сегодня опять начал в том же духе, просто взял и начал. Но мне самому не нравится быть таким, честно.

— А вы и не такой, честно. Я поняла это почти сразу.

Сомнительно, подумалось мне, слишком уж я выпендривался. Мне оставалось лишь мечтать о ещё одном денёчке в Тремонте.

Затем вошли двое посетителей, чтобы вернуть взятые книги, и я вынужден был отступить в сторону. А одна женщина, чёрт её дери, и вовсе отхватила добрый кусок нашего времени, задав вопрос, который вынудил Молли отправиться сначала к ящикам с указателями, а затем и к полкам с книгами.

Правда, это дало мне возможность понаблюдать её в движении. По-над раскрытой книгой, которую я подобрал с её стола и притворился, что просматриваю — кажется, не вверх ногами, — я мог наслаждаться видом её изящных движений, пока она переходила с места на место, стояла прямо либо нагибалась у картотеки указателей, а затем возвращалась назад к столу.

Было в ней что-то этакое; какие-то свежест, сладость, что отличали её от любой другой когда-либо знакомой мне женщины. Речь тут шла не об одной лишь красоте; я видал и более красивых. Не часто, но встречались и посовершеннее. И нельзя это было назвать особой индивидуальностью, хотя таковая и присутствовала. В общем, я не знаю.

Она вновь вернулась за свой стол, и я произнёс:

— Молли, — а она ответила:

— Что?

Я секунду думал, а затем сказал:

— Ничего, полагаю.

Она рассмеялась. Я хмыкнул и сказал:

— Вероятно, я немного пьян. Не от алкоголя. Сколько ещё вам предстоит сидеть здесь и притворяться библиотекарем?

— Полчаса. Стоматолог сейчас, вероятно, уже подпиливает Дороти новую пломбу.

Только...

— Что же?

— Если вы собираетесь предложить мне потом сходить куда-нибудь, то я, Эд, не могу. Мне не следовало признаваться, что я буду здесь сегодня заменять. Я не смогу... продолжать видеться с вами.

В этом была моя собственная оплошность: я чересчур спешил. Теперь это было ясно. Выход оставался только один — немедленно разворачивать судно. Я усмехнулся и произнёс:

— Я ведь вам ещё и не предлагал. С чего вы взяли?

— Судя по той манере, в какой вы начали.

— В такой манере я разговариваю со всеми девушками. Особенно когда я попадаю в какой-нибудь город всего на один день и могу не заботиться о последствиях. Таково одно из преимуществ моей профессии.

— Так здесь вы вправду работаете над каким-то делом?

— Я-то думал, — ответил я, — что в Тремонтте это известно всем и каждому. Такой секрет полишинеля. Спросите Торговую палату, есть там один по имени Сет Паркинсон. Он вам расскажет.

— А что он мне расскажет?

— Что я произвожу совершенно открытое, дружелюбное расследование деятельности некоего Стивена Эмори. То есть, дайте мне только начать! Я ведь попутно ещё и практикующий волк-оборотень, что, главным образом, и отнимает всё моё время.

Так вот балагуря, я отвлекал её от мысли никогда больше со мной не встречаться. Она продолжала расспросы:

— Почему волк-оборотень?

— Нормальным волком быть у меня не получается, — продолжал я объяснять. — Ниша занята. Местность ими просто кишит, даже Тремонтт.

— Что не так с Тремонттом?

— Слишком далёко от Чикаго. Изо всего, что с ним не так, могу вспомнить пока только это. Видите тот «кадиллак» прямо у входа?

Молли кивнула, взглянув через стекло.

— Как-нибудь у меня тоже такой будет, — сказал я. — Тогда Тремонтт перестанет быть таким далёким. А может, я и тачкой попроще удовольствуюсь.

Молли всё не сводила глаз с «кадиллака».

— Да уж, — проговорила она, — ехать на таком — это, должно быть, ого-го...

— Давай угоним.

— Вы шутите, Эд? — Она, конечно, тут же оторвалась от машины и воззрилась на меня. — Он что — ваш?

— Нет, но меня пускают за руль. Он принадлежит нашему клиенту; мы одолжили его для этого дела. Так что, если ваша Дороти не опоздает, мы сможем прокатиться. — Тут я понизил голос. — Шериф нам ничего не сделает: он сейчас на Дартаунской дороге.

С каким же изумлением она вытаращила глаза! А я ещё более понизил голос:

— Агентство Старлока всё видит, всё знает.

Тут к нашему столу подошёл мальчик, неся охапку книжек с картинками, и Молли отвлеклась, чтобы проштамповать их. Когда она покончила с этим занятием, я продолжал:

— Агентству Старлока известно даже, что ваш шериф терпеть не может частных детективов. Но раз он уехал к западу, мы поедem к востоку.

— Но Эд, меня же увидят. В городке наших размеров...

— Мы окажемся за городской чертой во мгновение ока.

— Но Эд, это... это...

— Это чудесно! — заверил я. — Чудный день, лёгкий ветерок, яркое солнышко, ягнята режутся на зелёном поле...

— Резвятся.

— То другие ягнята; я про тех, что сами пытаются остричь друг дружку. Листва деревьев кишит птичками, но мы подыдем верх у автомобиля, так что они нам не навредят. В самом деле, Молли, очень удачный момент для небольшой поездки по сельской местности. А вот и наша милая Дороти, так что скорее соглашайся.

— Где? — Молли попыталась заглянуть мне за спину — на улицу сквозь окно. — Не вижу...

— Пока нет, но будет здесь в любую минуту. Так что давай-ка договоримся заранее.

— Это слишком опасно, Эд. Нас непременно увидят. Я хочу...

— Вот и договорились. Только захоти — и всё будет сделано. А если ты действительно чего-то боишься, я сейчас выйду и отведу машину за угол, в переулок, там и подожду. Сам нацеплю фальшивые усы, «кадиллак» переkraшу в зелёную полоску, а его откидной верх натяну на самый бампер.

Тут я услышал, как открывается дверь, и обернулся; вернулась наша библиотекарша.

— Так за углом, — бросил я и удалился, не дав ей времени ответить. Ни одна женщина, подумал я, не допустит, чтобы разговор закончился, а последнее слово осталось не за ней.

Я отвёл «кадиллак» за угол и там припарковал его. Сидел, поглядывая в зеркало заднего вида; спустя три минуты я увидел приближение Молли.

Когда она подошла и села в машину, я завёл мотор и двинулся к югу.

— Это безумие, Эд, — вымолвила Молли. — Я не желаю принимать участия в таких делах.

— Так не считай это делом. Считай это удовольствием. Специально тебе никуда не нужно?

— Нет, никуда. Просто немного проедем — но только немного. К пяти мне следует быть дома. Хорошая сегодня погода, правда?

— Да, день удался. Смотри-ка, на том поле и в самом деле ягнята; а я думал, что это была шутка.

Я снизил скорость.

Так мы и тащились, пока не миновали ягнят. Повернув голову, я взглянул на Молли, поразился молочной белизне её кожи, вороновой черни волос, двум родинкам на носике — по одной с каждой стороны переносицы, нежному ротуку и мягкому овалу подбородка. «Самоконтроль, Эд!» — приказал я себе и перевёл взгляд на дорогу, пока ещё не съехал с неё; тут что-то внутри побудило меня вдавить педаль акселератора и поставить «кадиллак» на дыбы.

Я, конечно, делать этого не стал; вел я не спеша, мы молчали. Говорить было не о чем, да и незачем. Достаточно было того, что мы просто ехали ярким, тёплым полуднем, и Молли Кингмэн была рядом. Желать мне в те минуты было больше нечего; я позабыл самую причину, по которой оказался в Тремонте — как и тот факт, что не слишком прилежно выполняю свою работу; забыл все неприятности, связанные с её отцом и с кровью на Дартаунской дороге; забыл даже то, что «кадиллак» — вообще не моя машина. Я бы напрочь

забыл и про время, если бы Молли мне не напомнила.

А поскольку она предупредила, что должна быть дома к пяти, я вознамерился доставить её прямо к дому. Остановив машину, я сдал задним ходом к небольшой развилке между полями и повернул «кадиллак» носом к городу. И перед тем, как двинуться в обратный путь, я обнял Молли одной рукой и поцеловал. Один-единственный раз, а затем сразу тронулся с места, так и крутя руль оставшейся рукой, но со всей осторожностью, поскольку в голове у меня шумело.

Всю дорогу мы ехали молча, и только у самой городской черты Молли зашевелилась и отодвинулась от меня, едва не прижавшись к своей дверце. При въезде в город она сказала:

— Ещё четыре квартала, и там высади меня на углу. Оттуда я пойду пешком.

— Так я тебя и дальше...

— Нет. Пожалуйста. И это в последний раз мы так делаем.

— В следующий раз, — сказал я, — мы сделаем ещё лучше.

— Следующего раза...

— Будет, — твёрдо сказал я. В этом-то я был уверен, но вот когда это будет... Ибо, во-первых, я и так уже здорово отвлёкся от той работы, которую мне поручило агентство, а к тому же впереди меня ждало столько встреч, что я сейчас я никак не мог назначить свидание. — Я ведь отыщу в телефонной книге твой телефон — под именем Джека Кингмэна?

— Да, но...

— Тогда — тсс. Не испорти прекрасного вечера.

Я остановил машину в указанном месте. Едва машина успела остановиться, как Молли раскрыла дверцу и выпрыгнула наружу.

— Пока, Эд, — бросила она через плечо, устремляясь прочь.

— Стой, Молли, — крикнул я ей вслед и рванулся схватить её рукой. Но было поздно. Она уже бежала к боковой улочке.

Я смотрел, как она исчезает, затем направил «кадиллак» к своей гостинице. Как я вёл машину, не помню; всё происходило словно бы без моего умственного участия.

Миссис Бемис всё ещё работала, когда я к половине седьмого зашёл к ней в редакцию.

— А, Эд; возьми вот, прочти пока и не мешай мне, — сказала она и протянула мне две странички корректурных оттисков.

Но я успел пробежать глазами лишь часть первой странички — там рассказывалось о том, как в золе сарая О'Хары был найден скелет Фоули Армстронга, — когда миссис Бемисс вынудила меня оторваться.

— Не так быстро. Прочти внимательно; знай, что я просидела над этой статьёй с обеда. Так что укажи мне, если я выпустила что-либо из виду.

— Да пробелов тут тьма, — ответил я ей. — Ведь тут начинается с середины событий.

— Это, юноша, не первополосная часть. Газета пойдёт в печать только завтра вечером; к тому времени для первой полосы у меня будут результаты разбирательства, если между ним и временем сдачи в типографию не произойдёт ничего важного. Как тебе желательнее — чтобы твоё имя не упоминалось, либо же наоборот?

До сей минуты я об этом ещё и не думал.

— Полагаю, это не имеет значения, — отвечал я, — в том, что касается Тремонта. Кто я и чем тут занимаюсь, здесь известно каждому. И поскольку ни моего клиента по этому делу, ни лицо, заинтересованное в инвестициях, это не заботит, — то и значения не имеет. Но эту историю подхватят чикагские газеты, и Старлок не будет в восторге от того, что на одного из его сотрудников потрачено столько чернил за что-то постороннее.

— Я так и думала, а потому затёрла тебя. Полностью держать тебя в стороне будет непросто, поскольку на разбирательстве тебе предстоит дать показания, и это только с твоих слов известно, что тело сперва видели на Дартаунской дороге. Но вот тебе синопсис от той минуты, как я рассказываю об обнаружении тела в золе сгоревшего сарая; проверь, точно ли способ моего изложения избавит тебя от неприятностей в Чикаго.

Я начал читать заново, на этот раз более внимательно. Миссис Бемисс здорово потрудилась, стараясь умалить мою роль и при этом не скатиться до очевидного искажения событий. Тело было обнаружено Эдвардом Хантером, номер 914 по Мэйн-стрит в Тремонте, который направлялся на встречу со Стивеном Эмори, почтовый ящик номер 28 по Дартаунской дороге. Хантер уведомил шерифа немедленно по прибытии к Эмори.

— Отлично, — проговорил я, дочитав до этого места. — Имя ничего не скажет чикагским газетчикам, если они не прознают, что я сотрудник Старлока.

— И всё ради твоих красивых глаз да твоего дядюшки Эма. А какой бы получился репортаж, поведай я о тебе во всех подробностях, вместо того чтобы ограничиться лишь именем да временным адресом! Уж чикагским газетчикам и в голову не придёт, что ты не из Тремонта. Как насчёт выпить?

— Здесь?

— Нет, конечно. Суй эти оттиски в карман, и пошли. Хочу отсюда убраться. Завтра я на всю ночь здесь засяду.

Я проследовал за ней к двери; подождав, пока она её запрёт, я подвёл миссис Бемисс к «кадиллаку».

— А я полагала, что ты из честных граждан, — сказала мне миссис Бемисс.

— Утешьтесь, — ответил я. — Это не мой. Я его угнал. Так куда ехать?

— Раз десять взад-вперёд по главной улице, пока нас не рассмотрит каждый житель городка, — сказала она, когда мы сели в машину. — Да не забудь дудеть в рожок. А затем остановись на другой стороне улицы, и мы зайдём выпить. Это в полуквартале, где надпись «Шлитц».

Мэйн-стрит была широка, и даже такая машина как «кадиллак» могла беспрепятственно на ней развернуться. Я развернулся, подъехал к тротуару перед указанным кабачком, и мы вошли внутрь. Местечко было милым, опрятным, каким-то домашним. Здесь имелись кабинки с белыми скатертями на столиках; мы сели за один из них.

— Так, Эд, чего тебе заказать? — спросила миссис Бемисс.

— Да чего и вам, — ответил я, пожав плечами, — за исключением цианида и клубничной колы.

Буфетчик наблюдал за нами из-за своей стойки; миссис Бемисс велела ему принести нам по мартини. Затем вновь взглянула на меня и тут же, закатив глаза, вздохнула.

— Спустись, Эд, на землю. Когда мы работали на ярмарках, то пили кукурузную водку из трёхлитровиков. Да так что от ободка банки на переносице появлялся мозоль, вроде как ты очки носишь. А теперь вот — мартини пьём...

— И на «кадиллаках» ездим.

— И корсеты носим. Я, то есть, не ты. Машина Жюстины?

Я кивнул.

— Вы её знаете?

— Немного. Славная девочка, мне она по душе. Умно поступила, смотавшись из Тремонта. Всякий поступит умно, если смотается из Тремонта. Кроме меня. Мне он по нраву, ведь у меня имеется для него стрекало.

— Вы имеете в виду газету?

— Да; любого могу приструнить. И уж я не откажусь. Меня здесь каждый боится.

— Я не боюсь.

— Ещё как боялся бы, если бы жил здесь. Закончил с корректурой?

Я вынул корректурные оттиски из кармана и вновь погрузился в чтение, на этот раз ещё более прилежное. Буфетчик подал нам мартини, и миссис Бемисс меня спросила:

— Любишь свиные отбивные?

— Конечно. Здесь отужинаем?

— Разумеется, нет. У меня; это на окраине. Я сказала — отбивные, поскольку они мигом жарятся, когда дома требуется чего-то сготовить. Проголодался?

— Святой Боже, — воскликнул я, — вот, оказывается, что со мной! Я был так занят, что позабыл про обед. Одним только завтраком и держусь.

— Так не будем здесь прохлаждаться. Почему не читаешь корректуру?

— Потому что вы отвлекаете.

— А ты вели мне помолчать.

— Помолчите, — сказал я.

— Ишь, чего захотел. На какой ярмарке вы с Эмом потом подвизались, и чем он занимался с тех пор?

Я вновь сунул оттиски в карман; лучше уж прочту, пока она будет жарить отбивные. Я рассказал ей о последней ярмарке и о том, как у нас шли дела после; одновременно мы приняли ещё по мартини на брата.

Затем мы отправились к ней, в уютный маленький коттедж у северной окраины

городка. Там миссис Бемисс надела передник и, перед тем как усадить меня в гостиной ждать ужина, велела мне снять пиджак и чувствовать себя как дома.

Я уже прочёл первый корректурный лист до половины — в третий раз! — когда миссис Бемисс появилась в дверях.

— Эд, а чем это ты был так занят после полудня, когда расстался с Джеком Кингмэном, что даже пожрать забыл?

— На этот вопрос, — сказал я, — отвечу либо за ужином, либо после. Если отвечу сейчас, у вас появятся ещё вопросы, и эту корректуру я так и не прочту.

Она фыркнула и вновь исчезла в кухне, а спустя пару минут я сам начал пофыркивать, ибо запах жаркого зашекотал мне ноздри. Желудок же мой принялся переваривать позвоночник, ибо жарящиеся отбивные пахли лучше, чем «Шанель номер пять» или «Нюи де Пари».

Тут миссис Бемисс вновь появилась в дверях.

— Я, Эд, кое-что придумала.

— Расскажите за едой, а то я так и не прочту корректуру.

— Какое-то у тебя, Эд, прямолинейное мышление.

Я не ответил, но продолжал читать, пуская при этом слюни от аромата жаркого. Миссис Бемисс ушла на кухню. Всего на пару минут, ибо вернулась не задержавшись.

— Ты, надеюсь, не против поесть на кухне? Если нет, то и чёрт с тобой. Отправляйся в город и ужинай в ресторане.

— Хоть в угольной яме, — ответил я. К этой минуте чтение я закончил. — Сейчас схвачу тарелку, залезу на крышу и укурюсь за дымовой трубой. Или спрячусь под кустом во двореке, чтобы хоть сковородку облизать.

— Неужто ты так голоден?

— Начну отвечать, так всё слюной забрызгаю.

— Идём; жратва на столе.

Я принудил себя прошеествовать на кухню степенно, а там даже придержал для миссис Бемисс стул, прежде чем сам уселся за стол, крытый красной скатертью в клетку, на которой стояли блюдо с жареными отбивными и большая тарелка, полная картофельного пюре, — и это помимо прочего.

Проглотить первую отбивную я опять-таки постарался торжественно, поскольку затем мне нужно было сделать миссис Бемисс предложение. Я сказал ей:

— Миссис Бемисс, вы меня не жените? — и потянулся за второй отбивной.

— Обязательно, только перестань называть меня миссис Бемисс, а зови Каролиной.

— Вот женюсь на вас, так и не будете больше миссис Бемисс, — возразил я и сразу же откусил от второй отбивной, а она была и сочнее и поджаристей, чем первая.

— Счастлив твой Бог, что здесь нет свидетелей. Только вдруг они всё же имеются? Вдруг у меня в буфете спрятан диктофон?

— Неужто правда?

— Нет, чёрт возьми. Эд, всё же чем ты был занят с обеда, после того как вы расстались с Джеком Кингмэном?

— Влюблялся.

— Не глупи. Допустим, ты ещё не был голоден. Но не мог же ты знать, что будешь подкрепляться у меня отбивными.

— Сейчас я и не глуплю. Вот тогда, возможно, глупил. Ведь я, Каролина, и вправду

влюбился. Но не в вас.

— Ты что, Эд, серьёзно? Постой-ка... Жюстина, что ли, в город наехала?

Я покачал головой. Иначе ответить я не мог, поскольку вновь откусил от отбивной.

— Жюстина... она, понятно, несколькими годами старше тебя, — размышляла миссис Бемисс, — но ты водишь её «кадиллак»; что бы это значило?

— «А что бы это значило для вас? — ехидно спросил он».

От моих слов она прыснула со смеху, у меня же появилось время проглотить ещё кусок.

— Это, Эд, у тебя здорово выходит, — сказала миссис Бемисс. — Язычок у тебя, как и у твоего дядюшки, а вот выглядишь ты получше, чем он даже в лучшие дни. И всё же — чем ты занимался...

— Я кроме шуток ответил.

— Так расскажи в подробностях. Наверно, какая-то тремонтовская девчонка. Кто же?

— Я опубликую в «Представителе» объявление о помолвке — где и когда. А до той поры — секрет. Кстати, у меня же для вас уже есть одно объявление. Каковы мои коммисионные?

— Ещё одна отбивная.

— Более чем достаточно. — И я повторил моей хозяйке объявление насчёт сторожевой собаки, о которой мечтала миссис Джеб О'Хара.

— Прекрасно, на этой неделе оно выйдет. Но про эту девушку; не расскажешь ли, кто такая?

— Нет, даже за ещё одну порцию отбивной, если бы у вас оставалось, а у вас больше нет. Вот предложи вы мне эту цену с самого начала, когда я был голоден, я бы вам, возможно, и сказал.

— Будешь по-прежнему наезжать в Тремонт, и всё выяснится.

— Верно, — согласился я, — но тогда и я не стану от вас скрывать. Кстати, теперь, когда живот у меня набит, — что за мысль вас посетила, которую я не пожелал слушать, пока читал корректуру?

— Давай позвоним Эму Хантеру, узнаем — свободен ли он, и если да, то махнём на твоём «кадиллаке» в Чикаго в ночной клуб. Я уже пятнадцать лет не была в Чикаго в ночном клубе.

— Чудесная идея, — согласился я, — за исключением того, что я всё-таки на работе. И на девять у меня назначена встреча. То самое интервью, за которым я сюда приехал, — и вот уже подходит к концу второй день моего пребывания здесь, а я ещё и не приступал.

— Всегда существует завтра.

— Но завтра — разбирательство, помимо всего прочего. Кстати, время уже известно?

— Не мне.

— Тем более причин увидеться с Эмори сегодня, — сказал я. — Если я позвоню ему и перенесу встречу, то не смогу даже назначить определённого часа.

— Жаль; хорошая была мысль. Ну, что, — пирог с черникой?

— Я всё-таки к вам посватаюсь.

Мы поели пирога с черникой, выпили по чашке кофе, выкурили по сигарете, и я почувствовал, что насытился.

— А теперь — посуда! — воскликнул я.

— Совершенно исключено, Эд. Уже восемь, и у тебя в запасе меньше часа. Остайся ты на весь вечер, я бы ещё позволила тебе вытирать тарелки. Но раз ты собираешься в дорогу,

так и я до твоего ухода не стану их трогать. Правда, позволю тебе приготовить нам выпить, пока мы ещё на кухне.

Я отыскал подходящие вещества в буфете и в холодильнике и смешал прохладительного на пару высоких стаканов. Прихватив их с собой, мы перешли в гостиную.

— Теперь насчёт корректуры, — сказала миссис Бемисс.

— Вы, Каролина, прекрасный репортёр. Старый перелом, обнаруженный доктором Корделлом, был у Армстронга на левой руке, а не на правой. Ещё одна неточность. Вы пишете, что Джебу вовремя удалось выпустить свой скот из сарая, но скот — три коровы, если быть точным, — уже находился снаружи, когда подоспел Джеб. Это — одно из доказательств того, что имел место поджог.

— И, в таком случае, Эд, я бы сказала — в деле замешан человек.

— Да, насколько вполне по-человечески он перегрыз Фоули Армстронгу горло собственными зубами.

— Верно... — ответила миссис Бемисс. — Не приходило ли тебе в голову, что лишь один человек... ну, два, выражаясь технически, могли иметь причины, помимо любви к животным, чтобы выпустить скот из Джебова сарая?

Я об этом ещё не думал, но обмозговал эту мысль.

— Вы имеете в виду Джеба или его жену?

— Или Джеба вместе с его женой, если они сделали это вдвоём. Предположим, что по тем или иным причинам они убили Фоули, либо один из них...

— Не могу себе этого представить, — признался я. В этот момент я действительно представил себе миссис О'Хару в смешном образе: с длинными косичками наподобие свиных хвостиков, торчащих по бокам над ушами, она бросилась на четвереньках к какому-то человеку у обочины и впиалась ему в горло.

— Назови кого-то, кого ты можешь представить, — потребовала миссис Бемисс.

— Шериф Кингмэн, — ответил я, но тут же понял, что не способен и его вообразить в подобной роли. Вовсе не волчьего он был типа. «Бык-оборотень» — другое дело: с парой рогов на башке, роющего землю своей лапицей словно копытом и затем бросающегося на человека с желанием забодать.

Я рассказал об этом Каролине, та посмеялась, но вновь стала серьёзной.

— Давай, Эд, без шуток. Это всё-таки убийство. И для меня это важно, поскольку, во-первых, я выпускаю здесь газету, для которой это будет просто грандиозный репортаж, если к тому же убийство раскроют, и во-вторых, поскольку я лично знала Фоули Армстронга и уважала его. Он того заслуживал.

— Примите соболезнования, — отозвался я. — Так вернёмся же к О'Харе — хотя бы ради его исключения. Когда сгорел его сарай, он потерял круглую сумму. Сарай был застрахован, но потери страховка не покрывает; вы, как я заметил, сами указали на это в статье.

— Это ещё не позволяет его совершенно исключить, Эд. Предположим — просто чтобы не успокаиваться, — что он убил Фоули. Тогда для него же лучше, ясно как дважды два, потерпеть убыток от сгоревшего сарая, чем от гораздо худших последствий.

— То есть, он подстерёг Фоули на Дартаунской дороге и затем перенести его в свой собственный сарай? А почему не в чей-то чужой? Есть ведь и другие сараи, и даже ближе. Зачем ему привлекать внимание к себе самому?

— А помнишь, Эд, то объявление? Почти у всех в округе, кроме О'Хары, есть собака.

Кроме Стивена Эмори, а О'Хара не мог надеяться подставить Эмори, поскольку тот частенько работал по ночам; ему что час ночи, что час дня — всё едино, если приспичит поработать над своими идеями. А в сарае у него тоже есть мастерская — то есть, сарай там был до того, пока не превратился в мастерскую. Я, Эд, навестила сегодня после обеда контору местного землемера и взглянула на план той части округа. В радиусе мили от того места, где ты нашёл труп, имеется пять сараев. Вокруг трёх из них рыскают сторожевые псы — за исключением Эмори и О'Хары. Если исключить Эмори по той причине, которую я только что назвала, то остаётся только сарай Джеба. Убийца почти не имел выбора. И если, скажем, тем убийцей был Джеб, перед ним вставала та же самая трудность, что и перед всяким, и она толкнула его на тот же выбор по той же причине.

— Вам бы, Каролина, детективом работать, — сказал я. — Но готовите вы лучше.

— Не глупи. Всякий сможет зажарить отбивную.

— Я не смогу. Ещё не входило в мои обязанности. Моя единственная задача — выяснить, выгодно ли Жюстине Хаберман вкладывать средства в опытную радиоустановку Стивена Эмори. И я всё ещё думаю, что лучше ей было послать туда радиоинженера. Но это её деньги; она сама решила потратить их на сотрудника из агентства Старлока.

— Я тоже так подумала, ты ещё и сказать не успел. Слушай, недотёпа, а тебе не приходило в голову, что эти две вещи могут быть связаны?

— Я пытался увязать их, но они не увязываются. Если только это не один из тех марсиан, с которыми, как полагают, Эмори вошёл в контакт, спустился с небес и совершил убийство. Нам ведь неизвестно, какие там у марсиан зубки.

— Ну-ка, сделай ещё по мартини.

Я отправился на кухню, приготовил нам ещё по стакану и вернулся. С часов, чтобы не опоздать на встречу с Эмори, я глаз не спускал.

— А как насчёт Бака Барнетта? — предположил я. — Я видел его лишь раз, на расстоянии, но из того немногого, что мне рассказывали, я бы сказал, что его первого в округе можно назвать ненормальным — если уж продолжать держаться за мысль, что наш убийца — именно ненормальный.

Перед тем как ответить, миссис Бемисс глотнула из своего стакана.

— Нет, Эд, я уверена в обратном. Бак, возможно, и простоват, но у него нет склонности к помешательству. Я разговаривала с ним, и я за него ручаюсь. Помешательство происходит в основном со сложными натурами, простым это не дано. Я завидую Баку.

— Завидуете? Как так?

— Потому что он имеет всё, чего желает; он доволен. Ему нравится заниматься сельским трудом, нравится жить одному — всё общество, которое ему нужно, так это его собака, которой он предан по-собачьи. Он вовсе не человеконенавистник, просто не ищет другого общества и не нуждается в нём. Со всеми он на дружеской ноге, но никому не навязывается — он не нуждается в человеческой дружбе. Если мне знаком человек, у которого есть всё, чего он желает в жизни, то это Бак.

— С братом у него нормальные отношения? Мне кажется, что Рэнди с ним дружен: когда я сказал, что нашёл на дороге тело, Рэнди на минуту обеспокоился, не Бак ли это, поскольку там его дом рядом.

— Да, братья дружны. Хотя Бак, мне кажется, и без брата будет счастлив. Когда Рэнди некоторое время сидел в тюрьме, Бак по нему не убивался.

Тут миссис Бемисс со значением наклонилась ко мне.

— Да, Эд, подобные ему люди счастливы. Мы полагаем сами себя людьми мыслящими, но только потому, видите ли, что у нас потребности высоки. Временами нам удаётся их удовлетворить, а временами — нет. Но если бы у нас не было никаких нужд, вот тогда мы были бы довольны.

— Думаю, что понимаю вашу мысль.

— Ты сам-то доволен, Эд Хантер?

— Так что... нет.

— На этом «так что» тебе даже не стоило пробуксовывать; сам это знаешь. Мы чересчур высокоразвитые и довольствоваться тем, что имеем, не в состоянии. Вот такие-то, вроде тебя, и способны спятить, не то что Бак и ему подобные.

— И люди вроде вас, — добавил я.

— Я уже спятившая. Всякий, кто покупает многотиражку маленького городка, — спятил. Это значит, что спятила я уже ох как давно.

— Но вам это по вкусу.

— Временами. Но вернёмся убийству. Если правда, что совершивший его был ненормальным, то Бака мы можем смело исключить. Но тогда, значит, у нас остаются двое под подозрением, оба из того околотка. Вот почему я и говорю, что твоя работа на Жюстину вовсе даже не мешает твоей работе на «Тремонтковского представителя».

— Моя работа на «Представителя»? И какова же оплата?

— Оплата будет в отбивных. И не забудь, что я велела тебе раскрыть это убийство завтра к вечеру, иначе от него будет мало проку. В субботу утром нас выбросят на улицу.

Я хмыкнул.

— А что, все городские многотиражки выдают зарплату в отбивных?

— Только хорошие, как моя. Плохие издатели — сачки; зарплату их газеты выдают сачками для ловли бабочек. Завтра «Представитель» превратится в плохую газету.

Я попытался вообразить, как это произойдёт, но не смог.

— Переведите мне.

— Мне бы хотелось, чтобы завтра мы вновь поужинали вдвоём, поскольку сегодня ты слишком спешишь. Но пятница — день сдачи номера в печать, я ужинаю в городе — у Чарли, где мы пили мартини. Там у них отличные шуки; обычно Чарли самолично их ловит, и они тают во рту. Так как насчёт шуки со мной завтра на ужин?

— Дам знать к обеду, — ответил я. — Пойдёт? Откуда я знаю — не придётся ли заняться чем-то ещё; так же не исключено, что в тот час я уже буду на пути в Чикаго.

— Лучше бы это случилось после того, как ты раскроешь для меня убийство. Ну, хорошо; дай мне знать к шести, чтобы я смогла позвонить Чарли и заказать одну шуку либо две.

— Если я не раскрою для вас убийства, то шуки за мной. В качестве отступного.

— Ладно, только перестань ежесекундно посматривать на часы. Сейчас всего лишь восемь двадцать, а дорога до Эмори у тебя займёт четверть часа по сельской местности. Сообразишь ещё по стакану?

Я отправился на кухню и сообразил; себе на этот раз — послабее, поскольку хотел поговорить с Эмори трезвым. Это дело, и лишь оно одно, меня не на шутку тревожило; я уже два дня как был отправлен с заданием, а не предпринял ещё и самого первого шага.

Принеся выпивку в гостиную и подав миссис Бемисс её стакан, я перешёл к делу.

— Пару минут назад, — сказал я, — когда вы заверили меня, что Бак Барнетт — не

оборотень, вы сказали, что с уверенностью можно указать на ещё двух обитателей округи. Вы имели в виду Рэнди Барнетта и Стивена Эмори, я так полагаю. Верно?

— Верно. Не то что бы у меня был малейший резон подозревать кого бы то ни было из них в безумии, но они чувствительные, сложные натуры — мы уже говорили о таких, — из тех, что вполне способны сойти с ума, и порой сходят-таки.

— Кто же из них, по-вашему?

— Эмори, несомненно, натура более тонкая. А потому и более сложная. Не гений, скорее всего, но налёт гениальности на нём есть. А гении сродни ненормальным. С этих позиций он для меня предпочтительнее. Но я не думаю, что это он.

— Почему?

— Потому что Рэнди также непрост. Что он и Бак — сыновья одних и тех же родителей, пусть даже с разницей в пять лет, — это у меня вообще в голове не укладывается. Рэнди мозговит, но при всех способностях его хватает лишь на то, чтобы работать на Эмори. Может быть, у него комплекс неполноценности. У тебя, Эд, есть комплекс неполноценности?

— Вы, Каролина, напились, — ответил я. — Не будем сбиваться с темы и оставим меня в стороне. Что заставляет вас думать, будто у Рэнди Барнетта комплекс неполноценности?

— Тот факт, что он украл у Эмори деньги. Тогда Эмори посадил его за это в тюрьму, а затем передумал и с ног сбился, вытаскивая его назад, чтобы снова принять на работу — просто потому, что смягчился сердцем. Это и против Эмори кое-что говорит.

— Смягчиться сердцем — всё же лучше, чем задубеть сосудами, — ответил я. — Каким образом это говорит против Эмори?

— Я не говорю, что против него как личности. Я имела в виду, что такой поворот в мыслях не указывает на умственную стабильность. А ведь мы ищем кого-то, кто психически нестабилен. А потому способен перейти черту, отделяющую от ликантропии.

— Так вы думаете, Эмори способен?

— Нет, не думаю. Не думаю, что и Рэнди Барнетт способен, но всё же некая нестабильность тут должна присутствовать; вынудило же его что-то решиться на кражу денег.

— А может, Эмори убедился, что зря взвалил на Рэнди вину за пропажу? Может, имела место отмена приговора?

— Нет, ведь Рэнди признался в содеянном. Даже и погода не стал себя выгораживать. Сперва он заявил, что Эмори украл и запатентовал его собственную идею, но затем отказался от этого заявления и просто подтвердил, что умышленно взял деньги и не желает оправдываться.

Я отставил пустой стакан.

— Мне пора, Каролина. Уже почти четверть. Но этот пункт я для вас проясню. Рэнди — не наш ликантроп.

— Почему?

— Потому что после того, как я сначала увидел убийцу в том фруктовом саду, а затем — труп на дороге, я поспешил напрямик к дому Эмори, причём едва ли не бегом. Подойдя к дому, я совсем запыхался. А Рэнди встретил меня в дверях, ничуть не разгорячённый. Не мог он пронестись полями, чтобы опередить меня, и при этом совсем не вспотеть. Это не Рэнди я видел под деревьями.

— Так, может, Эмори? Был он дома?

— Нет, он отсутствовал. Появился минут через десять после того, как я пришёл. Не то чтобы от этого у него появляется время доставить тело в сарай О'Хары, пусть и на машине, но убрать труп с дороги и сделать это позднее он мог.

— Насчёт Рэнди ты уверен? — В голосе миссис Бемисс звучало сомнение.

— Да, — заверил я. — Я двадцатью годами моложе его; не мог он обогнать меня на дистанции до дома Эмори, и чтобы по нему этого не было видно. А вот вы уверены, что Бак Барнетт не мог взбеситься и кого-то убить?

— Так же, как и во всём остальном, Эд. Он счастлив, он доволен; он имеет всё, что ему нужно. Такие люди — особенно с его умственным развитием — просто не в состоянии сойти с ума.

— Тогда, — сказал я, — остаётся Стивен Эмори. Через четверть часа мы с ним увидимся. Я спрошу его, не доводилось ли ему перегрызть людям глоток.

Я отнюдь не спешил, ведя машину; опоздаю на несколько минут — так тому и быть. Мне требовалось время подумать, привести мысли в порядок после нашего с миссис Бемисс разговора, после обсуждения этого убийства.

Следовало сказать самому себе: смерть Фоули Армстронга — это одно, а эксперименты Эмори с радио — другое. Никакой связи между ними, скорее всего, нет, и нужно выкинуть из головы оборотней, сожжённые сараи и разорванные глотки, а сосредоточиться на порученной мне работе.

Я повернул ручку на приборной панели — включил радио: немного музыки, подумалось мне, облегчит мысли. Мне повезло: не настраиваясь специально, я сразу же попал на станцию из Чикаго, передающую музыку в записи, и в эту самую минуту в эфире звучала старая версия Томми Дорсэя песни «Дымом заволакивает глаза». Я прослушал, как диктор объявляет эту песню, но всё равно узнал пластинку. Она была из моих любимых. Тромбон Томми прорезал мелодию как нож, проходящий сквозь масло, — мягкий, словно лунный свет, и нежный как патока, как мёд сладкий. Затем труба брала пронзительный рифф собственной музыкальной фразы, как бы в насмешку над глупой мелодией, да и над всей композицией пьесы — и затем вновь тромбон, поверх всего ансамбля, — запрыгал, как плоский камешек по водной глади, изливая золотую сладость из своего золотого раструба, и как дымом заволокло глаза. Только гениальный музыкант мог так сыграть на тромбоне. И чтобы по-настоящему оценить такую игру, нужно сперва самому попытаться подудеть в тромбон и понять, как пришлось некогда мне, что больше чем до посредственности вам никогда не взрасти. И всё же я предпочёл бы лучше играть на тромбоне как Томми, чем стать президентом.

Затем диктор объявил: «Но кофе ‘Хегельман’ — вот где богатство вкуса; да-да, вкус у него ещё богаче!» — и я повернул ручку приёмника в другую сторону, выключил радио.

Свернув на Дартаунскую дорогу, я, можно сказать, вёл машину совершенно машинально. Мне ли было не знать этой дороги, каждый поворот на ней! Честное слово — как свои пять пальцев, хоть я и не сроднился с ней в той же мере.

Минуя фруктовый сад, я пустил машину на малых оборотах и уставился в темень под кронами. Но никакого овала, напоминавшего человеческое — или нечеловеческое — лицо, я теперь не увидел. Не услышал и звериного рыка, хотя мотор машины, что несла меня в себе, не заглушил бы и шуршания ползущей в кювете змеи. На повороте я и сам чуть не влетел в кювет.

Помню, я ещё подумал тогда, как необычно коротка эта последняя четверть мили (от того места, где я нашёл труп, до жилища Эмори), если едешь в «кадиллаке», в сравнении с тем, какой долгой она мне показалась, когда я спешил по ней в лунном свете без нескольких минут сутки назад — сутки ли? не месяц?! Передняя дверь дома Эмори испускала свет, а вот фонарь над его крыльцом на этот раз не горел. Въехав на подъездную дорожку, я заметил какого-то человека, покуривающего сидя на ступеньках крыльца. Им оказался Рэнди Барнетт. «Привет», — бросил я ему и спросил, дома ли Эмори.

Рэнди ответил, что дома; при этом он издал отрывистый смешок.

— Боюсь, от него вам сегодня будет мало толку — он слегка под газом.

Это неприятно меня поразило. Правда, в тот единственный раз, когда мы виделись с

Эмори, он и мне предложил вина, и сам немного выпил, но пьющим он мне не показался. Не из тех был, судя по виду.

Рэнди, должно быть, угадал, о чём я думаю.

— Да Стив не пьяница; большей частью трезвенник. Ну, кирнём малость после обеда; да изредка он примет на грудь. Не чаще раза в месяц.

Я уселся на ступеньки пониже Рэнди и тоже раскурил сигарету.

— Сидишь тут, — проговорил Рэнди, — так и самому выпить захочется. У вас в машине нет, случайно, бутылки того-сего?

Я ответил, что, к несчастью...

— Но послушай, — удивился я. — Он что, с тобой не поделится?

— О, да, — проговорил он, — вино. Вишнёвка. Стаканчик я ещё мог бы пропустить, но если пить её, чтобы тебя пробрало, так раньше, пожалуй, и сблюёшь. — Тут Рэнди слегка поёжился и добавил с некоторым сожалением: — А другого в доме не держим — чтобы выпить. Кроме этой гадости ничего больше не имеется.

Я его понимал, но не стал комментировать — не моё это дело.

— Не то чтобы и я сам был пьяницей, поймите, — продолжал Рэнди. — Время от времени на человека находит такая потребность. Сегодня, пожалуй, и я ухитрюсь. Быть мне пьяным в драбадан.

Эта мысль, похоже, уже засела у него в голове: по его тону это было даже скорее видать, нежели по речам. А не поругались ли они, часом, с Эмори, раз он сидит тут один, на ступенях крыльца?

Я спросил, стараясь не выказывать особого интереса:

— А что там с этой историей про радиоприёмник? Получилось у Эмори нечто стоящее?

— Не знаю, — был ответ. — Честно, не знаю. Я ведь техник, да и то так себе. Я не теоретик. Нарисуете мне чертёж, и я сварганю вам прибор, но сказать по чертежу, будет он работать или нет — не скажу. Моя задача — сделать и испытать.

— Значит, он... то есть, вы — сделали прибор согласно некоей схеме, которую он вам набросал?

— Именно. Такой, знаете ли, маломощный.

— А он работает или не работает?

— А на этот вопрос ответить трудновато. Да, он работает. Но состоит он из двух частей — передатчика и приёмника. И весь вопрос в том, как он будет работать в крупногабаритном исполнении — лампы в человеческий рост в передатчике да малое расстояние — то есть, передатчик и приёмник рядышком. А вдруг то, что работает, когда оно высотой в три фута, будет ни на что не годным, если увеличить его размеры до тридцати миль в высоту!

— А каково ваше мнение?

— Да не знаю я. Говорю же, я не теоретик.

— Так вот, значит, на что ему нужны деньги, — собрать и опробовать установку в натуральную величину.

— Не в натуральную величину; строить радиопередающую станцию нам ни к чему. Всего лишь устройство побольше того, что у нас сейчас. И чтобы провести настоящие испытания, потребуется от трёх до пяти тысяч долларов. Столько он, вероятно, и пытается получить от Жюстины?

— Да. Пять тысяч. Ваше мнение пристрастно, или его всё же принять в расчёт, когда

буду отчитываться перед Жюстиной, стоящее ли это для неё вложение?

— Мне кажется, я не слишком пристрастен. Потому что мне на этот вопрос не ответить. Я не знаю ответа.

— Ну, ладно, а вот если бы у вас было пять тысяч долларов, вы бы их вложили?

— Ну, это просто. Будь у меня только лишь эти пять тысяч долларов, чёрта с два я бы их вложил. Будь у меня пятьсот тысяч долларов, я бы ещё подумал. Вот и судите; когда дело идёт о таких вещах, есть лишь один шанс из десяти, что нам светит какая-то коммерческая выгода. Но коли она есть, то уж не маленькая. Пять тысяч долларов взносу принесут сто тысяч или поболее.

— Вы хотите сказать — один шанс коммерческой выгоды из десяти, даже если установка заработает?

— Да, то самое. И есть, знаете ли, вероятность, что заработает. Верная, я бы сказал, вероятность.

— Благодарю вас, — произнёс я, вставая. Взойдя на крыльцо, я постучал в дверь. За моей спиной Рэнди ответил: «Входите уж», — но я постучал вновь, и теперь уже раздался голос Эмори: «Войдите».

Я вошёл. Эмори сидел на диване, держа в руке стакан, уж опустевший. Он смотрел широко, по-совиному, раскрытыми глазами, и лицо его несло то выражение, которое появляется, когда вы напиваетесь.

— Привет, Хантер, — сказал Эмори. — То есть, Эд. Привет, Эд. — Говорить он говорил чётко, только медленно и с преувеличенной артикуляцией. — Садись. Пить будешь? — Я бы не отказался от рюмки вишнёвки, но понимал, что если я выпью, он выпьет со мной, и тогда, не исключено, та грань, что отделяла его от беспамятства, будет пересечена.

Я собирался закрыть за собой дверь, но Эмори предупредил меня.

— Пусть будет открыта. Здесь душно. Так как насчёт выпить?

— Нет, благодарю, — ответил я, и поскольку мне не хотелось выглядеть святошей, я объяснил, что мы с миссис Бемисс уже выпили, и больше мне пока не требуется.

Эмори удовлетворённо кивнул, а затем позвал:

— Эй, Рэнди, не надыхался ещё свежим воздухом?

Рэнди ответил с крыльца:

— Буду, Стив, буду через минуту.

Я уселся лицом к Эмори в удобно выглядевшее мягкое кресло и задумался над тем, с чего начать. Не кстати ли это, что Эмори так сильно выпил? — в таком состоянии люди охотнее выбалтывают правду, чем когда они трезвые. И всё-таки мне это не нравилось. Я не о себе заботился, но о нём. Эмори был яркой личностью, что-то мне об этом говорило. Заработает это его нынешнее изобретение или не заработает, а человек он всё равно незаурядный; и это так грустно — видеть думающего человека напившимся, ведь при этом вы чувствуете, что нечто, значит, гложет его изнутри. Есть люди, которые напиваются лишь оттого, что они любят напиваться; но Эмори не принадлежал к такому типу.

— Прости, Эд, — сказал он мне. — Понимаю, что мне следовало оставаться трезвым и поговорить с тобой. Но ты, наверно, знаешь, как это бывает; время от времени на человека что-то как наваливается. Вот и на меня навалилось. И знаешь, какое оно большое? В тысячу триста раз больше Земли.

От дверей донеслось:

— Дурак ты, Стив.

Я взглянул туда — там стоял Рэнди, сверля взглядом Эмори. Последний нетерпеливо махнул рукой:

— Мелок ты, Рэнди. Нет у тебя ни видения, ни воображения.

— Ты же хочешь выторговать себе пять тысяч долларов, — отозвался Рэнди. — Но это — твои похороны. Я же просил тебя не напиваться сегодня.

Пытался ли он предупредить хозяйскую болтовню в моём присутствии? Под его взглядом Эмори насупился.

— Не учи меня жизни. Утихни.

Рэнди посмотрел на него долгим взглядом, после чего повторил — «Твои похороны, Стив», — и вновь вышел на крыльцо. Дверь за собой он закрыл, словно бы не желая больше слушать.

Эмори перевёл взгляд на меня; его глаза с трудом фокусировались.

— Так тебе не хочется выпить? — спросил он.

— Нет, спасибо, — ответил я. — Но о чём таком Рэнди хотел помешать вам рассказать?

— Ни о чём таком. Мне нужно, чтобы Жюстина вложила эти пять тысяч долларов, но я хочу также, чтобы она знала правду. Не вложит — и не надо; я сам смогу достать эти деньги. Я могу их занять. Так и скажи Жюстине: он сам может их раздобыть. У меня отложены несколько долговых обязательств, а ещё я могу заложить это жильё. Будет достаточно, если продам или заложу всё, что у меня есть. Сечёшь?

Я кивнул; ему большего не требовалось. Он продолжал:

— Если дело не выгорит, я останусь на мели, но некоторый доход всё же буду иметь. С голоду не помру. Возможно, мне придётся отказаться от этого дома и от помощника и жить на квартире в городке, мурыжа хозяйку с квартплатой. Ты, Эд, мурыжишь кого-нибудь?

— Я мурыжу свой тромбон. Больше ничего.

— Хороший инструмент, — значительно проговорил он. — Знаешь, как он действует? То есть, ты, конечно же, знаешь, что нужно двигать его кулисой. Я хочу сказать, знаешь ли ты, почему у его кулисы семь положений? Разбираешься в его акустическом устройстве? Знаешь формулу, дающую оптимальный диаметр воздуховода?

— Хотелось бы мне знать! Должно быть, это любопытно. Было бы здорово, если бы я мог послушать об этом сейчас же. Но я не могу.

— Отчего?

— Потому что у меня есть обязанности перед клиентом. И что касается моей работы на клиента, то я её запарол. На всё про всё мне дано было три дня, и начинаю я только лишь на исходе второго.

— И всё же насчёт тромбона. Тебе в самом деле интересно?

— В самом деле. Однако — правда, по иной надобности — в своё время я ещё вернусь в Тремонт. И тогда с удовольствием вас об этом послушаю.

— Чудесно. Буду рад изложить. Не хочешь ли выпить?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Всё же расскажите мне сперва об этом вашем радиоприёмнике.

— В тысячу триста раз больше, чем Земля, Эд. Это — ого-го как! Знаешь ли ты, о чём я толкую?

Я покачал головой:

— Кажется, не о Марсе. Тот даже немного меньше Земли.

— Верно, — сказал Эмори. — Ты головастый юноша. Нет, я сказал тебе правду: с Марса

— никаких вестей! — Эмори со значением подался вперёд. — Тогда откуда же, Эд, откуда?

— Мне не известно.

— И мне тоже. — Эмори вновь откинулся на спинку дивана. — Наверно, потому-то я слегка и поддал. Ведь я не больше твоего способен поверить в то полученный мною же результат.

— Что же это за результат?

Эмори вскочил, но чересчур порывисто, и на секунду едва не потерял равновесия. Вновь обретя его, как и собственное достоинство, он произнёс:

— Идём; я тебе покажу. Который час?

— Подходит к половине десятого.

— Отлично. Значит, ждать нам осталось минут пятнадцать. Пошли.

Эмори отправился на кухню, а оттуда — к чёрному ходу; я последовал за ним. По пути через кухню мой проводник прихватил ручной фонарик, которым стал освещать путь через гумно — или через то место, которое было бы гумном, если бы ферма действовала — к деревянному строению размером с гараж на два автомобиля. Только у него не было гаражных ворот, хотя и сараем это строение тоже нельзя было назвать; скорее, оно предназначалось для мастерской.

Дверь была заперта на висячий замок, который Эмори открыл ключом; войдя, он зажёл внутренний свет. Убранство помещения наводило на мысль о запущенном пункте по ремонту радиоприёмников. В центре находился тяжеленный рабочий стол, прикрепленный к полу. Все прочие столы, верстаки и шкафы, теснившие вдоль стен, были загромождены различными предметами, этот же рабочий стол выглядел свободным. На нём было смонтировано всего два устройства — первое на одном его конце, второе на другом, и походили они — впрочем, не слишком — на две радиоустановки. Катюшки, конденсаторы и электронные лампы — всё у них было на месте, но вместо того, чтобы быть аккуратно смонтированными позади передних панелей, каждая часть была прибита и прикручена прямым к столу, а соединительные провода между ними казались грудой спагетти, вываленной на стол прямо из таза.

На двух постаментах, возвышающихся над одним из приборов, находилась аккуратно выполненная маленькая параболическая антенна из четырёх проволочек, протянутых между изоляторами. Она выглядела как миниатюрная передающая антенна; Эмори подтвердил, что это она и есть.

В соседстве второго устройства имелась антенна иного типа, но почти тех же размеров; формой она напоминала вытянутую петлю на стержне, которая могла поворачиваться, так как крепилась шарниром.

— А это — приёмник и приёмная антенна? — спросил я.

Эмори кивнул и включил рубильник, отчего лампы передатчика занялись, а затем и ещё один, отчего занялись лампы приёмника. Направленная антенна приёмника — та самая пеленгаторная рамка в форме петли — была нацелена, как я заметил, прямо на передающее устройство.

Почти тут же динамик приёмного устройства начал гудеть.

— Несущая волна, — объяснил Эмори. — Был у меня и микрофон тут подключён, но сейчас я его снял. Это вообще не то, что я хотел тебе продемонстрировать.

Эмори вынул из кармана старомодную «луковицу» часов и взглянул на циферблат.

— Начнётся минут через десять. Но сначала позволь кое-что показать.

Он провернул стержень, на котором крепилась пеленгаторная рамка, так что петля больше не смотрела прямо на передатчик. Гудение в динамике значительно ослабело, а потом и вовсе стихло, когда антенна оказалась направлена под прямым углом к передатчику.

— Просто хочу показать, что антенна действительно направленная, — объяснил Эмори. — То есть, грубо говоря. Не точно направленная, как настоящий магнитный искатель направления. Но приблизительно она указывает то направление, откуда приходит сигнал. А также угол.

Эмори показал мне, что он имеет в виду под углом, используя шарнир на стержне для того, чтобы отклонить антенну от горизонтали, и громкость сигнала вновь уменьшилась до нуля.

Эмори уселся на стул у одного конца стола, и я увидел, как на его лицо внезапно легла усталость. С тех пор как мы покинули дом и пришли в мастерскую, выговор Эмори был совсем как у трезвого человека, но по глазам да по неточности некоторых движения всё ещё можно было видеть, что он нетрезв. Однако создавалось впечатление, будто он изо всех сил старался хоть на время справиться с опьянением, и в известной мере это ему удавалось.

— Ладно, Эд, — проговорил он. — Принимайся за дело. Проверни всё самолично. Для начала выключи передатчик. А приёмник оставь как есть.

Выполнив это указание, я спросил, что дальше.

— Подыми на шарнире эту направленную антенну вверх под углом примерно семьдесят пять градусов. Способен ты прикинуть, какой это будет уклон — семьдесят пять градусов? Там вон транспортёр лежит. А теперь разверни стержень таким образом, чтобы антенна была направлена почти строго восток, вот так. О'кей, Эд, это то что нужно.

— Теперь что?

— Жди и слушай. — Эмори поднялся. — Принесу нам ещё вина. — Он вышел и несколькими минутами спустя вернулся, неся наполовину полную бутылку и два стакана. — Рэнди сегодня подсел на коня. Приглашаю его сюда — он ни в какую. Утверждает, будто я спятил, раз ввожу вас в курс дела именно таким образом.

— Почему же? — спросил я, пока Эмори наливал из бутылки вино в оба стакана.

— Он, видите ли, думает, что ты решишь, будто я чокнутый, скажешь об этом Жюстине, и Жюстина не даст нам денег.

Я принял от него стакан и глотнул содержимого.

— А вы чокнутый?

— Откуда же мне знать, Эд! Сумасшедшие никогда не считают себя больными, ведь так? Я считаю, что я нормальный, но это же ничего не доказывает. Сам посуди: если бы кто-то сказал мне, что он получил сигнал с Юпитера, я бы тоже решил, что он сумасшедший, и пусть доказывает обратное.

— С Юпитера?

Эмори вновь сел на свой стул и усмехнулся.

— Сбрехнул-таки, — вымолвил он. — Не утерпел. И ведь хотел же подвести к этому постепенно! Я, должно быть, здорово выпил.

Он коротко рассмеялся, но и этот короткий смех внезапно был им оборван, а на лицо его легло выражение сосредоточенности. Он вскинул руку как призыв к тишине и замер.

Я прислушался. Поначалу я не поверил, будто из динамика действительно доносится какой-то звук, до того он был ещё слаб. Но постепенно громкость усиливалась, и вот у меня уже не осталось сомнений. Это был гул несущей волны — правда, немного отличный по

высоте тона от той, которая недавно приходила из передатчика, установленного на другом конце стола, и значительно более слабый. Но теперь я явственно слышал его и понимал, откуда он доносится, хоть для верности и склонил ухо к динамику.

— Вот оно как, Эд, — проговорил Эмори. — Ты сам слышишь. Засеки теперь азимут и угол. Да покрути эту рамочную антенну.

Я принялся водить антенной из стороны в сторону, и всякий раз, как я слишком сильно отклонял её от первоначального направления и угла, шум в динамике пропадал. Наиболее интенсивен был этот сигнал лишь тогда, когда антенна указывала на восток или на запад под углом семьдесят пять градусов. Стоило мне повернуть антенну прямо вверх, на девяносто градусов, сигнал исчезал почти совершенно.

— Да, кажется пеленг взят верно, — сказал я. — Сигнал приходит оттуда. — Я указал вверх и сам всмотрелся в низкий, плоский деревянный потолок. Тут мне в голову пришла одна мысль. — Одну секунду, прошу прощения, — сказал я Эмори. — Нужно кое-что проверить. — Я схватил со стола наш фонарик и выбежал наружу. Отбежав от строения на несколько шагов, лучом фонарика я принялся водить по крыше, на которой, однако, так ничего и никого не разглядел. Даже дерево не склонялось над ней, и вообще поблизости не росло деревьев.

Однако на стене мастерской, в непосредственном соседстве с дверью, через которую мы вошли, я углядел вереницу ступенек-скоб, ведущую на крышу, и тогда я сунул фонарик в карман и вскарабкался по этим скобам. Добравшись до верху, я поводил лучом фонарика кругом себя; но это была плоская, гладкая деревянная крыша, и какие-либо предметы на ней отсутствовали. Как и провода.

А над крышей — воздушное пространство, ещё выше — космическое, а там, стоило только пронзить взглядом воздух и космос — звёзды. И ничегошеньки между ними и мной.

Я слез и вернулся в мастерскую. Эмори сидел на прежнем месте, а из динамика всё так же доносился гул несущей волны. Правда, звучал он громче.

— Я тоже, Эд, так поступил, — проговорил Эмори. — В первый раз, как только услышал сигнал.

— Но почему — Юпитер? — спросил я. — С чего вы взяли, что именно оттуда?

— Поговорим потом, — покачал Эмори головой. — Поиграй с этим сигналом, пока он ещё до нас доходит.

Я вновь взглянул в то место на потолке, куда была нацелена антенна. Оно располагалось прямо над главным рабочим столом; я взобрался на этот стол, убедился, что могу дотянуться до потолка, и внимательно его ощупал. Никаких проводов там не скрывалось.

Тут гул несущей волны был пронзён звуком, подобным щелчку, за которым последовало ещё три таких же и с одинаковыми интервалами. Затем — вновь один лишь гул несущей волны, только мне показалось, что на этот раз его громкость немного уменьшилась.

Эмори подался вперёд на своём стуле.

— Ну-ка, Эд, ну-ка, — не попадает ли сигнал в этот прибор иным путём, чем через петлевую антенну? Не бегут ли к нему провода внутри ножек стола из пола?

— Как же я смогу это определить, не разбирая установки?

— А ты поводи антенной ещё немного. Другого способа нет — я, по крайней мере, не обнаружил — добиться усиления сигнала, чем когда петлевая рамка нацелена определённым образом, если уж сигнал действительно приходит с этого направления.

— Сколько ещё сигнал будет слышен? — спросил я.

— Несколько минут. Затухать начнёт постепенно, как постепенно и нарастал. Эти четыре щелчка, которые ты слышал, — они прямо в середине передачи.

Я вновь ухватился за антенну, отвёл её в сторону и назад, затем быстро наклонил вперёд и в обратную сторону, так что она пролетела нужный угол, и сигнал в течении этого времени вернулся к прежней силе, а затем почти пропал. Я вращал антенну вверх-вниз и в стороны, и с прежним результатом. Затем я вернул антенну в первоначальное положение; сигнал постепенно сошёл на нет.

— Ну, как? — спросил Эмори.

— Минутку, — ответил я.

Динамик сейчас вновь молчал, хотя антенна была нацелена на восток под углом семьдесят пять градусов. Я прошёл к другому концу рабочего стола и включил смонтированный там передатчик.

Спустя примерно минуту его лампы нагрелись, и в динамике приёмного устройства вновь появился еле слышный гул.

Едва слышный, пока я не перенаправил петлевую рамку, чтобы она оказалась нацелена на посылающую антенну. Тогда гул несущей волны в динамике стал ясен и громок. Я отключил оба устройства и взглянул на Эмори.

— Бери свой стакан и фонарик, — сказал тот. — Пошли наверх.

Мы вышли из мастерской, и Эмори вновь навесил на дверь замок. Когда он сказал «наверх», я решил, что это будет где-то в доме, но Эмори поставил бутылку из-под вина на землю, передал мне свой опустевший стакан и начал взбираться по скобам на крышу мастерской. Добравшись до самой верхней скобы, он наклонился вниз и сказал:

— Поддай-ка мне, Эд, бутылку и стаканы.

Получив их, он поставил всё на крышу, взобрался на неё сам, а я последовал его примеру.

Лунного света там хватало, чтобы Эмори без труда удалось наполнить стаканы.

— Здесь крыша чистая, — сказал он, — щепок нет. Можешь сесть, можешь лечь, одежда не пострадает. Я часто сюда забираюсь. Люблю лежать и смотреть на звёзды. А в дневное время одеваю купальные трусы, да и принимаю здесь солнечные ванны.

— Так вот зачем эти скобы, — отозвался я. — Хорошая идея.

Эмори сел и как следует хлебнул своего вина. Он, некоторым образом, как бы всё больше трезвел — или казалось, что трезвел, — с тех пор, как я вошёл к нему в дом. Но сейчас он признался: «Я слишком пьян, Эд», — отставил свой стакан и лёг навзничь, заложив руки за голову и устремляя взгляд к звёздам.

Ему, кажется, было удобно, а потому и я так поступил. Дул лёгкий ветерок, немного прохладный, что было приятно, и лежать здесь, глядя в небо, было вполне комфортно. Но забота не отпускала ни его, ни меня.

— Насчёт Юпитера, — произнёс я.

— В астрономии разбираешься? — спросил Эмори.

— Куда там! Прочёл несколько лет назад парочку популярных книжек, но не усвоил ничего кроме общего впечатления. Никогда не занимался специально.

— Сможешь отыскать там Юпитер?

Я вспомнил, в каком направлении смотрела пеленгаторная рамка, и указал туда же, на белую яркую звезду — только, разумеется, коли то был Юпитер, то величать его следовало не звездой, а планетой — и спросил: — Он?

— Он самый, — ответил Эмори. — Во всяком случае, примерное направление ты указал верно, а это самое яркое светило в округе.

— Так вы действительно полагаете, что сигналы, которые мы слышали, приходят с Юпитера? А если они берут начало на земле — скажем, милях пятидесяти отсюда — и отражаются от слоя Хевисайда?

— Я тоже, Эд, так подумал вначале. А потом... потом вник в теорию этого частного рода волн и пришёл к твёрдому убеждению, что они вообще не могли бы отразиться от слоя Хевисайда, особенно при таком угле падения — почти перпендикулярно. Фокус тут в том, что всякий раз как я слышал этот сигнал, он приходил под одним и тем же углом и с одинаковой стороны...

— В точности под одним и тем же или приблизительно? — перебил я.

— Не могу сказать с уверенностью. В точности, насколько я смог оценить при помощи той рамки. Только подобная детекторная рамка — это слишком грубый инструмент для такого рода оценок. Я собираюсь приобрести магнитный гониометр и произвести пеленг. Пока не было времени. Видишь ли, Эд. Я уже шесть месяцев потратил на разработку приёмопередатчика, что внизу. Но лишь восемь дней тому назад я впервые засёк этот сигнал, примерно в без четверти одиннадцать ночи. Его направление, натурально, меня озадачило, но я вывел, что это нечто, отразившееся от слоя Хевисайда. Всё же я попытался вновь на следующую ночь и к счастью для себя приготовился пораньше, поскольку пришёл сигнал с упреждением в девять минут. На следующую ночь с упреждением в восемь с половиной минут, затем в восемь. Что ни ночь, то немного раньше; я построил график. Подумал — может быть временное распределение что-нибудь да значит и... и вот, пару дней назад, начал интересоваться астрономией. Потому что я подумал: а что если тот или иной объект находится в той точке неба в соответствующее время по моему графику. И такой небесный объект нашёлся. Добрый старый Юпитер.

В голове у меня слегка помутилось. Я пробормотал:

— Позвольте убедиться, мистер Эмори, что понял вас правильно. Вы имеете в виду, что всякий раз, как вы принимаете этот сигнал, ваша петлевая антенна оказывается направлена на Юпитер?

— Да — настолько точно, насколько я могу её выставить. С погрешностью, конечно же. Тот детектор — прибор не слишком точный, как и мои познания в небесной механике несовершенны; я не астроном.

— И вы говорите, что рамка постоянно направлена в одно и то же место, но лишь в тот час, когда там находится Юпитер, этот сигнал и приходит?

— Если кратко, то — да, Эд. И чёрт меня подери, если я отважусь назвать это совпадением. Так продолжается ночь за ночью уже восьмой раз. Я знал, в какое время он придёт сегодня — на пять минут раньше, чем вчера, поскольку именно в это время Юпитер пройдёт данную точку неба.

Изрядно ошарашенный, я воззрился на звёзды. Приподнявшись на локте, отхлебнув вина, я перевёл взгляд на Эмори, лежащего как ни в чём ни бывало, подвернув руки под голову; его лицо было ясно видимо в лунном сиянии. Украдкой я принялся рассматривать Стива.

Его лицо не было лицом человека, который замыслил какой-то розыгрыш. Оно было круглым, честным, — и теперь, когда он снял свои непрременные очки в железной оправе, оно казалось даже более круглым и более честным. Но на нём не было и выражения

расслабленности и покоя; это было лицо человека, открывшего нечто столь грандиозное, что сама мысль о том не на шутку его пугала.

— Я попрошу вас, Эд, держать это в тайне, — проговорил Эмори. — Ото всех, кроме, разумеется, Жюстины. Я так полагаю, что ей одной до того должно быть дело, другие не при чём. Знали только Рэнди и я, теперь узнали вы, так что пусть и Жюстина узнает. Но дальше Жюстины это не должно пойти.

— А в Тремонте ходят слухи о Марсе, — отозвался я.

Эмори коротко рассмеялся.

— Моя вина. В городской библиотеке я спросил книги, из которых хотел уяснить положения планет. Но слухи умирают естественной смертью, если не находят подпитки. Тремонт вечно полон слухов. Меня подозревали и в худшем.

— А Рэнди верит, что эти сигналы приходят с Юпитера? — спросил я.

— Нет, но никакого другого объяснения им он не может предложить. Как и я тоже. Не наполнишь ли, Эд, стаканы ещё разочек? Что-то я сегодня сколько ни пью, только трезвею. И ведь уже опьянел было к твоему приходу.

Мне вина больше не хотелось; вишнёвка слишком сладка, чтобы её можно было выпить много. Я наполнил его стакан из бутылки и отставил её прочь.

— Спасибо, Эд. Так ты не будешь говорить Жюстине, что я спятил?

Я задумался над этим вопросом, и чем больше над ним думал, тем большее испытывал смущение — но лишь некоторое время. Вскоре мои мысли начали приходить в порядок и я почувствовал, что знаю ответ.

Если бы он оказался верен! Будь я, по выражению Каролины, достаточно «мыслящим», чтобы найти правильный ответ сейчас, а не завтра, одним убийством в течение следующих двадцати четырёх часов было бы меньше.

Но он не был и ошибочным. Просто я не смотрел в корень.

Итак — полагая, что я мыслящий человек, я вовсе не ошибался. Но я не был настолько мыслящим, чтобы спасти жизнь Стивену Эмори.

— Нет, вы вовсе не спятили. Из фактов вы сделали совершенно логичный вывод, и я не нахожу в нём изъянов. Если в нём что-то и не так, то лишь одно: никто раньше не принимал радиосигналов с Юпитера. Но и то сказать, никто ведь и не собирал прибора с такой, как у вас, схемой.

— Я в этом совершенно уверен.

— А потому, — продолжал я, — остаётся вопрос, нет ли здесь с вашей стороны мистификации. Такое возможно, но я не вижу в том для вас никакой выгоды. Этот Юпитер скорее отпугнёт Жюстину Хаберман, чем соблазнит её сделать вложение.

— Итак... — произнёс Эмори.

— Итак, что же вам известно о Юпитере? Мне о нём известно немного, я только и помню, что планетка не вполне пригодна для жизни.

— Для землян, Эд, она совершенно непригодна. Гравитация там такая, что тебя распластает как блин. Атмосфера густа как томатный сок, вдоха не сделать. Те, кто живут на её поверхности — если только у Юпитера есть твёрдая поверхность; нашему-то взору она недоступна — то атмосфера там, или то, что её заменяет, такая плотная, что о существовании дневного света никто не догадается. А температура превращает Северный полюс в тропики. Никакая жизнь — насколько мы имеем о ней представление — ни за что там не разовьётся.

— Ну, какой-нибудь вид жизни, — предположил я, — может развиваться и при тамошних условиях.

— Возможно. Но я думаю о другом. Хочешь знать, о чём?

— Разумеется.

— У Юпитера есть луны, девять штук. Две из них — самые большие среди лун Солнечной системы; они гораздо больше нашей собственной луны, даже больше, чем планета Меркурий. Гравитационные условия на них не слишком отличны от наших; некоторые астрономы уверены, что там имеются воздух и вода. Не будет преувеличением предположить, что на любой из них может существовать жизнь, причём во многом похожая на земные формы. Эти две луны, о которых я говорю, суть третья и четвёртая по счёту от Юпитера; их названия — Ганимед и Каллисто. Они вращаются вокруг Юпитера подобно тому, как и наша Луна вращается вокруг Земли.

Я некоторое время молча лежал, пялясь в небо и размышляя. Затем я кое-что вспомнил — тот четырёхкратный сигнал-щелчок, что доносился тогда из динамика. Я спросил о нём Эмори.

— Всякий раз, Эд, он повторяется, — подтвердил тот. — Если он что-то и значит, то что именно, я не представляю. Сам можешь строить догадки с таким же успехом.

— Должно быть, либо вы, либо Рэнди упомянули об этом в городке, — сказал я. — Сет Паркинсон, «Торговая палата», первым мне о том рассказал, ещё до моей встречи с вами. Он сказал, что четыре щелчка нужны для того, чтобы стало понятно, что сигнал приходит с четвёртой планеты, а эта планета — Марс.

Эмори рассмеялся.

— Я рассказал Сету об этих щелчках после второго или третьего случая. Но уж Марса я не упоминал. Это его идея; она взбрела ему в голову, как только он узнал, что я взял в библиотеке те книги по астрономии.

— А сами вы Марс не заподозрили?

— Конкретно Марс — нет. Я уже сказал вам, что после того как я уверился, что те сигналы не могут отражаться от слоя Хевисайда, я заподозрил, что они, вероятнее всего, должны приходить с какой-то из планет, и принялся выяснять, не находилась ли какая-либо планета в данной точке небосвода в то время, как я принял сигнал. Признаю, что сперва я занялся Марсом; каждый подумал бы про Марс при мысли о сообщении с другой планеты. Наверно, потому, что это ближайшая к нам планета и больше всего схожа с Землей.

— Тогда что вы думаете — если только сигнал действительно приходит с Юпитера или одной из его лун — по поводу тех четырёхкратных щелчков?

— Моё предположение может показаться вам диким. Если целью щелчков является намекнуть нам, откуда приходит сигнал, то именно Каллисто, одна из тех двух землеподобных лун Юпитера, является четвёртой. Ну, либо те, кто посылает эти сигналы, считают Юпитер четвёртой планетой. Меркурий, внутренняя планета, должно быть, чрезвычайно мала, для того чтобы им на Юпитере удалось открыть её с такого расстояния. Ну, точно как и нам понадобилось долгое время, чтобы открыть Плутон, внешнюю планету. Эд, это здорово, но я пьян.

— По разговору не видно. — Я немного приврал, поскольку язык моего собеседника всё же слегка заплетался, хотя речь Эмори была связной и рассудительной.

— Да знаю я, что не видно, — отозвался Эмори. — Соображаю как положено, но голова начинает кружиться. Лучше мне оправляться в постель, только вряд ли я смогу спуститься с крыши. Не позвать ли тебе сюда Рэнди? Вот встанете оба внизу и будете меня ловить, если что...

— Идёт, — ответил я, спустился по скобам на землю и отправился к переднему крыльцу усадебного дома. Рэнди по-прежнему сидел на ступеньках. Я объяснил ему положение, он рассмеялся: — Вот идиот! Ну, пойдём.

Мы осторожно приняли спускавшегося Эмори в четыре руки; на земле тот решил, что до дому дойдёт сам и ляжет в постель без посторонней помощи. На прощанье Эмори попросил меня не уезжать в Чикаго, предварительно не повидавшись с ним вновь или не позвонив ему; я обещал.

Когда Эмори скрылся в доме, мы с Рэнди направились к фасаду — туда, где стоял мой «кадиллак». Рэнди взглянул на светящийся циферблат своих наручных часов и проговорил:

— Всего лишь без четверти одиннадцать. И это весь вечер меня мучает жажда. Не смотаться ли в город — утолить её? Только чтобы и вы составили мне компанию: как он, я пить один не в состоянии. — Рэнди указал большим пальцем на дом за своей спиной.

— Едем, — ответил я. — Залезайте.

— Лучше возьму машину Стива да последую у вас в хвосте. Мне ведь нужно будет возвращаться.

Я объяснил Рэнди, что вовсе не собираюсь кутить всю ночь напролёт, а потому, если ему в самом деле нужно лишь пропустить стаканчик-другой, то я и назад его доставлю. Рэнди тотчас же согласился и сел в мою машину.

Пока мы ехали в город, ни один из нас не почувствовал охоты к беседе. О чём думал Рэнди, мне было невдомёк, а вот моя голова было полна всем тем, о чём Эмори давеча мне

рассказывал — лунами Юпитера, и кружилась так же, как они.

Выбор места, где нам пристать, я предоставил Рэнди; мы попали в нешумный кабачок — за тем лишь исключением, что музыкальный автомат со сменными дисками был тут как тут; и расположились мы у конца буфетной стойки. Себе я заказал лишь аперитив, поскольку и так этим вечером много выпил. Рэнди потребовал одну порцию неразбавленного виски, вторую с содовой и занялся ими. Некоторое время мы говорили о том, о сём, а затем незаметно съехали на Юпитер.

— Чёртов глупец, — проговорил Рэнди. — Ему бы держать рот на замке, а то ведь все решат, что он умом тронулся. И говорить о том не стану. Опять пойдёт гулять по городу.

— Не от меня, — заверил я его. — Я, разумеется, собираюсь написать отчёт для миссис Хаберман, но ни для кого больше. А она по Тремонту не разгласит.

— А вы и сами не заметите. Такие вещи, знаете ли, уж найдут способ обрести известность. Я хочу сказать — в таком вот маленьком городке. Если вам, Хантер, взбредёт в голову совершить убийство — ну, или стащить кусочек пирога, — не делайте этого в маленьком городке. Сухим из воды вам не выйти.

— Вы полагаете, что того, кто убил Фоули Армстронга, непременно поймают?

— Как пить дать. Люди способны сложить два и два.

Его слова поразили меня.

— Звучит так, как будто вы уже сложили!

— А как же! Но это всего лишь догадки, и если я прав, то и шерифу придёт в голову то же самое, так что мне и высовываться нечего. С чего бы?

— Некоторые называют это гражданским долгом.

Рэнди только рассмеялся.

— Может быть, и есть такой долг — докладывать о любом факте насчёт убийства, который тебе известен. Но не о всяких догадках, которые придут тебе в голову — и к тому же основываются на фактах, известных всем и каждому.

Я признал, что в его словах имеется доля истины.

— Вы полагаете, что убивший Армстронга был в здравом уме? И имел здравый мотив?

— Это я обсуждать не стану, — ответил мне Рэнди. — А то придётся выложить свои догадки. К тому же, известно ли вам, кто в здравом уме, а кто нет? Мне это не известно.

— Существуют же пограничные состояния, — продолжал я допытываться.

— Существуют. Я и сам, возможно, в таком состоянии. И уж Стив. Если бы я лучше знал вас, я бы, может, и о вас так же думал. Иногда мне кажется, что такие вот симпатяги — они все немного того.

— В этом, может, что-то и есть, — отозвался я. — Глядел эту пьесу, «Харви»?

— Не-а. Слыхал только.

— В ней любопытный сюжетец. Элвуд Дауд, такой немного сдвинутый, воображающий, что постоянно видит рядом с собой двухметрового кролика, — он славный малый. Доктор собирается влить ему укол, который бы его вылечил; там ещё есть водитель такси, ожидающий платы, — он желает сперва её получить, рассчитывает на чаевые. Но сюжет... таксист так его описывает: «Конечно, это его вылечит. Но тогда он станет нормальным человеком, а вы ведь знаете сами, какие они сукины сыны, эти нормальные люди».

Рэнди запрокинул голову и расхохотался; это был первый раз, когда он по-настоящему хохотал при мне. От этого я его почти полюбил, ведь пока что я не мог сказать, чтобы Рэнди был мне симпатичен.

Рэнди допил своё и сказал:

— Мне бы ещё разок. А ту пьесу нужно будет прочесть, если она есть в нашей библиотеке. Ты как?

Я ответил, что мне хватит, и продолжал потягивать свой аперитив. Рэнди заказал ещё одно виски с содовой. Я спросил Рэдни:

— Передашь ему кое-что от меня? — Рэнди кивнул. — Я обещал повидаться с ним, перед тем как покину Тремонт. Полагаю, что всё равно пробуду в городе весь завтрашний день, так что смогу вечером заскочить к вам, а в Чикаго отправиться уже после. И мне хотелось бы ещё раз услышать тот сигнал, а потому я постараюсь появиться у вас к девяти вечера. Передашь это ему?

— Передам.

— И если у него не получится, или время будет неподходящее, пусть позвонит мне в гостиницу или, если меня не окажется на месте, оставит сообщение; тогда я приеду раньше. Всё равно я не могу назначить точное время встречи, ведь я не знаю, на какой час назначено разбирательство.

— Передам, конечно. Но не беспокойся: к девяти он будет дома. И, вероятно, трезвый. Никогда ещё не видел, чтобы он квасил две ночи подряд. Обычно, после подобного возлияния, на утро у него голова раскалывается.

— Может, это и хорошо, — сказал я. — Есть народец, что просыпается с мыслью сразу же поддаться; такие быстро доходят. Удивляюсь им.

— Так и я тоже. Да я и много-то выпить не в состоянии. Три-четыре порции — это мой верхний предел. Я и теперь уже почти готов. Не иначе, а то бы не сказал о своих домыслах насчёт случая с Армстронгом.

— Если я поставлю вам ещё выпивки, то уж верно вытяну из вас всё.

Рэнди решительно покачал головой.

— Нет. Будь у меня что-либо помимо догадок, я, может быть, и рассказал бы.

Я всё же купил ему ещё виски, а себе заказал повторный аперитив. Рэнди не шутил, утверждая, что не может выпить много; три выпитых виски на него уже начали действовать. Язык у него заплетался почище, чем у Эмори на крыше, и мне показалось, что ещё стаканчик-другой, и он вырубится.

Но теперь он вместо разговора возжаждал музыки и принялся совать монетки в музыкальный автомат. Всё бы ничего, да вот выбирал он лишь ковбойские песенки да народное творчество южной глубинки. Я не против хорошей импровизации на саксофоне или тягомотины кларнета наподобие Гудмэновоской, но только чокнутые могут слушать ковбойские баллады. Или это я сам чокнутый? Впрочем, так мне и надо за то, что стремился подпойть его, желая вызвать на разговор. Сам нарвался.

В общем, я был рад, когда ему всё надоело и он объявил: «Прочь отсюда». Мы вышли под ясное, тихое сияние луны, оставив за спиной и пустынные прерии, и бряцанье шпор, и вой койотов в стиле «стоны». Забрались в машину и всю дорогу обратно, до дома Эмори, не проронили ни слова.

Свернув на подъездную дорожку, я затормозил, но не стал выходить из машины. Вместо этого я обратил взгляд на Рэнди. По виду тот не был так уж сильно пьян, хотя лицо у него осунулось. Я понял, что у него до сих пор что-то свербит в уме, от чего он желал бы освободиться, а потому я вынул пачку сигарет и передал одну ему. Закурив, мы с полминуты сидели в полной тишине.

Затем Рэнди произнёс:

— Ты, Хантер, вероятно, не то подумаешь.

— Насчёт чего? — спросил я, чтобы помочь ему продолжить.

— А когда я сказал, что Стивен, на мой взгляд, свихнулся в этой истории с Юпитером.

Я ничего не знаю; всё так запутанно.

— Я ведь тоже теперь впутан, — заверил я Рэнди.

— Он слишком доверчив и беспечен; ему не следовало... в общем, зря он высунулся.

— А вам известен иной ответ? Не лучший, но просто иной, который объяснял бы факты.

— Нет иного ответа, оттого-то я и запутался. Не такой уж я и Господь Всемогущий, как он иногда думает. Не вижу иного ответа — значит, и не верю, что он существует. Объяснение-то есть, но лежит оно... ближе, чем Юпитер. А Стив Эмори на этом зациклен; с ним даже не поспоришь. По мне, так он сильно ошибается, но не думаю, что он свихнулся. Не на этом деле, во всяком случае.

— Тогда на чём же он свихнулся? В кабачке вы сказали, что он здорово свихнулся.

— Сказал же, что наболтал без разума. Вот так всегда: пытаюсь сказать об одном, а сбиваюсь на что-то другое. Все мы на чём-то сдвинуты.

— На чём же — Эмори?

— Вот скажу, и ты будешь смеяться. Ну, ладно, можно сказать. В этом ничего такого нет. Актёрство.

— Что значит — актёрство?

— Самое настоящее. По большей части — шекспировские роли, а так — всё пробует понемножку.

— Как, сам по себе? В одиночку? Или тут имеется любительская труппа, в которой он играет?

— Будь здесь таковая, уж он бы от неё не отстал, но здесь таковой нет. Хотел он основать одну в Тремонте лет десять назад, но ничего не добился и бросил затею. Теперь вот подвизается в одиночку.

— Не думаю, — проговорил я, — что это хуже, чем моё собственное увлечение. Я вот на тромбоне играю.

— Как-то я пробовал дуть на горне, ещё в школе, но, кажется, у меня ничего не вышло. Не мог правильно отсчитывать такты. В общем, теперь Стив слушает самого себя. В записи. Нет, кроме шуток, он наговорил целую сцену из «Гамлета», на разные голоса, и сам же прослушивает. Кроме женских ролей; я не слышал ещё, чтобы он и тут пытался. Вот запишет на проволочный самописец целый диалог — скажем, между Гамлетом и Полонием. А потом изучает. Ты только не говори ему, что я тебе рассказал. Не нужно было. Сказал же, что слишком много выпил; хотел дать обратный ход многому из того, что наговорил, а в результате наболтал ещё больше.

Я рассмеялся.

— Ну, в свой отчёт я этого вносить не стану, даже при личной беседе не передам Жюстине. И потом, мне кажется, что это всё же лучше, чем собирать марки. И этот проволочный самописец меня умиляет. Будь мой тромбон со мной, а не дома в Чикаго, чёрт меня подери, если бы я не попросил Эмори и меня записать, чтобы послушать, как я дую. Правда, мне пришлось бы тогда открыть ему, что это вы мне рассказали, и... впрочем, тромбона со мной всё равно сейчас нет.

— Что ты, что ты — Стив же поймёт это буквально, — отозвался Рэнди. — Насчёт

самописца и всего прочего. Ведь он даже гримируется для своих ролей. У него целый гардероб костюмов и гримёрный столик, весь заставленный баночками с макияжем, париками да бородами. Не говоря уж о зеркале в человеческий рост.

Это было нечто новенькое. Тут речь шла о чём-то большем, чем просто увлечение. Не переступил ли Эмори и впрямь той черты, за которой его можно было назвать свихнувшимся?

Я попытался представить самого себя за таким гримёрным столиком и не смог. Не укладывалось в голове, даже при моём собственном увлечении музыкой. Я ещё мог бы выпендриваться, словно даю сольный концерт в Карнеги-холле, но разве стал бы приобретать фрак, чтобы только в одиночестве натянуть его у себя в комнате ради полноты картины? Правда, это не то же самое; костюм является гораздо более значимой частью актёрской игры, чем при выступлении музыканта.

— Ну а вы на чём сдвинулись? — спросил я Рэнди. — Глотки местным жителям не перегрызаете?

Он издал негромкий смешок.

— Со мной не так худо, но хуже, чем с Эмори. Ты и сам это выразил. Я собираю марки. — При этих словах Рэнди открыл дверцу со своей стороны и вылез из машины. — А теперь — баиньки. Спасибо, что подвёз.

— Мы увидимся, до того как я уеду?

— Ну, да; скорее всего, и я буду дома, когда ты завтра вечером приедешь навестить Стива. Так что пока.

Я глядел, как он поднимается на крыльцо и исчезает за дверью, и гадал, что он на самом деле пытался предпринять — защитить Эмори или предупредить меня. Но ни того, ни другого нельзя было установить точно, оставалось лишь строить предположения. Я вывел «кадиллак» на дорогу и повёл его назад в город. Когда я прибыл в гостиницу, никаких сообщений для меня там не было (да я и не ждал), а потому оставалось отправляться на боковую.

Был уже второй час; заснуть следовало немедленно. День выдался напряжённый, и это всего лишь после нескольких часов сна прошлой ночью в Чикаго. И всё же события этого напряжённого дня не шли у меня из головы, как и дня, ему предшествовавшего; мне ясно виделось, что в порученном мной деле ничего существенного я не достиг и ни к чему не пришёл.

Не было ни малейшей мысли по поводу того, что мне сообщить Жюстине Хаберман. Потребуй она от меня дать ей отчёт немедленно, я бы вывалил на неё лишь кашу из недоваренных идей — пусть, значит, сама в них разбирается. Осрамил я агентство Старлока, а также дядюшку Эма, который замолвил там за меня словечко.

На что я потратил это время! Ублажал собственное эго, после того как шериф на него покусился. Девушку кадрил. Впутался в дело об убийстве, которое не имеет никакого отношения к моему заданию, и, что хуже всего, не справился с последним. Только и делал, что строил предположения — спятили или не спятили Эмори, Рэнди и ещё полгорода, да подыскивал самого подходящего из них на роль психбольного.

На деле же таковым был не кто иной как Эд Хантер. Не потому, что я напортачил с этим убийством; меня ведь с трупом не провели. Но увлекшись своим следствием, я позабыл о главном пункте, цели своей поездки. Я ведь уже поговорил и с Эмори и даже с Рэнди Барнеттом, но об этом пункте даже не упомянул. А ведь Жюстина желала знать не о том,

засёк ли Эмори на своей аппаратуре Марс, Юпитер, или Плеяды; её интересовало, сможет ли она вложить и вернуть свои деньги на Земле. А я расспрашивал чёрт знает о чём и выслушивал чёрт знает о чём, совершенно не озаботившись задать вопрос, для чего вообще была разработана вся эта аппаратура, что она может такого, чего не может обычный радиоаппарат с амплитудной либо с частотной модуляцией. Забыл, понимаете ли, спросить, захочется ли кому-нибудь купить её, коли уж она не откажется работать выполненная в натуральную величину, раз уж Рэнди поведал, что в настоящий момент это всего лишь уменьшенная копия, и за сколько.

А ведь дядюшка Эм именно это и втолковывал мне, напутствуя перед вояжем в Тремонт. «Главное, мой мальчик, это задавать вопросы! Вся штука заключается в том, чтобы знать, о чём спрашивать! Правильно поставить вопрос — значит уже получить половину ответа!» Я ещё тогда ответил — отлично сказано; при этом он усмехнулся и объяснил, что кто-то сказал это до него; ему казалось, то был Платон.

Хорошо же; этот вопрос будет моим первым пунктом в имеющем состояться завтра вечером разговоре с Эмори. И задам я его ещё до того, как мы вновь отправимся слушать радиопозывные четвёртой луны Юпитера.

На этом месте я заснул; мне снились сны, но даже во сне мне не могло привидеться, что лицо у меня может вдруг оказаться вымазанным в крови; это означало, что никакой я не пророк.

И следователь из меня никудышный, иначе бы я догадался о том же, о чём догадался Рэнди Барнетт в связи с убийством Фоули Армстронга. Ибо догадка Рэнди была верной.

Разбудить меня я просил в восемь, и в назначенный час телефонный звонок выдернул меня из постели и оторвал от грёз о Молли Кингмэн. Я сказал в трубку: «О'кей, спасибо», — а затем сел и попытался вернуться к своим фантазиям. Ничего, конечно, не вышло. Новые фантазии родить я мог, старые же улетучились.

В разгар таких попыток телефон зазвонил вновь; на этот раз в трубке раздался голос шерифа Кингмэна.

— Хантер? Разбирательство в десять. В морге Смитсона; это по Мэйн-стрит, один квартал к востоку от Тремонт-Хауса.

— Добро, — ответил я. — Буду.

— Слушай, мне нужно тебя проинструктировать. Сможешь придти ко мне в контору в девять-тридцать?

— А я выйду оттуда неповреждённым?

Шутка не удалась; шериф только заворчал в ответ. Я поторопился заверить: «Ладно, ладно, буду». Шериф повесил трубку, не удосужившись дальнейшими репликами.

Одевшись, я спустился в ресторан. За завтраком мне пришло в голову вот что: поскольку разбирательство состоится утром, я смогу поговорить с Эмори ещё до наступления вечера, а вечером встретиться с ним вторично — надо же было ещё раз послушать этот сигнал с... в общем, оттуда, откуда он идёт.

А потому по окончании завтрака я позвонил Эмори.

— Сожалею, Эд, — ответил Стивен. — Мне нужно съездить в Джольет приобрести кое-какое оборудование. Отправлюсь через часок-другой, а вот вернусь только к вечеру. И Рэнди с собой заберу — помогать его загружать.

— Ладно, мистер Эмори, — ответил я. — Я просто подумал, не будете ли вы свободны. Увидимся в девять вечера.

Было четверть десятого; самое время отправляться к Кингмэну. Идти было недалеко, и я не стал выводить «кадиллак» со стоянки на задворках.

Пару минут я постоял у выхода из гостиницы, впитывая яркий свет утреннего солнца, затем направил стопы к конторе шерифа.

Сегодня тот был не в духе: стоило клерку ввести меня в его личный кабинет, он издал нечто вроде рычания. Всё тем же рычанием Кингмэн велел мне сесть, после чего произнёс:

— Дело застопорилось. Пришлось перенести разбирательство на послеобеденное время, поскольку Корделлу предстоит делать операцию. Говорит, нужно покончить с ней с утра.

— А без него вы не справитесь?

— Разбирательство коронера без коронера? Он же его проводит, не я же. Мне только критика достаётся.

Кингмэн открыл ящик стола и вынул из него вставленную в рамку фотографию человека с широченной улыбкой на лице. Человек выглядел добрым малым. Кингмэн протянул мне фотографию и спросил:

— Видел раньше этого человека?

— Это что, Фоули Армстронг? — спросил я. — Если он, то положительно я сказать не могу. Вспомните, что труп я видел лишь при свете луны, лицо мертвеца было искажено. Если бы я хоть на минуту в него всмотрелся, а так... Ведь не думал же я, что он собирается

переменить место.

— Значит, чёткого опознания ты произвести не можешь?

Я покачал головой.

— Это может быть тот человек, которого я нашёл. Не скажу, что это не он.

Услышав мой ответ, шериф малость оттаял. Казалось, он чуть ли не надеялся на такой исход.

— Хорошо же, — сказал он. — Звать тебя на разбирательство нужды у меня нет. Держись в стороне.

Приятная была новость! Я встал.

— О'кей. Весьма кстати.

— Подожди, подожди. Не так быстро. Я хочу, чтобы ты дал два показания и подписал их, а Хови — тот клерк — засвидетельствует. Он их и напечатает за тебя, если ты не пользуешься машинкой.

— Две отдельные бумаги?

— По причинам, до которых тебе нет дела, я буду хранить их по отдельности. Ты говоришь, что видел труп на Дартаунской дороге вечером в среду. Прекрасно; теперь напиши это на бумаге и подпишись. Но поскольку ты не можешь присягнуть, что то был Фоули Армстронг, то это твоё заявление мы положим отдельно. Нет смысла тормозить разбирательство его оглашением.

— Всё же должны быть какие-то причины, почему вы этого не хотите.

— Должны быть. Это моя забота. Теперь второе показание; ты просто расскажешь, как тебе удалось отыскать скелет в золе от сгоревшего сарая Джеба О'Хары. Вот оно-то и послужит свидетельским показанием при разбирательстве.

Я резонно спросил, как же мне объяснить во втором показании своё желание покопаться в золе от сарая, не упоминая своих рассуждений насчёт возможной дальнейшей судьбы того трупа, что я нашёл прошедшей ночью. На это Кингмэн сказал:

— Ты ведь рассказал Джебу прекрасную историю на этот счёт и даже ничего при этом не сочинил. Я выяснил у миссис Бемисс. Ты можешь сказать, что она попросила тебя собрать для неё материал про пожар, и, чтобы сделать ей приятное, ты принялся задавать вопросы и рыться в золе. Она ведь просила тебя собрать для неё материал, не так ли?

— Просила, — ответил я. — Только ведь... в её статье — в «Тремонтском представителе» — оба случая будут объединены.

Шериф помрачнел.

— Я разговаривал с ней этим утром. Просил её посвятить каждому случаю отдельную статью. Она сказала, что она... как бишь выразилась... в любом случае преуменьшит твою роль.

Я с минуту размышлял.

— Вы хотите получить по Фоули Армстронгу заключение, оставляющее вопрос открытым, вместо заключения об убийстве. Верно говорю? Если бы по этой фотографии я смог опознать труп как принадлежащий Фоули Армстронгу, вы бы такового не получили. Но я не смог, а потому вы рассчитываете получить заключение, оставляющее вопрос открытым. И если впоследствии вы не получите ответа, в вашем послужном списке шерифа не останется нераскрытого убийства. Правильно?

Его лицо стало наливаясь кровью — от гнева, не от стыда. Мне не следовало думать вслух.

— Подвох тут в том, — сказал я, — что если вы не рассматриваете эти два случая как одно дело, то вы должны произвести два следствия. Одно по Фоули Армстронгу и другое по трупу на Дартаунской дороге.

— Ты псих, Хантер. Ведь тут лишь одно твоё слово, что будто бы...

— Нет, — перебил я его. — Здесь нечто большее, чем моё слово. Здесь состав преступления. Как шериф, вы знаете, что это необязательно подразумевает наличие трупа. Достаточно одного лишь свидетельства, что преступление совершено. А мой рассказ да плюс кровь, найденная нами на Дартаунской дороге, как и то, что доктор Корнелл установил, что это кровь человеческая, образуют состав преступления, достаточный для того, чтобы возбудить следствие.

Он вдруг усмехнулся, чем подивил меня.

— Если ты и вправду так считаешь, — сказал шериф, — то я возбужу следствие. Только немного обожду, чтобы накопилось больше фактов. Недели, так скажем, две. А тем временем мне придётся попридержать тебя как важного свидетеля. Я слышал, ты этим вечером собрался вернуться в Чикаго. Боюсь, всё это может помешать твоим планам.

Я усмехнулся в ответ, чему опять подивился. Ловко он меня подловил, даже и не возразишь. А шериф, вероятно, мировой парень! И у него, если на то пошло, могли быть резоны держать моё свидетельство о произошедшем ночью в среду за рамками следствия по Армстронгу. А может, это просто обычная полицейская скрытность по вопросу о преступлениях, которые ими ещё не раскрыты. Профессиональная болезнь.

— Сдаюсь, — ответил я, пожав плечами. — Где у вас пишущая машинка? — И в приёмной конторы я сочинил требуемые заявления, описав оба дела насколько мог кратко. Кингмэн скупно одобрил написанное и дал своему клерку подписаться под обеими бумагами.

— Не раздумал покинуть вечером город? — спросил он и, услышав мой утвердительный ответ — то есть, что после свидания с Эмори, — записал мой адрес и телефон в Чикаго. Затем он сказал:

— Слушай, а вот этот вопрос о ликантропии...

— Да, и что такое?

— Одно меня удивляет, Хантер. Отчего это ты так много о ней знаешь, ну в самом деле? В библиотеке — и то о ней почти ничего нет, и в энциклопедии тоже. Хотел было я о ней почитать, поскольку в этом, как бы... ну, нечто есть. Так почти ничего не нашёл. Ты-то почему всё это знаешь?

— Только немногое. Просто знаю, что она существует. Кажется, я как-то читал в книге про распространённые суеверия. Была там глава о волках-оборотнях, и в ней говорилось, что такое ликантропия и каким образом отдельные её случаи привели к возникновению веры в оборотней. Как и летучие мыши — они существуют и относятся к семейству вампиридов, — вызвали веру в вампиров-людей — которых не существует.

— Название книги помнишь?

— Сейчас уже нет. Попытаюсь вспомнить и дам вам знать.

— Так-так. Забавно, что ты помнишь детали и не помнишь названия книги. Знаешь, почему это забавно?

Я покачал головой, не схватывая, к чему он подводит.

— Знаешь, что такое акрофобия? — спросил он.

Слово было смутно знакомым, но нащупать его значение я не смог.

— Лишь одну часть — фобию, — сказал я. — Это ненормальная боязнь чего-либо.

Кингмэн кивнул.

— Ненормальный страх высоты. Я знаю об этом, поскольку сам немного — того. Не сильно, но немного. Человек, который чем-то таким болен, непременно почитает о том в книгах, поскольку интересуется. Мне кажется, не много найдётся людей, которые знают, что такое ликантропия. Я даже точно могу это утверждать, я тут поспрашивал. Сечёшь, о чём я?

— Ещё бы, — ответил я. — Но только вы и сами в это не верите, иначе уже упекли бы меня за решётку. И не только; вы бы призвали полицию штата и национальную гвардию, чтобы тюрьму охраняло не меньше батальона.

Шериф хмыкнул.

— Гораздо вероятнее, что ты был бы застрелен в процессе задержания.

— Тоже неплохая мысль, — ответил я.

— Есть и ещё одна, Хантер. У нас в округе ликантропы ещё не водились до той ночи, как ты прибыл в город.

Я уже встал, собираясь идти, но тут опять сел.

— Не то чтобы меня это заботило, шериф, но ради доброго имени агентства Старлока я не хочу, чтобы вы думали нечто подобное. Есть в городе хороший психиатр?

— Нет, нету. И всё же я спрашивал об этом у доктора Корделла, то есть насчёт освидетельствования. Он сказал, что никакой психиатр не даст гарантии, что человек нормален, без длительного наблюдения и неоднократного освидетельствования. Особенно если человек, которого обследуют, пытается скрыть тот факт, что он свихнулся. И тем более, если у человека такой вид помешательства, который находит на него приступами, а не выставляет его небольшим психом ежедневно.

Я вновь встал и произнёс:

— Что ж, я просто подумал. У меня добрые намерения.

Шериф проводил меня до выхода из конторы.

— Мне, возможно, стоит провериться самому — не идиот ли я, что не задержал тебя, — сказал он, однако же протянул лапищу и пожал мне руку.

Кажется, мне следовало бы пересчитать свои пальцы, но я не стал. Как бы то ни было, а это уже было лучше, чем когда я в прошлый раз покидал контору шерифа.

Придя на гостиничную стоянку, я сел в «кадиллак». Была некоторая возможность перехватить ещё Эмори и хоть немного с ним поговорить. В четверть десятого он сказал мне, что уезжает через час-другой, а было это полтора часа назад. Но если я перехвачу его до отъезда, он, может быть, и не станет так спешить со своей поездкой.

Подъехав к его дому, я постучал в дверь, но ответа не последовало. Любопытство побудило меня подёргать за ручку, в чём я тут же раскаялся, поскольку ручка повернулась, открыв дверь для входа. Я немедленно затворил дверь и огляделся.

В поле через дорогу паслась корова, украшенная коричневыми пятнами по белому, но на меня она не глядела.

Я выругался на Эмори, зачем он ушёл, не заперев дверь и тем самым вводя меня в соблазн; и что теперь было делать, как не войти внутрь! Слишком уж хороша была возможность проверить правдивость рассказа Рэнди Барнетта о гримёрном столике, зеркале в человеческий рост и театральных костюмах. Если Рэнди просто так это наболтал, значит, мне следовало и ко всему прочему, что я «узнал» от него, отнестись соответствующим образом.

Я ещё раз бросил взгляд на пятнистую корову и вошёл в дом. Дверь я оставил

полуоткрытой, будучи уверен, что таким образом вовремя услышу звук подъезжающей машины, чтобы быстренько спуститься вниз, в прихожую, и сказать, что дверь была открыта и я всего только минуту назад заглянул в дом посмотреть, есть ли кто.

Взбежав на второй этаж, я нашёл там три комнаты. Двери в две из них были открытыми; то были всего лишь самые обыкновенные спальни, а потому я сразу прошёл к закрытой двери. Толкнув её, я убедился, что она не заперта.

Нет, Рэнди не наврал и даже не преувеличил. Был там и проволочный самописец в углу, наверху мебельной горки с раскрытыми отделениями, полными катушек проволоки. Было там и зеркало в полный рост шириной четыре фута на стене, в то время как противоположная стена была почти совершенно скрыта за тремя стоявшими бок о бок платяными шкафами. Был там и гримёрный столик с креслом перед ним, а полки над ним были сплошь уставлены коробочками, баночками и флаконами.

Я открыл один из платяных шкафов и увидел добрую дюжину костюмов — римскую тунику для плеча Цезаря или Брута, мантию, могущую послужить Отелло, чёрную альмавиву... Полка поверх вешалок вмещала головные уборы под стать костюмам — корону, шлем из папье-маше, цилиндр и всё такое прочее. Я по очереди раскрыл и два других шкафа, желая бросить взгляд на их содержимое, и нашёл его мало отличающимся от увиденного в первом. Всего там находилось около тридцати костюмов. Не исключено, что психолог, располагая временем на то, чтобы сделать им смотр, мог бы составить описание личности Стивена Эмори на основании выбора им театральных ролей, но я не был психологом и не располагал временем.

Итак, рассказ Рэнди подтвердился. Я быстро отбросил вероятность, вполне, должен сказать, слабую, что и костюмы и само хобби принадлежали не Эмори, но самому Рэнди, прикинув несколько костюмов перед зеркалом к себе самому. Все они были пошиты на человека меньше моего роста. Рэнди был выше меня.

Я был бы не прочь проиграть парочку катушек на самописце, но не мог решиться потратить на это время. Я вернулся вниз и, бросив предварительно взгляд наружу из окна — убедиться, что кроме коровы по ту сторону дороги, никто не наблюдает за домом, — вышел на крыльцо и притворил за собой дверь.

Я обошёл дом, желая убедиться, что на дверях мастерской висит замок. Он был на месте. Окажись обратное, я вошёл бы внутрь проверить, нет ли там Эмори, а если бы его там не оказалось, то немного осмотрелся бы внутри.

А так я поехал обратно в город. Всё было путём; что-либо предпринимать у меня не было нужды — и возможности — вплоть до девяти вечера, кроме как назначить свидание Молли Кингмэн на следующий раз, когда вновь смогу с ней увидеться — это значит, как куплю какое-нибудь передвижное средство о четырёх колёсах и через недельку приеду к ней в Трмонт. Планировать далее того я не решился. На счету у меня имелось достаточно, чтобы оплатить покупку машину, а уж дальше!.. Зато на эту-то неделю я всё должен утрясти, перед тем как покинуть Трмонт — то есть, сегодня до вечера.

Сто миль — это большое расстояние, если вам предстоит мотаться по железной дороге; в автомобиле же, даже меньшем, чем «кадиллак», мне придётся тратить на это каждый день менее трёх часов.

Я поставил машину перед гостиницей; не позвонить ли было Молли немедленно? Нет, сказал я себе — сейчас лишь полдень. Поскольку разбирательство назначено на вторую половину дня, Кингмэн может оказаться дома, чтобы вкусить второй завтрак. Шериф не

упомянул, на какое именно время после полудня назначено разбирательство, но к двум-то он в любом случае покинет дом, и будет отсутствовать всю вторую половину дня.

Затем я подумал, не позавтракать ли мне с миссис Бемисс, но отказался и от этой мысли. Ведь я, скорее всего, и так поужинаю с ней вечером.

Я вошёл в вестибюль гостиницы; в моём ящике оказалось письмо, что меня удивило, поскольку ничего и ни от кого я не ждал. На конверте я узнал почерк дядюшки Эма, похожий на карябанье куриной лапы, когда Торговая Палата протянул его мне, и подивился, что бы такое могло случиться, что дядюшка вдруг взял и написал письмо.

Накарябано было на клочке писчей бумаги, которой у нас хватало в служебной комнате агентства: оперативникам иногда приходится писать отчёты. Текст был кратким:

«Эд, я тут немного обдумал то, о чём мы разговаривали утром за завтраком. Если к пятничному вечеру, когда истекут три твои дня, ты ещё не будешь доволен достигнутым результатом, дай мне знать и я приеду.

Уж потратим малость нашего личного времени в субботу, да и две головы лучше чем одна, если только они обе — не головки на чирьи. Ведь это первый твой самостоятельный выезд на службе у Старлока, и я хочу, чтобы он удался. В пятницу вечером я останусь дома, а потому если что — звони».

Милый дядюшка Эм! Чтобы подать мне руку помощи, ты готов испортить себе выходные! Только существовало ли нечто такое, что удалось бы ему, не удавшись мне? Я в этом сомневался. Сегодня вечером я сам смогу задать Эмори те вопросы, которые не пришли мне в голову вчера, а ведь только это и оставалось сделать. И ещё... я как раз подумал об этом, пока ел в ресторане второй завтрак.

Кое-что не удовлетворяло меня в том отчёте, который предстояло написать, но чтобы чётко осознать, что именно, потребовалось некоторое время. Теперь я видел это ясно. Выходило так, что у меня будет неокончательный отчёт. После всех тех вопросов, которые я задавал, и после всех тех дел, которые я переделал, я всё ещё не имел понятия, не мог ответить даже самому себе, был ли Эмори сумасшедшим или же гением.

Правда, я совершенно определённо вывел, что он не жулик, но наш клиент и так это знал либо в это верил.

Сегодня вечером, и никак не позднее, мне следовало чётко разрешить для себя эту загадку либо признать совершенное своё поражение. Так что же сможет дядюшка Эм такого, чего я не смогу, или что сможем мы с ним оба завтра, если я останусь в Тремонте и пошлю за ним, чего я не смог один?

Раскрыть убийство Фоули Армстронга, в надежде на то что оно каким-то образом может быть связано со Стивеном Эмори и его изобретением? Такая возможность виделась мне весьма зыбкой, и если даже не была таковой, я совершенно не представлял, как нам хотя бы приступить к этому в субботу ли, в воскресенье. После ланча я пошёл в библиотеку и читал до двух часов, частично чтобы убить время до того часа, когда с уверенностью можно будет сказать, что шериф убыл на разбирательство, а частично в надежде, что Молли вдруг возьмёт да придёт сюда, как раньше. Но она не пришла.

В два часа я бросил упражняться в терпении. Разыскав аптеку, я поспешил к телефонной будке, нашёл номер Кингмэна и сообщил его телефонистке.

Когда раздался голос Молли: «Алло», я произнёс в трубку:

— Молли, это Эд Хантер. Увидимся вечером?

— Эд! — Молли едва ли не ахнула. — Вы с ума сошли. Сюда звонить!

— А что мне делать, если я покидаю город? Для меня это последняя возможность увидеться с тобой. Я просто не могу возвращаться в Чикаго без того...

В ухе у меня раздался щелчок, и связи не стало.

Я тупо уставился на телефонную трубку, гадая, то ли это был обрыв на линии, то ли она повесила трубку. А если она, то почему? Не мог же я произвести на неё настолько плохое впечатление!

Я полез в карман за второй монеткой, но вдруг заколебался. Не означает ли всё это, что она боится своего отца? Или... меня пронзила иная мысль. Делится ли Кингмэн с родными своими делами на работе, на поприще шерифа? Сегодня утром он не шутя дал мне понять, что подозревает во мне маньяка-убийцу. Не внушил ли он и Молли подобную мысль обо мне? Не потому ли её голос звучал столь встревожено? Уж не решила ли она, что я намереваюсь выманить её из города, чтобы перегрызть ей горло? Но ведь в первый раз я же этого не сделал!

Что ж, по крайней мере был способ убедиться, что она на самом деле не пожелала со мной разговаривать, и что это вовсе не было случайным разъединением. Я вложил монетку и вновь назвал номер. Ответа не последовало. Я вслушивался в гудки до тех пор, пока операторша не произнесла: «Ваш номер не отвечает, сэр».

Я вынул монетку, отыскал номер «Тремонтковского представителя» и назвал его.

— Это Эд Хантер, миссис Бемисс, — произнёс я, когда она ответила на том конце. — Могу я поговорить с вами?

— Разве мы уже не разговариваем?

— Я имею в виду, с глазу на глаз. Кое-что мне удалось узнать, это важно для меня и конфиденциально.

— И не может подождать до ужина?

— Не может.

Она отчётливо вздохнула.

— Хорошо. В пятницу вечером у меня в редакции дурдом, так что мне полезно будет выскочить на пару минут, коли уж представилась уважительная причина. Ты где? В гостинице?

— Нет, за полквартала.

— Иди туда, где мы вчера пили мартини. Закажи для нас пару бокалов, да скажи Чарли, пусть льёт свой лучший вермут да голландский джин. Буду вслед за тобой.

Я вошёл в кабачок под вывеской Шлитца и занял кабинку. Миссис Бемисс прибыла точно в срок — секунда в секунду с мартини.

Она уселась напротив меня, после чего и я сел тоже.

— Ненавижу пятницы, — объявила миссис Бемисс. — Единственный день недели, когда я по-настоящему принимаюсь за работу — и обычно глубокой ночью. Нашёл что-то новенькое по делу Фоули Армстронга?

— Нет, но могу сообщить, кто главный подозреваемый. Это я.

— Ты, что ли, убил его?!

— Такого за собой не помню. А отчего же вы не освещаете ход разбирательства?

— Я, Эд, освещаю. — Тут миссис Бемисс бросила взгляд на свои наручные часы. — Оно начинается в три. Вероятно, отправлюсь туда прямо отсюда. Кингмэн сказал мне, что не собирается выводить тебя перед судом. Очень для тебя удачно.

— Знаю, — отозвался я, — вот только — с чего бы это он?

— А это у него так мозги работают. Он не может представить тебя суду без того, чтобы на деле не выплыло настоящей причины, отчего это ты вдруг заявился к Джебу О'Харе покопаться в его золе. И ещё есть, как мне кажется, одна причина — нечто такое, что тебе пришлось бы добавить в свидетельские показания, и что для него нежелательно. Ты с ним, случайно, не поцапался?

— Ох, — отозвался я. Совсем вылетело из головы, но теперь представлялось верным ответом. Шериф боялся, что если я предстану перед судом, то, вероятно, не упущу этой прекрасной возможности объявить для внесения в документы публичного характера, под присягой, о том, что он сделал со мной вечером в среду, после того как я заявил о нахождении трупа, а так же что я сделал с ним утром в четверг.

— Значит, я угадала, — подытожила миссис Бемисс. — Приближаются выборы. А уж он знает, что я напечатаю — и поступлю совершенно правильно — всё, что попадёт в документ публичного характера. Так что же произошло?

Перед тем как рассказать ей, я взял с неё слово не печатать о том в газете. Когда я закончил, она захихикала:

— И ты ещё удивлялся его желанию держать тебя подальше от всяких разбирательств! Я в тебе разочаруюсь, Эд.

— Но я вовсе не собирался выносить это на обсуждение. С какой стати вообще упоминать и тот эпизод, и другой, а? Правда, он не знал, каковы мои намерения. — Впрочем, с той минуты как речь зашла об этом Кингмэне, я всё не терял надежды, что мне удастся свернуть речь и на других Кингмэнов, чтобы выяснить всё, меня интересующее, и в то же время не выдать себя. — Расскажите мне об этом Кингмэне побольше, — попросил я. — Он как личность мне любопытен.

— Он, Эд, не подарок, но и не столь уж плох, как тебе могло показаться на основании собственного опыта. В нём есть что-то от громилы, но мне кажется, это от того, что глубоко внутри он трусоват. Ему представляется, что он непременно должен прыгать на людей и разыгрывать из себя крутого. В тот вечер он, вероятно, сперва пытался прессовать тебя словесно, верно ведь?

— Верно.

— А ты не поддался, если я правильно мыслю. Вот он тебя и взгрел. Если не ради тебя самого, то ради той истории с разорванным горлом у трупа, которую ты ему поведал. Одно

уже это — не та вещица, которой шериф обрадуется, а тут ещё и труп пропадает; он решил, что ты над ним издеваешься, и — последовала реакция. Впрочем, он и без того ненавидит частных детективов. А так — неплохой парень...

— Никогда бы не подумал, — проговорил я, усмехнувшись, — что бывшая работница ярмарки скажет такое про копа.

— Ты что же, оторвал меня от работы, — хоть, честно говоря, я этому только рада — чтобы мне это сказать? Или ты действительно хочешь вызнать нечто-то такое, что мне известно, а тебе нет?

Только бы мне не сбить её с темы Кингмэна, думал я; вот-вот и впрямь выяснится нечто скрытое; только бы не подставиться!

— Но продолжим. Вы заинтересовали меня этим Кингмэном. Что он такое как личность? Например, не бьёт ли он свою жену?

— Кто, Джек Кингмэн? Души в ней не чаёт.

— Продолжайте, — сказал я.

— Чего продолжать-то? Что тебе нужно знать?

Я вздохнул.

— Что ж, вы победили. Я познакомился с Молли Кингмэн. Расскажите мне о ней. Давайте, я отброшу стеснение и признаюсь, что о ней-то мне и хочется узнать больше всего.

Миссис Бемисс на несколько секунд уставилась на меня через стол; её лицо посерьёзнело. Наконец она произнесла:

— Ты что, Эд, с ума спятил?

— Вот и она то же сказала. Но почему? Разве она насколько подавлена своим отцом, что даже по телефону поговорить не смеет? Этот Кингмэн настолько её ущемляет?

Миссис Бемисс на секунду зажмурилась, затем вновь открыла глаза и воззрилась на меня.

— Молли Кингмэн — жена Джека Кингмэна!

— Ох, — только и оставалось сказать.

— Да как, Эд, тебе только в голову взбрело...

— Дайте-ка собраться с мыслями, — попросил я. Но я не стал собираться с мыслями — мне вовсе не того хотелось в данную минуту. Я продолжал изливать душу. — Мы познакомились с ней в библиотеке, и она представилась как Молли Кингмэн. Шериф — ведь он же гораздо старше её... Сколько ему лет?

— За тридцать. Выглядит, возможно, старше, но таков его тип. Молли где-то двадцать четыре, хотя она-то выглядит моложе.

Да уж, вижу, как это с тобой произошло... Они уже лет пять женаты; ей тогда было, вероятно, девятнадцать, ему же где-то двадцать девять. Три года назад у них родилась дочь. Моллина мать живёт вместе с ними; если Молли оказалась в городе, когда вы с ней встретились, значит, она оставила Джеки — Жаклин — с бабушкой.

Я медленно произнёс:

— Неудивительно, что Молли решила, будто я сошёл с ума. Я как-то сказал, что шериф Кингмэн занят в другом месте, и... уж конечно, она решила, что мне известно, что он её муж. Неудивительно, что сегодня она бросила трубку, не дав мне договорить. Боже милостивый!

— Ты виделся с ней лишь раз, в библиотеке?

— Дважды, — признался я. — Оба раза я заходил за ней в библиотеку. Оба раза она

подменяла свою подругу, работницу библиотеки, которая отлучалась по делам. — Я не видел никакого смысла в том, чтобы рассказывать миссис Бемисс, что во второй раз у нас с Молли было чуть ли не назначенное свидание. Как и о нашей совместной поездке за город. И тем более о том, что я её поцеловал. — Не смотрите на меня так, — сказал я. — Лучше уж поднимите меня на смех. Поделом мне.

Она, однако, не смеялась.

— И ты, Эд, на самом деле в неё влюбился? Нет, серьёзно?

— Каким образом, увидевшись с ней лишь дважды? Просто понял, что дайте мне время, и я влюблюсь обязательно.

Но правдой ли было, что я находился лишь на подступах к влюблённости в Молли Кингмэн? Выяснить это надо было раньше, до того как я получил потрясение. Сейчас мне не было больно. Говорят, что в первую минуту как вы получаете пулю, вам не больно; боль приходит постепенно.

Миссис Бемисс взглянула на свои наручные часы и позвала буфетчика, чтобы он принёс нам ещё по мартини.

— Не падай духом, — сказала она мне. — Ты ведь сам сказал, что крепко влюбиться так быстро невозможно. Ну, перестань делать вид, будто мир рухнул.

— Как же они с Джеком Кингмэном уживаются? — спросил я.

— Прекрасно, насколько я знаю. — Миссис Бемисс подалась вперёд. — Слушай, Эд. Ты очень привлекательный молодой человек. Любая женщина не прочь будет чуток с тобой пофлиртовать, но это ещё не означает, будто она несчастна в семейной жизни. Молли, должно быть, немного пофлиртовала. Только и всего.

— Наверно, — сказал я и тут же умолк, поскольку прибыли наши мартини. Когда буфетчик удалился, миссис Бемисс внимательно взглянула на меня.

— Вот что, Эд. Теперь, когда ты знаешь...

— Не беспокойтесь, — ответил я. — Теперь, когда я знаю, и делу конец. Больше не дам ей повода бросать трубку.

— Тогда за твоё здоровье. Так что там с делом о тремонтовском убийстве? Хочешь сказать, что возвращаешься в Чикаго, так и не раскрыв его для газеты?

— Именно это и хочу сказать. Честно говоря, я даже не знаю, с чего начать.

— Тогда с какой стати ты притворяешься частным детективом?

— Я и сам начинаю удивляться.

Миссис Бемисс нахмурилась.

— И всё-таки ты знаешь, Эд Хантер. Предположим, что тебя направили сюда расследовать это убийство, а не изобретение Стивена Эмори. Как бы ты принялся за дело?

— Полагаю, что отправился бы в дом Фоули Армстронга и поговорил с его женой. Я бы выяснил о нём всё что можно, в особенности — не было ли у него врагов и не получал ли кто-либо выгоды от его смерти. Проследил бы его передвижения по городу в среду после обеда и порасспросил всех тех, кто мог оказаться у него на пути по дороге домой. Проверил бы его отношения с Джебом О'Харой. Иными словами, проделал всё то, что сейчас, возможно, проделывает Джек Кингмэн.

— И всё же я полагаю, Эд, что тебе удалось бы лучше. За ломаный грош я наняла бы агентство Старлока, чтобы тебя оставили здесь на недельку проделать всю эту работу.

— Ломаным грошом вы бы не отделались. Парой сотен баксов — другое дело. И я не думаю, что вы бы потратили деньги с пользой. Оставьте затею, если вы говорите серьёзно.

Миссис Бемисс вздохнула.

— Хотела бы я. И чтобы «Представитель» сам проделывал такую работёнку. Ну, всё: надо идти, иначе я пропущу разбирательство. Ужинаем вместе? Можешь не отвечать; всё равно я буду ужинать здесь (у Чарли сносная стряпня) примерно в шесть-тридцать. Задержишься в городе, так приходи непременно.

Когда она ушла, я подошёл к буфету и заказал ещё выпивку. Чарли произнёс:

— Великая женщина. Чтоб и я, когда мне будет за шестьдесят, чувствовал себя так же молодо.

— Чтоб я чувствовал себя так же молодо сейчас, — отозвался я.

Чувствовал я себя препаршиво, но не хотел о том говорить, а потому отошёл от буфетной стойки, всунул пару монеток с музыкальный автомат и прослушал секстет Бенни Гудмэна. Но на этот раз даже он не вернул мне настроения.

Нет, выговориться мне было необходимо, но в Тремонте не было такого жителя. Мне так сильно захотелось повидать дядюшку Эма, что я едва сдержался, чтобы не ринуться прямо в Чикаго на своём «кадиллаке». Было только три часа дня; туда я приехал бы в шесть, и к девяти мы оба были бы снова здесь — как раз чтобы успеть на последний разговор с Эмори.

Но это, как я прекрасно понимал, означало бы просто обойти проблему. Факт остался бы фактом, что я не справился с первым же самостоятельным заданием — и с самим собой в придачу. Полностью выпустил дело из своих рук. Разумеется, мне следовало попытаться выяснить, что произошло с Фоули Армстронгом. Какого чёрта я отнекивался, что будто бы это не моё дело? Кто, в конце концов, обнаружил труп, если не я?

Несомненно, то была работа шерифа, но и я был заинтересован в благополучном разрешении загадки. Может быть — прямо заинтересован; откуда мне было знать, что смерть Фоули каким-либо образом не связана с той задачей, которую поставили передо мной, посылая сюда? Вот именно — поставили передо мной! А что я реально сделал, кроме того что разок поговорил с Эмори да условился поговорить с ним вторично? Да захоти Бен Старлок знать, каким образом я потратил три дня на два интервью — при том что во втором из них не было бы нужды, если бы у меня хватило ума задать нужные вопросы ещё в первый раз, — каково мне будет объясняться? Признать, что я пытался соблазнить шерифову жену?

Тут мои мысли вновь свернули на Молли.

Этот вопрос тоже следовало обдумать, а поскольку выпивка не помогла, я покинул кабачок. Сев в «кадиллак», я повёл машину из города. Непроизвольно я поехал тем же путём, как и с Молли днём раньше. Я даже остановил машину и развернул её в том же самом месте; на этот раз, правда, я не поцеловал Молли и не двинулся в обратный путь, а просто сидел в автомобиле, глубоко задумавшись.

Сердце моё пострадало, но страшного ничего не произошло. Никогда я и не был влюблён в Молли, но в некую воображаемую девушку, которую, как я думал, зовут Молли Кингмэн и которой я придал черты Молли Кингмэн — лицо, фигуру, голос.

Как бы то ни было, а больше я не стану видеться с ней и даже объясняться по телефону. Объяснения теперь только повредят.

Выкинув, таким образом, произошедшее из головы... ну, по меньшей мере разложив по полочкам и пересыпав нафталиновыми шариками, я тронулся в город. До начала седьмого я убивал время у себя в комнате, составляя отчёты за среду и четверг.

Когда я пришёл к Чарли, миссис Бемисс была уже там.

— Садись, Эд. Я заказала выпить на двоих.

— И что б вы делали, если бы я не пришёл?

— Сама бы всё выпила, что ж ещё! Ну, как? Не раздумал пуститься вечером в путь?

Я покачал головой.

— Гордиться, Каролина, мне нечем, но сейчас уже слишком поздно что-либо предпринимать. Если бы я полагал, будто от меня будет прок, я бы и за свой счёт остался на неделю.

Миссис Бемисс вздохнула.

— Думаю, ты прав. Мне, во всяком случае, от тебя не будет проку — ну, если ты чего-нибудь не нароешь ещё этим вечером. А так — Джек Кингмэн позаботится об остальном. Он не слишком ловок и не блещет умом, но, не исключено, справится. Постепенно. У тебя, правда, есть перед ним одно крупное преимущество.

— Какое же?

Она подалась над столом в мою сторону и понизила голос:

— Ты знаешь, что ты этого не совершал. Кингмэн, я полагаю, воображает, что ты, скорее всего, совершил. Только он сообразил, что коли так, то он не может этого доказать, поскольку не нашёл против тебя никаких улик. И он, по-видимому, даже рад, что ты покидаешь город, поскольку доведись тебе убить ещё кого-то, это случится уже не в Тремонте.

— И уж конечно, — усмехнулась она, — он с ещё большей радостью избавился бы от тебя, прознай только, что ты заигрывал с его женой.

— Вы злая старуха, — ответил я. — Я заигрывал с его дочерью, иначе не стал бы.

— Ладно, оставим. Оставим и убийство тоже. Расскажи мне об Эме Хантере и о той ярмарке, на которой вы оба подвизались.

На этой теме мы и сосредоточились, пока ели. В шесть тридцать миссис Бемисс объявила, что ей пора возвращаться к газетному номеру; работать над ним она собиралась до первого часа, а затем отправляться спать. Я проводил её через улицу, а затем, поскольку мне предстояло убить ещё час, прошёлся по Тремонту, чтобы бросить на него последний и не слишком приятный взгляд. Я тешил себя надеждой, что мне более не приведётся посещать его, разве что ради миссис Бемисс. Тремонт, думалось мне, навсегда запомнится мне как место, где я совершил сразу несколько глупостей во время своего первого расследования.

Мне даже не было нужды вновь проезжать по городу. Чемодан мой находился в «кадиллаке», и комнату в гостинице я сдал ещё до того, как встретился с миссис Бемисс за ужином.

У меня оставалась одна последняя попытка — последняя встреча с Эмори — чтобы более или менее выправить положение, чтобы мой отчёт для Жюстины не вышел совсем плох. Если мне удастся провести с Эмори три конструктивных часа, то уж по крайней мере за эти три часа из всех трёх дней можно будет гордиться.

Когда я сел в «кадиллак», было всё ещё сравнительно рано, так что я решил покататься. Был прекрасный лунный вечер — полная луна, у горизонта просто огромная, сияла над самыми верхушками деревьев. Затем её заслонила густая тьма располагавшегося вдоль дороги фруктового сада, и я снизил скорость, чтобы всмотреться в темноту под кронами, вновь пытаюсь выхватить взглядом ту расплывчатую картину, что я увидел тогда, в среду ночью. Светлый овал лица — но человеческого ли? Или одна лишь игра воображения? Но

рык не был одной игрой воображения, в этом-то я был уверен. А уж если допустить, что тот светлый овал мне не привиделся, то располагался он именно на такой высоте от земли, что вполне мог оказаться лицом какого-то стоявшего там человека.

Но больше мне ничего там не привиделось, и я не стал останавливаться. Продолжая ехать, я бросил взгляд на светящуюся панель приборной доски. До девяти оставалось двенадцать минут; торопиться не следовало.

А потому я миновал жилище Эмори и проехал вперёд. Не то чтобы было так уж неудобно прибыть за четверть часа до назначенного срока, просто я внезапно понял, что не распланировал своё интервью как следует. Прошлой ночью я провел с Эмори больше часа и упустил задать ему единственный важный вопрос из всех, которые только мог задать. Не пропустить бы мне чего-нибудь и сегодня, ведь эта попытка будет уже последней.

Впрочем, Эмори меня, кажется, ещё и не ждал: у заднего входа — там, где располагалась кухня, — свет горел, а переднее крыльцо было тёмным. Поэтому сворачивать на подъездную дорожку я не стал. Я проехал ещё полмили по другой боковой дороге в поисках места, где удалось бы развернуть машину, а развернувшись, я просто припарковался у края дороги и закурил сигарету.

Но чем более я думал над своей задачей, тем более убеждался, что тот вопрос, который я упустил задать, был единственным по-настоящему важным для всего дела: какая от того прибора впоследствии коммерческая выгода? Ведь не был же он разработан для того лишь, чтобы принимать сигналы с Юпитера; то было, если не одной фикцией, то всего лишь побочным результатом. Правда, настолько потрясающим, что я совершенно забыл главный пункт своего расследования.

Только был ли всё же этот пункт с Юпитером не столь важным? Коммерчески — разумеется, не важным. Однако...

Я постарался выбросить всё из головы и потянулся к ключу зажигания. Но в следующую секунду моя рука отдернулась; с ошеломляющей внезапностью я понял, каков будет ответ на вопрос об этом сигнале с неба.

От простоты решения у меня по спине даже холодок пробежал. Ответ был столь очевиден, что лишь по чистой случайности я вообще о том подумал.

Рамочная антенна, направленная под углом в семьдесят пять градусов к горизонту, ведь получается направленной в обе стороны. Она ориентирована на Юпитер — если сигналы приходят в то время, как Юпитер находится в небе под таким же углом, — но также она ориентирована и в землю. Она направлена в пол с таким же успехом, как и в потолок.

Я осмотрел потолок и крышу на предмет каких-нибудь проводов, которые могли бы сыграть роль передающей антенны, но не заглядывал под доски пола.

А это означало наличие ещё одного, скрытого где-то передающего устройства, аналогичного тому, что было установлено на рабочем столе; это второе мы тогда выключили. И то, другое, устройство должно находиться где-то под полом либо скрываться в ином месте — не исключено, что даже в доме, — и быть связано с антенной под полом таким образом, чтобы сигналы казались приходящими с неба.

Такая простая схема могла быть с такой же простотой и разоблачена. Вот в чём оказывалась теперь моя задача! Если догадка верна — а я чувствовал, что она верна, — мне оставалось только сказать всё Эмори, выяснить всё на деле — и у меня в кармане оказывался материал для отчёта Жюстине, вполне оправдывавший те средства, что были уплачены ею агентству Старлока за мою службу.

Взгляд на приборную панель показал мне, что до девяти оставалось три минуты — время пускаться в путь, если я желаю появиться в доме вовремя. Но я послал точность к чёрту; опоздание в несколько минут не испортят дела. Ближайшие десять минут мне нужны были для того, чтобы мой разум укрепился в этой новой мысли, только что в нём поселившейся. Как — если это возможно — связать эту новую мысль со смертью Фоули Армстронга?

Выходило ли так, что Стивен Эмори не просто сдвинутый, но психически больной? В час убийства Фоули Армстронга Эмори был один, в своей машине. Он был один также в тот час, когда тело Армстронга исчезло с Дартаунской дороги. В свой дом в среду вечером он прибыл спустя значительное время после того как я пришёл к нему. За это время он не успевал перенести труп в сарай О'Хары, но этого и не требовалось. Труп мог лежать у него в багажнике, в то время как мы с шерифом Кингмэном занимались его поисками. А позднее той же ночью, когда мы с шерифом вернулись в город, Эмори мог переправить тело в сарай О'Хары и поджечь сарай. Всё сходилось, будь только Эмори ненормальным.

Я вышел из машины и прошёлся вдоль дороги назад; голова настолько шла кругом, что и телу потребовалось подвигаться. А прогулка всегда помогает думанью.

Только этот поступок оказался ошибочным, поскольку в отдалении от машины я оказался один-одинёшенек на залитой лунным светом сельской дороге. И предмет моих мыслей наводил на меня страх.

Пока сидишь в закрытой машине, ничто не мешает спокойно размышлять о человеке, настолько безумном, чтобы убить другого человека, перегрызая ему горло, но когда стоишь вот так в одиночестве на пустынной дороге, спиной к неизвестности, то объективности мыслям уже будет не хватать. Не станут ваши мысли следовать прямой колее рассудка. Они пощипывают вас за загривок, понуждая то и дело оборачиваться, чтобы бросить взгляд за спину.

Мне даже не помогло, когда я наклонился, чтобы поднять с обочины деревянный дубец. Мой дубец взял и ускользнул куда-то в кювет; он был чем-то иным.

Я бросил думать — время для обдумывания подобных вещей было самое неподходящее. Следовало отложить это на потом, либо поднять этот вопрос в разговоре с Эмори. Я вернулся в машину и поехал к нему.

Дом выглядел точно так же как и четвертью часа ранее, когда я проехал мимо: единственный в доме свет горел где-то на кухне. Я взошёл на крыльцо и постучал. Кто-то (не похожий на Эмори по голосу) произнёс: «Войдите».

Я раскрыл дверь, ведущую в затемнённую прихожую, и прошёл к светившемуся входу на кухню. Только до этого места я и дошел: там я встал как вкопанный, поскольку на кухонном полу лежало человеческое тело. По его лицу трудно было распознать Рэнди Барнетта, но о причине смерти догадаться не составляло труда. Горло было разорвано ещё сильнее, чем тогда у Фоули Армстронга, но так мне могло лишь показаться из-за того, что Армстронга я видел при одном только лунном свете, а здесь всё было освещено ярким, безжалостным светом электрической лампочки.

У себя за спиной я услышал лёгкий звук и попытался обернуться, одновременно втягивая голову в плечи. Было слишком поздно.

Насколько же глубоко можно впутаться... И запутаться тоже — в обстановке. Я чувствовал, что лижу ничком на холодной и сырой земле, а мои ладони, как и лицо, вымазаны липкой грязью. Кругом был крошечный мрак, а поскольку я находился вне стен человеческого жилья, то это означало, что некто либо стащил луну с неба, либо ослепил меня. Голова нестерпимо болела, а где-то, далеко-далеко от того места, где я сейчас лежал, раздавались голоса — два человека о чём-то возбуждённо спорили. Признать их по голосам мне не удавалось.

Но несмотря на то, что порог яви был так близок, моё сознание всё ещё заполняли грёзы или галлюцинации: будто бы я сейчас в Чикаго, в особняке Жюстины Хаберман. Я, вероятно, уже отчитался перед ней по нашему делу, поскольку его мы не обсуждаем. Всё идёт гладко, за одним, впрочем, исключением: каким-то образом я одновременно спорю с дядюшкой Эмом; самого дядюшки Эма тут нет, и всё же я с ним каким-то образом спорю. А спор вот о чём: был ли я последователен в своих действиях в отношении замужней женщины, когда решил обходить Молли Кингмэн за километр, раз уж она оказалась замужем. Дядюшка Эм посмеялся с меня и объявил, что я не представляю себе отличия мальчишеского увлечения от страсти зрелого мужчины, с Жюстиной же не было проблем, поскольку я совершенно не думал, будто бы я влюблён в неё, а она влюблена в меня, так что кого это могло задеть? Я уже пытался придумать ответ на дядюшкины слова, но ответ не шёл. Правда, я мог бы сказать, что решительно уже не беспокоюсь о Молли Кингмэн и что Жюстина женщина весьма привлекательная и желанная. Вероятно, мне и следовало дать некий ответ в этом духе.

Но сквозь грёзы, сквозь темень и налипшую грязь всё громче доносились те голоса. В голове стучало всё сильнее, и наконец Жюстина, дядюшка Эм и Чикаго испарились, а я вновь оказался в Тремонтте.

И валялся на земле. Ни вспомнить, как я сюда попал, ни сообразить, где я и почему так темно. Уж ослеп ли я на самом деле?!

Ужас, возникший из этого предположения, помог мне очухаться. Я перевернулся на спину и уставился вверх. Нет, с глазами у меня всё было в порядке: я различил ошмётки небесного свода сквозь небольшие разрывы в том, что наверняка было лиственной сенью над головой. Я лежал под деревьями или под высокими кустами.

Приподнявшись на локте, я опасливо потрогал руками голову. Затылок лучше было не трогать — там сильно болело, да и вся голова буквально раскалывалась, но ни порезов на коже, ни переломов я не ощутил. Ни даже шишки или припухлости. Меня, должно быть, ударили чем-то тяжёлым, но мягким, наподобие мешка с песком, и сила удара распределилась по широкой площади.

Ударили — и я потерял сознание. Но что случилась затем, и где я находился? Я сел.

Голосов было не слышать. Нет, они вновь послышались, и на этот раз сознание настолько вернулось ко мне, что я мог их признать. Во всяком случае, один из голосов; то был шериф Кингмэн. А второй, несомненно, принадлежал его помощнику, Вилли Эклунду. Голоса раздавались на расстоянии ярдов двадцати или тридцати; о чём оговорили эти люди, мне разобрать не удавалось.

Я вытянул руки в стороны, и одна из них коснулась ствола дерева, дюйма в три

диаметром. Опираясь об этот ствол, я поднялся на ноги; в результате моя голова оказалась выше уровня кустов, и я смог оглядеться.

Я стоял посреди кучи кустов и деревьев, которую не раз примечал с той же стороны дороги, по которую находился и дом Эмори, ярдах в двадцати от него. Теперь, стоя в полный рост, я мог видеть сам дом — ярко освещённый снизу доверху. Мой «кадиллак» всё ещё был припаркован на подъездной дорожке; бок о бок с ним стояла машина Кингмэна.

Ни шерифа, ни его помощника я в первую минуту не увидел; но затем моё внимание было привлечено звуком, как будто кого-то стало рвать, и я взглянул в сторону фасада; на крыльце виднелась фигура Эклунда, перегнувшегося через перила. Это означало, что он нашёл Рэнди Барнетта; отлично. Но схватили ли они Эмори, или тот всё ещё был на свободе?

И почему, кстати говоря, я сам всё ещё жив? Эмори, должно быть, огрел меня мешком с песком, в ту минуту как я склонился над Рэнди, а затем перетащил меня под эти деревья, да и оставил тут, но зачем? Он, конечно, психически больной, но такое поведение не вписывалось в его образ действий. Ведь горло у меня целёхонько!

Оттуда, где я стоял, входная дверь не была мне видна, но я слышал, как Кингмэн вышел из дома; вот он показался на крыльце. В одной руке он держал фонарик, а в другой револьвер. Это, разумеется, значило, что Эмори они не нашли и всё ещё искали его.

А в этом деле я с удовольствием окажу им помощь, пусть только ноги снова начнут меня слушаться. И хорошо, если пистолет и фонарик Жюстины всё ещё в «кадиллаке».

Я попытался позвать шерифа по имени, но сперва следовало прочистить горло — звуки, вылетевшие из него, напоминали кваканье лягушки. Только Кингмэн услышал; он развернулся, и свет его фонарика заплясал по мне. Впрочем, в мою же сторону повернулось и дуло его револьвера.

Продравшись сквозь кусты, я направился в его сторону. Мне казалось, что с моим появлением шериф должен тот час же опустить свой револьвер — не мог же он меня не узнать; но он не опустил револьвера. Наоборот: он подался на шаг назад и ещё больше вскинул револьвер. При этом его рука задрожала. Шериф крикнул: «Стоять!»; я замер. И ещё — поскольку мне не хотелось быть застреленным, а по выражению шерифова лица я понял, что он в любую секунду готов нажать на курок — я поднял руки.

— Матерь Божья! — воскликнул Кингмэн; он был испуган, причём настолько, что слова его прозвучали молитвой, а не ругательством. Краем глаза я заметил, что Вилли Эклунд перескочил через перила крыльца и бежит теперь к нам. В руках он тоже сжимал фонарик и револьвер, и руки, державшие их, были направлены на меня как вилы.

Лицо у Эклунда было каким-то зелёным. Я вначале подумал, что оно просто измазано в той блевотине, которую он изрыгал, повиснув на перилах крыльца, после того как увидел в доме Рэнди с разорванным горлом. Но теперь я отметил, что чем больше Эклунд на меня смотрел, тем зеленее становился. Выходило, будто он страшно напуган, и с каждой секундой ужас всё больше им овладевает.

Я тоже перепугался — в основном оттого, что так напугал их. Судя по тому, как они оба на меня пялились, можно было подумать...

В это мгновение у меня мелькнуло желание взглянуть на свои задранные вверх руки. То, в чём они были измазаны, — это была вовсе не грязь. Их толстым слоем покрывала липкая кровь, тёмнокрасная в ярком белом свете двух фонариков, устремлённых на меня.

Лица своего я видеть не мог, но в том и не было нужды — я уж знал, на что оно похоже. Если грязь на моих руках оказалась кровью, то и грязь на моём лице — размазанная, как я

теперь почувствовал, большей частью вокруг губ, тоже была кровью.

Становилось ясно, отчего они так меня боятся, и я даже не мог их за то упрекнуть. Я прочистил горло и попытался придумать, что сказать. В голову мне пришло вот что:

— Пусть мой внешний вид вас не обманывает. Я никого не убивал.

Мои слова пропали втуне. Завой я как волк, своим вниманием они бы ещё меня почтили — и, скорее всего, выпустили в меня все до одной пули из револьверов. Но на человеческие слова они не отреагировали.

Эклунд обошел меня кругом, Кингмэн приблизился спереди. Один револьвер ткнулся мне посреди спины, второй оказался упёрт мне в живот. Стоило им нажать на курок, они застрелили бы друг дружку — только проделали бы это через меня, и пользы мне от того не было бы никакой. Я стоял не шевелясь и пытался придумать правильные слова. Жизнь моя уподобилась десятицентовику, балансирующему на ребре где-нибудь на прилавке красного дерева, — легонько толкни, и он повалится в ту сторону или в другую. На лицах обоих читалась паника. Что ж, существовала одна вещь, которую я хотел знать, и разумный вопрос, скорее всего, окажется лучше уверения, которому они всё равно не поверят. Я спросил:

— Вы отыскиали Эмори?

С таким же успехом я мог сказать это по-португальски.

— Проверь его карманы с левой стороны, — сказал Кингмэн, — а я проверю с правой. — И две левые руки принялись шарить по мне.

— Есть, нашёл, — сказал Эклунд. Самый его голос, казалось, имел зелёный оттенок. Я опустил взгляд на его руку, извлечённую из левого кармана моего пиджака. Рука сжимала нож для разрезания бумаги с салатовой ониксовой ручкой и лезвием из полированной бронзы — металл кое-где просвечивал сквозь размазанную по нему кровь.

Я взглянул на нож только мельком. Эклунд произнёс:

— Вещь Эмори, всё верно; я видел его на столе в передней комнате.

— Положи его в машину, Вилли, — сказал шериф. — Заверни аккуратно. Там у меня нет наручников, но имеется крепкий шнур. Принеси его, мы свяжем ему руки; не хочу рисковать, везя его в машине несвязанным.

Вилли Эклунд побежал к машине, Кингмэн же, оставшись со мной наедине, уделил мне все сто процентов своего внимания. Шевельни я только пальцем, он неминуемо стал бы стрелять; промазать ему было невозможно, поскольку дуло револьвера по-прежнему упиралось мне в живот.

Я попытался с ним поговорить, но это ни к чему не привело — шериф меня не слышал. Я бросил это дело; мне следовало дожидаться, пока он не доставит меня целым и невредимым к себе в контору. Там, когда мне позволят смыть кровь и я уже не буду выглядеть так устрашающе, он начнёт задавать вопросы и у меня будет возможность отвечать и быть услышанным.

Эклунд вернулся и вновь зашёл мне за спину.

— Сложи руки вместе у себя за спиной, — проговорил Кингмэн. — Медленно и спокойно.

Я осторожно опустил руки и почувствовал, как вокруг них обматывают шнур и завязывают его узлом.

— Не так туго, Вилли, — сказал я. — Это нарушит циркуляцию крови.

Вилли принялся усиленнее стал мотать шнур и завязывать новые узлы.

— Достань свой платок, Вилли, — приказал Кингмэн. — И на вот, возьми мой.

Перевяжи ему рот.

— А? — не понял Вилли. — Зачем? Не станет же он звать на помощь. А если даже начнёт вопить, то что изменится?

— Да не голос его меня волнует, — зловеще проговорил шериф. — Его зубы! Даже сс связанными за спиной руками... видел, что там в доме делается?

Ткань туго пролегла через мой рот и была стянута в узел на затылке. Крепко стянута; разговаривать я уже не мог, но это шнур на запястьях беспокоил меня сильнее. Кровообращение было почти совершенно нарушено.

Шериф Кингмэн сделал глубокий вздох и отступил на шаг.

— Присмотри за ним, Вилли. Я пойду позвоню доктору Корделлу, чтобы приехал. — И Кингмэн направился к дому.

Я безумно надеялся, что Корделл явится быстро. Как доктор, он непременно должен будет взглянуть на этот шнур на моих запястьях, и это был для меня шанс не потерять рук. Помню, я от кого-то слышал, что любой жгут следует накладывать не более чем на десять-двенадцать минут, после чего начинается разложение тканей или гангрена, или отравление кровью — что-то в этом роде, влекущее к параличу или даже к ампутации. А этот шнур у меня на запястьях был туже любого жгута.

А потому я только стоял и молился, не имея возможности попросить Эклунда как-нибудь ослабить шнур. Так прошло минут пять, и тянулись они для меня часами. Мои руки начали пульсировать.

Забавно, но я не беспокоился насчёт того, что меня подозревают в убийстве. У меня была прекрасная возможность оказаться застреленным в первое же мгновение как я попался им на глаза; но теперь такая опасность осталась в прошлом, и выяснение всех обстоятельств было лишь вопросом времени. Ну, проведу я неприятную ночь в камере; ну, буду допрошен с пристрастием — а я не заглядывал вперёд в отношении шерифовых методов ведения таких допросов, — но правда всё равно выйдет наружу. Кингмэн полагает, что я ликантроп, но любой психиатр — а они должны будут вызвать такового, чтобы он меня обследовал, — скажет им, что я нормальный. А как только это будет установлено, то даже Кингмэн увидит, что у меня не было ни малейшего мотива, здравого мотива, для убийства как Фоули Армстронга, так и Рэнди Барнетта.

К тому же, задолго до того, как они отправят меня на казённое содержание, Эмори как-нибудь да проявит себя. Ведь это Эмори натворил; Эмори в пьяном виде. Не было никакого здравого мотива, могущего объяснить его действия — разве что за исключением его сегодняшней попытки свалить вину на меня. Долго так не протянется.

Да, всё обстояло не так уж плохо, вот только минуты бежали, а шнур, казалось впивался мне в запястья всё сильнее.

Скорее б они везли меня в тюрьму! Там же меня непременно развяжут. Не знал я, что можно так страстно желать, чтобы тебя отвезли в тюрьму! Но вот окно с нашей стороны дома распахнулось, и Кингмэн высунул голову.

— Корделл прибудет в течение получаса. Как он себя ведёт? Сможешь сам посадить его в машину?

— Смогу, но в одиночку я его не повезу.

— Посади его в машину. Я сделаю ещё один звонок. Хочешь, я позвоню твоей жене и скажу ей, что кое-что случилось и ты вернёшься домой очень поздно?

— Позвони, Джек. И скажи, что я вовсе не сижу за игрой в покер.

Кингмэн исчез в окне, а Эклунд тычком револьвера вынудил меня двинуться к машине шерифа. Там Вилли открыл заднюю дверцу, я сел в машину. Не закрывая дверцы и стоя одной ногой на подножке, Эклунд положил револьвер себе на колено, но дула с меня не спускал. По его лицу было видно, что он всё ещё объят ужасом.

Сквозь носовой платок я попытался объяснить ему про шнур, но смог только хрюкать. Это напугало его ещё сильнее.

Я взмок. С того момента, как меня связали, прошло не менее пяти минут. Ещё пять минут уйдёт у Кингмэна на то, чтобы сделать два звонка. И от десяти до пятнадцати минут, если он заведёт с кем-нибудь разговор либо же линия окажется занята. Да ещё пятнадцать минут, чтобы доставить меня в город, где они только и смогут решиться меня развязать. На всё про всё полчаса, а это вдвое дольше, чем следует. Теперь мои пальцы пульсировали меньше, из чего выходило, что они теряли чувствительность. Я постарался растереть их у себя за спиной, чтобы восстановить остатки кровообращения.

Тут мои пальцы коснулись чего-то твёрдого и круглого; у них осталось ещё достаточно осязания, чтобы я распознал фонарик, другой, дополнительный, лежавший на заднем сиденье, и во мне зародилась отчаянная надежда. Если мне удастся открутить переднюю крышку и удержать в пальцах стеклянный кружок, защищающий лампочку, то не исключено, что его толстым краем я смогу перерезать шнур и спасти свои пальцы.

Правда, тут существовала опасность иного рода. Если я высвобожу руки, и Кингмэн либо Эклунд это заметят, меня могут и пристрелить. Но если я не освобожу своих рук...

К тому времени, как Кингмэн вышел из дома, мне удалось открутить передний колпачок. Казалось, прошло целых пятнадцать минут, но могло пройти и только пять.

Мне захотелось крикнуть им, чтобы они немедленно ехали в город. Стеклянный кружок уже был у меня в руках, однако пальцы мои были настолько слабы, что мне с трудом удавалось его удерживать. Вырони я его, и он завалится между сиденьем и спинкой; но даже пока он был у меня в руках, я не был уверен, что мне удастся перерезать им шнур.

А Кингмэн ничуть не торопился. Поставив одну ногу на подножку, он произнёс:

— Я позвонил твоей жене. Сказал ей, что ты, возможно, до утра не вернёшься домой. Как же нам теперь поступить — как доставить его в участок?

— Я обдумал этот вопрос, Джек, — отозвался его помощник. — Мне кажется, что было бы безопаснее оставить его на заднем сиденье, а нам сесть спереди. Ты будешь вести машину, а я буду держать его под прицелом — поверху своего сиденья. Либо я поведу, а ты бери револьвер.

— Я поведу, — решил Кингмэн, обошёл автомобиль и сел за руль. Эклунд захлопнул заднюю дверцу и сел впереди меня, ни на секунду не спуская с меня ни глаз, ни дула. Так и не взглянув в сторону Кингмэна, он произнёс:

— Эй, Джек, а «кадиллак»? Если ключ в зажигании, лучше прихватить его с собой. Чтобы никому не пришлось в голову прокатиться.

— Верно, — отозвался шериф и вышел из машины, двигаясь всё так же неторопливо. Я задался вопросом, воспользоваться ли возможностью и перерезать шнур, либо же это — последняя задержка, и я попаду в тюрьму вовремя.

Вернувшись, Кингмэн сказал:

— Ключи были в машине. Я их забрал. Не спуская с него глаз, Вилли. Мне чертовски не нравится поворачиваться к нему спиной.

— Уж я не повернусь, — жёстко произнёс Эклунд. — Слушай, Джек. Нам же надо Баку

Барнетту рассказать про Рэнди, а телефона у него нет. Может, остановимся у его дома и сообщим ему?

— Верно. Не будем откладывать на потом.

Это решило дело. Я принял решение во что бы то ни стало перерезать шнур ребром стеклянного кружка. Остановись они поговорить с Баком Барнеттом, на это уйдёт ещё полчаса. А потом им придёт в голову завернуть ещё в несколько мест либо переделать ещё несколько дел, прежде чем они вспомнят, что пора высвободить мои запястья.

Я смог дотянуться до шнура на одном запястье и принялся изо всех сил пилить его. Я даже кожу немного поранил, но не стал обращать на это внимания. Артерия в том месте не проходила, а ещё немного крови погоды не сделают, даже моей собственной крови. Я едва не ронял стёклышко, а потому схватил его покрепче, стал пилить сильнее, и результат воспоследовал.

В одном месте шнур был перерезан; этого мне было достаточно. Я выпустил стёклышко и осторожно потёрся запястьями о сиденье, ослабляя шнур. Можно было бы полностью стащить его с рук, но вместо этого я схватил пальцами концы перетёртого шнура и придержал их. Когда меня придут развязывать и увидят, что я смог бы высвободиться, но не сделал этого, такое, не исключено, истолкуют в мою пользу. Как бы то ни было, кровь в ладонях у меня побежала по сосудам — в ладони словно бы впились тысячи иголок. Было чертовски неприятно, и всё же я возликовал: это означало, что рук я уже не потеряю.

Машина остановилась перед домом Бака Барнетта. Дом, естественно, был тёмный. Я не знал, сколько я провалялся на земле без сознания, но даже если всего только пятнадцать или двадцать минут, то и тогда время уже должно было подходить к одиннадцати, а в постель Бак отправлялся гораздо раньше.

Кингмэн несколько раз просигналил в рожок, затем вышел из машины и позвал, обратившись к дому: «Эй, Бак!» Из окна раздался ответный голос: «Да?», и где-то в доме в придачу залаяла собака.

— Плохие новости для тебя, Бак. Рэнди убили этой ночью! Так же, как и Фоули! Но мы схватили мерзавца, который это сделал! Чертовски жаль, что приходится сообщать тебе это, но, Бак...

— Подожди-ка минутку, шериф. Я спущусь.

— Да нам нужно...

— Десять секунд. Ждите. — Голова Бака исчезла из оконного проёма, и в окне загорелся свет.

Кингмэн обернулся через плечо и спросил Эклунда:

— Всё под контролем?

— Глаз с него не спускаю, — отозвался помощник. Он не преувеличивал. Тут передняя дверь в доме отворилась, и Бак появился на крыльце. Он успел натянуть штаны поверх чего-то вроде ночной рубашки и всунуть ноги в какую-то обувь. Вот только на расчёсывание волос он не стал тратить времени — те торчали под всевозможными углами. Встопорщенные усы, делавшие его похожим на моржа, топорщились ещё сильнее, чем всегда.

Но не эти подробности беспокоили меня: под мышкой у него был двустольный дробовик. И пока он направлялся к нам, лицо у него было мертвенно бледным. А собака, огромная овчарка, — выскочила вслед за ним и побежала рядышком, только теперь она виляла хвостом и не лаяла. Собака выглядела дружелюбной. Бак — нет.

Было ли то не больше чем подозрение или одна лишь смутная мысль, и всё-таки я уверился, как если бы кто-то начертал это на небе огненными буквами: дробовик предназначался мне.

Когда Бак приблизился к машине, — на достаточное расстояние, чтобы убить меня и не задеть при этом дробью Вилли Эклунда на переднем сиденье, его ружьё вот-вот само, казалось, уже готово было разрядиться в моём направлении. Ага, он же и скажет впоследствии, что всё произошло случайно; а может, даже не станет и врать. Скорее всего, ему ничего не будет даже в том случае, если он не станет прикидываться, что всё свершилось ненароком; не сказал ли ему Кингмэн только что, что я убил его брата? А ведь Бак — и так человеконенавистник, про которого мне говорили, что он любит только двоих — свою собаку и брата Рэнди.

Кингмэн, скорее всего, тоже обо всём догадался — по той манере, с которой Бак нёс свой дробовик. Приклад под мышкой, дуло, направленное вперёд, приопущено, но указательный палец на курке. И стоит лишь Баку споткнуться — дуло рванётся вверх, и... В том, что произойдёт дальше, Кингмэн не сомневался. Он произнёс: «Эй, Бак, полегче».

Он произнёс это строго, будто и в самом деле желал воспрепятствовать самосуду, но в то же время он не сделал шага встать у Бака на пути, — нет, он сделал шаг в другую сторону, отступил к носу машины. И мне, если я немедленно что-то не сделаю, оставалось жить считанные секунды.

Я выпустил концы шнура и сбросил его с запястий, в ту же секунду схватив фонарик у себя за спиной. Слова Кингмэна «Эй, Бак, полегче» привлекли внимание Вилли Эклунда — он повернул голову взглянуть, что там происходит. А потому, хотя револьвер Вилли всё ещё был направлен на меня, у меня оказалось время, чтобы выхватить фонарик из-за спины и садануть им по костяшкам державшей оружие руки. Вилли взвыл и выронил револьвер.

Я немедленно выскочил из машины с противоположной от Кингмэна и Барнетта стороны и побежал через дорогу к деревьям. В ту секунду, как я достиг их, грохнул револьвер Кингмэна, но пуля меня не задела. Дробовик не отозвался: Бак не мог выстрелить, поскольку между нами находился автомобиль. Я же врезался в ствол дерева и самым дурацким образом чуть не повалился навзничь, и всё же я оказался вне видимости с дороги, в тени зарослей, и смог перейти на шаг. Я повернул под прямым углом, в направлении города, и сдёрнул носовой платок с лица, чтобы легче было дышать.

С дороги до меня донёсся голос Барнетта: «Возьми его, Вольф!», и пёс гавкнул.

Кингмэн тоже словно бы залаял, возбуждённо раздавая команды, пока мои преследователи перебежали вслед за мной дорогу. Одну из них я хорошо расслышал: «Не дать ему уйти! Стрелять без предупреждения!»

Позади меня лучи фонариков пронзили мрак под деревьями. У меня было некоторое преимущество, но с этими фонариками они быстро наверстают потерянное. Мои глаза немного привыкли к темноте, но всё же недостаточно, чтобы я мог бежать так же быстро, как и они. А ведь с ними была ещё и собака. Я не мог понять, почему она в меня до сих пор не вцепилась, — может быть, оттого, что не была научена преследовать людей и не поняла команды Бака «Возьми его, Вольф!». Пёс лишь возбуждённо лаял, но где-то в отдалении, не отрываясь от людей.

В руке я тоже всё ещё сжимал фонарик, хотя и не решался им воспользоваться. Он работал — один раз я на секунду его включил. Очевидно, его лампочка держалась на месте, не выпав ни тогда, когда я отвинчивал переднее стёклышко, ни от удара по руке Вилли Эклунда. Теперь впереди у меня находился ручей, пересекавший где-то дорогу по водопропускной трубе. Он был узок, всего лишь футов пять шириной, но с сильным течением. Устремившись в просвет между деревьями, сквозь который я хорошо мог видеть этот ручей, я одним прыжком перемахнул его, приземлившись на какую-то толстую доску, валявшуюся на том берегу.

Обернувшись, я понял, что мои преследователи не сбились с пути. Они быстро приближались, их фонарики мелькали среди деревьев.

Но мой собственный фонарик и та доска, на которую я приземлился, подали мне мысль, как сбить их с курса. Я поднял доску, ступил с нею в поток и положил на воду в самой стремнине. Придерживая доску одной рукой, другой я зажёл свой фонарик и положил его сверху на доску.

Доска понеслась по потоку, я же вновь нырнул под деревья, устремляясь дальше. До меня донёсся радостный голос Вилли Эклунда: «Вон он!» Мои преследователи сменили направление, устремившись по диагонали к потоку вслед за доской. Каким же это было облегчением — слышать, что погоня больше не приближается ко мне, но удаляется в другую сторону!

У меня появилось время, чтобы перевести дух, перед тем как двинуться дальше, в противоположном течению ручья направлении. Этот путь должен был привести меня назад, к дому Эмори, а мне только того и нужно было.

Ведь там находился мой «кадиллак». Завести его я не мог, но в машине был ещё один фонарик и, как я надеялся, револьвер. А на заднем сиденье находился багаж — мой костюм и прочие вещи, которые помогли бы мне вновь принять человеческий облик. А то теперь даже дядюшка Эм, пожалуй, сбежит, повстречай он меня лицом к лицу.

Достигнув опушки, я увидел огни дома Эмори, огни во всех окнах. Я не стал подбираться к нему крадучись и тем тратить время, а просто побежал трусцой, побежал прямо к «кадиллаку». Из кармашка на дверце я вынул фонарик, а из отделения для перчаток — револьвер Жюстины. С переменной одежды можно было погодить. Моей следующей — и главной — задачей было разобраться с Эмори.

С пистолетом наготове, на цыпочках я взошёл на крыльцо. Стучаться я не стал, сразу открыл дверь, стараясь не издать ни звука, и вошёл в дом.

Передняя комната была теперь ярко освещена; когда я входил сюда около часа назад, здесь было темно. Я огляделся.

И тут я увидел Эмори.

Он лежал лицом вверх в самом углу помещения. В первую секунду я подумал, что он, вероятно, пьян либо спит, но затем я увидел красное пятно спереди у него на рубашке.

Я склонился над телом и пощупал его; оно было холодным; Эмори был мёртв уже давно. Посередке того пятна на рубашке виднелся длинный узкий разрез в ткани — как раз по размеру бронзового ножа для разрезания бумаги, с ручкой из зелёного оникса, который Вилли Эклунд вынул из бокового кармана моего пиджака.

Я и забыл о том ноже. Вернее, и тогда, и позже, у меня столько было забот, что о ноже я больше и не вспоминал.

Но теперь я о нём вспомнил.

Ведь я считал, что это Эмори оглушил меня сзади, пока я стоял в проходе на кухню, глаза на Рэнди, с разорванным голом лежавшего на полу.

Но то был не Эмори. Эмори, скорее всего, уже был мёртв к той минуте и лежал там же, где теперь. И ещё одной любезностью, которую некто мне оказал, помимо того что вымазал меня кровью и затащил под кусты, где я и очнулся, было всунуть этот нож мне в карман. Тот самый нож, которым этот некто убил Стива Эмори. А что сказал Кингмэну Эклунд про тот нож? «Это нож Эмори: Я видел его у него на столе в передней комнате».

Я подошёл к двери, ведущей на кухню; тело Рэнди лежало там как раньше. Только сейчас мне в глаза бросилась одна вещь, не замеченная ранее: под телом, на полу, совершенно не было крови, как её не было под Фоули Армстронгом, когда я нашёл его лежащим на дороге. Рэнди не был убит здесь, на кухне.

Но в тот момент это для меня ничего не значило. Ничего не подсказало.

Я всё ещё сжимал в руке револьвер Жюстины. Я взял его с собой, чтобы защититься от Эмори. Теперь, когда Эмори был мёртв, револьвер можно было и убрать. Я сунул его в карман.

Но тут я вспомнил, что раз Эмори не убивал Рэнди, так же как и самого себя, раз не он меня ударил, значит всё это сделал кто-то другой. И этот кто-то всё ещё на свободе, а может быть — и где-то в доме прячется. Я вновь вынул револьвер.

Ах, да, был же ещё Юпитер!

Пройдя через кухню, стараясь не глядеть лишний раз на Рэнди, я вышел с чёрного хода и направился к мастерской с радиоустройствами. Дверь, ведущая в неё, была приоткрыта, но дверной проём не был освещён изнутри. Я полностью распахнул дверь и осветил внутрь лучом своего фонарика, главным образом — на рабочий стол.

Видать, кому-то пришла в голову та же мысль, что и мне. Некоторые доски пола были вырваны, под ними виднелась проволочная конструкция.

Мне не было нужды входить внутрь и пытаться проследить, куда она подключена. Где располагалось другое радиоустройство, не имело значения. Тот факт, что под полом была смонтирована антенна, говорил сам за себя. Обнаружение дополнительного передатчика ничуть не сказало бы мне, один ли Эмори работал с ним, не ставя Рэнди в известность, либо Рэнди втихаря от Эмори, либо они мухлевали сообща.

Ночь была звёздной, но восхищённо высматривать на небе Юпитер у меня не было настроения.

Я вернулся на кухню и решил, что теперь необходимо смыть кровь с лица и рук. Я так и поступил, после чего, преодолевая дурноту, склонился над Рэнди, чтобы вблизи осмотреть жуткую рану у него на горле.

Да, горло было разорвано самым натуральным образом, чьи-то зубы поработали на славу. Я не смог решить, были ли то зубы человека или зверя, но видел лишь одно: даже будь они человеческими, сам поступок был бесчеловечным.

Других повреждений на теле Рэнди не оказалось, за исключением пары ничтожных порезов на лице, которые, вероятно, остались после бритья — лицо было свежевыбритым. Я вернулся в переднюю комнату осмотреть Эмори, и на этот раз отметил кое-что, пропущенное мною при первом взгляде. Эмори боролся со своим убийцей. О том свидетельствовали некоторые признаки: его одежда была в большем беспорядке, чем по причине одного лишь падения, как и его волосы, или то, что от них оставалось, а на его лице было несколько красноватых отметин, которые, если бы Эмори не умер почти сразу же после их получения, превратились бы в синяки. Синякам нужно время, чтобы потемнеть, и если кровообращение прекращается до полного обесцвечивания, почернение не заходит слишком далеко.

Тут я услышал, как на подъездную дорожку сворачивает машина, и ринулся на кухню, а оттуда и наружу с заднего выхода. Доктор Корделл вошёл уже после моего бегства. Я знал, что это прибыл коронер, поскольку, обходя дом, заглянул в окно и увидел его, склонившегося над телом Эмори. Кажется, доктор прибыл один.

Я вернулся к «кадиллаку» и раскрыл свой чемодан. Из него я вынул чистую, сухую одежду и пару туфель, но не стал тратить времени на немедленное переодевание в виду дороги. Дом Эмори, с находящимися в нём двумя трупами, не был благоприятным соседством. Шериф тоже мог в скором времени сюда вернуться.

Я поборол искушение взглянуть, оставил ли Корделл ключи в замке зажигания. Кроме прочего, услышь он, как я отъезжаю, тут же позвонит куда следует, и меня будут поджидать у городской черты — либо в Дартауне, если я изберу противоположное направление.

А потому я перебежал через дорогу со свёртком одежды под мышкой и вновь углубился в поля. Оказавшись на безопасном расстоянии от дороги и скрытый от вида с её стороны небольшой возвышенностью, я остановился, чтобы переодеться.

Замаранную одежду я бросил тут же; меня ждали дела поважнее, чем забота о её сохранении. Мне нужно было постараться сохранить собственную шею.

Я выбрал направление мимо фермы Джеба О'Хары, поскольку у того до сих пор не имелось сторожевой собаки, а мне претило встречаться с собаками.

Я нормально добрался до Восточной дороги и вступил в город. Ни одной машины не пронеслось мимо, не произошло и иных событий. И всё же, выбравшись с открытого пространства и оказавшись среди домов и улиц, я вздохнул с большим облегчением. Я ведь вырвался из лесу, и не только фигурально говоря, но и буквально.

Сразу же, как я сбежал из дома Стивена Эмори, я столь лихорадочно пытался обдумать то положение вещей, посреди которого очутился, что от этих усилий меня совсем качало. Каким-то образом я понимал, на основании того, что Рэнди причинили смерть иным способом, чем несколько ранее Стивену, и что моя догадка насчёт всего этого радиобаловства подтвердилась, что все кусочки мозаики уже у меня в руках. Но и два из этих кусочков я не мог сложить вместе, чтобы появилось какое-то начало.

Внезапно на дороге, прямо на тротуаре, показался большущий пёс, немецкая овчарка. Я и не заметил его до той самой секунды, пока почти не поравнялся с ним. И тут обрывок некоторой мысли заставил меня остановиться и взглянуть на собаку.

Псу не понравилось, что кто-то внезапно остановился и таращится на него. Он слегка

зарычал, где-то в утробе. Я мог видеть спокойную, гибкую силу собаки. Клык она не показывала, но я хорошо представлял себе, как они выглядят. Как те зубы, что вцепились в горло сначала Фоули Армстронгу, а потом Рэнди Барнетту.

Пёс вновь зарычал низким рыком.

Именно такой звук я и слышал из-под деревьев в тот момент, когда нашёл на дороге тело Фоули! Рычанье собаки! Собаки, а не человека, который бы решился скопировать собачий рык.

— Привет, малый, — обратился к нему я, замерев на месте. Рычание стихло. Стараясь не делать резких движений, я сделал шагок к животному и протянул руку. Касаться его головы и гладить пса по макушке я не стал; слишком хорошо мне известны собаки. Я протянул руку для того, чтобы пёс её понюхал. Он так и сделал; вот теперь можно было и погладить его по головке, почесать за ухом — в результате этих действий собачий хвост завилял из стороны в сторону.

Я простоял так целую минуту — не двигаясь с места и держа руку на загривке пса. Нечто начало во мне вызревать.

Я попрощался с псом и быстро пошёл дальше. Впереди я увидел аптечную вывеску: аптека была ещё открыта.

Войдя, я опустил монетку в прорезь телефона и назвал номер «Тремонтского представительства». На том конце раздался голос Каролины Бемисс. Я сказал: «Эд Хантер на проводе».

Эффект от этих слов мне следовало бы предвидеть. У миссис Бемисс спёрло дух, но затем слова полились у неё словно сами собой.

— Эд, где ты? Ты в безопасности? Ты за городом? С какой стати ты сбежал от Кингмэна?

— С какого из этих вопросов мне начать?

— Эд Хантер! Перестань дурачиться! Если ты вне города, то тебе угрожает смертельная опасность! Народ поднялся на охоту за тобой, стрелять будут без предупреждения. Всё же где ты?

— В Тремонте. Звоню из аптеки. Во-первых, как много вам известно? Вы знаете, что Эмори мёртв?

— Знаю. Кингмэн звонил мне из дома Эмори, пока ты сидел в его машине и ждал отправки в город. Он желал, чтобы в газете сообщили, что он схватил убийцу. Сказал мне, что Эмори и Рэнди мертвы и что он взял тебя с поличным. Я ответила ему, что он ненормальный, если полагает, что ты имеешь к этому какое-то отношение, но он и слушать не стал. А затем, минут десять назад, он позвонил мне снова, уже откуда-то из города. Сказал, что ты сбежал, и он организовал погоню, поднял по тревоге полицию штата и что люди — его люди — будут стрелять без предупреждения. Но зачем же ты сбежал? Тебя ведь оправдали бы тот час как рассеялся бы весь этот дым. А теперь...

— Я сбежал, поскольку меня вовсе не собирались оправдывать, покуда я жив. А мёртвому оправдание мне уже не поможет.

— Ты хочешь сказать, что Кингмэн собирался убить тебя? После того, как он тебя захватил?

— Нет. Не могу сейчас объяснить. Это слишком...

— Так это был Бак? Шериф сказал, что ты у дома Бака сбежал. Не Бак ли собирался убить тебя?

— Нет, — вновь ответил я. — Не Бак. И не Вилли Эклунд. И даже не собака. И в то же время, если бы я не сбежал, то меня бы несомненно убили. Послушайте, Каролина, вы ещё не отправили номер в печать?

— Нет, конечно. Прессы начнут возвращаться лишь ранним утром. Ещё несколько часов. Не хочешь ли ты сказать...

— Хочу, — ответил я. — Вы дали мне задание раскрыть дело Фоули Армстронга, помните? Полагаю, что близок к разгадке. Мне хочется продолжить над этим работу.

— Эд, ты с ума сошёл. Позже этим займёшься. Сейчас же тебе следует подумать о себе самом. Где ты сейчас?

— Не знаю, на какой я улице, а вот аптека — она под вывеской «Ван Кирк». Знаете её?

— Разумеется. Будь там. Оставайся в будке и притворись, будто продолжаешь кому-то названивать. Я позаимствую машину и приеду через пять минут.

— Я сам смогу дойти до редакции.

— И получить пулю по дороге. Оставайся там. — Трубку на том конце повесили.

На этом конце я тоже нажал на рычажок трубки, но сделал вид, будто продолжаю вести разговор. Миссис Бемисс, как и обещала, появилась через пять минут; из аптеки мы вышли вместе, чтобы сесть в древний «шевроле» серого цвета.

— Чудненько, Эд, — произнесла миссис Бемисс. — Нечто наподобие этой пьесы, «Первая полоса». Помнишь, там репортёр прячет сбежавшего от полиции убийцу, чтобы получить от него материал на первую полосу? Я всё ждала, чтобы со мной произошло нечто подобное. И сегодня я дождалась!

— Никогда не видел этой пьесы.

— Тебе самому предстоит сделать завтра первую полосу, Эд. И это величайшая вещь, которая когда-либо случалась в Тремонте. Плохо конечно, но...

— Естественно, — сказал я. — Теперь вам не удастся держать меня в стороне.

Мы остановились на задворках редакции «Представителя», в переулке.

— Посиди здесь, — сказала Каролина. — Надо вернуть машину на место — туда, где я её взяла, и взглянуть, чист ли горизонт.

Я вышел из автомобиля и притаился в тени, пока она не открыла чёрный вход в здание и поманила меня. Я прошёл за нею коридором; мы вошли в редакцию. Каролина опустила жалюзи на стеклянной двери входа в помещение, несмотря на то, что эта дверь вела всего лишь в холл, а не на улицу, и повернула ключ в замочной скважине.

— Ц-ц-ц, — пробормотал я. — Вы, Каролина, решили себя скомпрометировать.

— Это с моим-то счастьем? — Она прошла вперёд и заняла своё рабочее место за столом. — А теперь поговорим. Во-первых, сюда едет дядюшка Эм. Купил билеты на поезд в час двадцать.

— Как так?

— Я позвонила ему, натурально. Когда Кингмэн примерно в полдесятого позвонил мне от Эмори и объявил, что арестовал тебя за убийство, я, естественно, позвонила Эму. Он сказал, что покупает билет на первый же поезд; потом я справилась и узнала, что таковой отходит из Чикаго в одиннадцать и прибывает сюда в час двадцать ночи. Время подходит к двенадцати, так что он на пути сюда.

— А откуда у вас его номер? Я же вам его не давал.

— Да, но адресом ты обмолвился. А уж я получила распечатку от чикагского оператора. И, поверь мне, Эд, когда Кингмэн позвонил снова и сообщил мне, что ты сбежал и они

устроили облаву, я не пожалела, что вызвала сюда Эма. Я только молила Бога, чтобы ты был ещё жив к его приезду.

— Но уверены ли вы, что я всё ещё буду жив? Кингмэну известно, что мы друзья; ему известно также, что вы считаете его спятившим, за то что он считает спятившим меня. Он может догадаться, что вы непременно станете меня укрывать, если я заявлюсь к вам.

Миссис Бемисс с минуту размышляла.

— Не думаю, что Кингмэн способен к таким логическим выводам, — произнесла она наконец. — А коль и способен, то всё нормально. Да, он может арестовать тебя до того, как всё прояснится. Но случись ему арестовать тебя здесь, этот арест будет произведён мирным путём; моё присутствие тому гарантией.

— А если он сюда не придёт?

— Ко времени прибытия поезда я спрячу тебя наверху, где Кингмэн тебя не найдёт. А я пойду встречать Эма и приведу его сюда. Там мы и решим, что делать.

— А вы ничего, Каролина, не забыли? — спросил я.

— А чего?

— Я же сказал вам, что близко подошёл к разгадке случая с Фоули Армстронгом; собственно, — и случаев с Эмори и Барнеттом. И что я желаю продолжить над этим работать.

— Ты шагу не ступишь из этого здания, Эд Хантер.

— А если я продолжу работать над этим здесь?

— Что ты хочешь сделать?

— Позвонить по телефону.

Миссис Бемисс вновь задумалась.

— Эд, это рискованно. Уж я-то знаю, что представляет собой коммутатор маленького городка поздно ночью. Единственный дежурный оператор; если сможет — обязательно подслушает. Я и так беспокоилась, когда ты позвонил первый раз, но дело было сделано, и нам оставалось положиться на тот случай, что нас не подслушали. Так, очевидно, и случилось, иначе Джек Кингмэн был бы уже здесь.

— А тогда, — ответил я, — вам следует самим сделать за меня этот звонок. Вам, скорее всего, легче удастся получить информацию, чем мне.

— И куда же мне позвонить?

— Ещё не знаю. Вам самим придётся это решить. Вот что, Каролина; предположим, что вы живёте в Тремонте либо где-то по соседству, и вам понадобилась овчарка. Причём очень срочно. Где вы её раздобудете?

— У Клемента Уилсона. Он владеет тут гаражом и у него имеется сука немецкой овчарки, которая три месяца тому назад ощенилась. Её щенки как раз достигли нужного возраста.

— Не пойдёт, — сказал я. — Вам нужен уже вполне взрослый пёс, мальчик. И лучше приобрести его не в самом Тремонте.

— А тогда я пойду к Кеннелам — это на Спрингфилдской дороге, как раз после Дартауна. Отсюда миль двенадцать. Они специализируются на колли и овчарках. Если мне срочно понадобится вполне взрослый пёс, я куплю такого у них в питомнике.

— Двенадцать миль, а? А в этом радиусе, либо даже ближе, есть ли другие подобные места?

— Нету. Ничего такого, о чём бы я знала, ближе Спрингфилда. Если, конечно же, тебе

не удалось узнать о ком-то, кто, имея собаку, возжелал бы её продать. В частном порядке, я имею в виду.

— Это мы отбросим, — сказал я. — Позвоните же теперь Кеннелам.

— В полдвенадцатого? Чтобы ради меня перебудили в округе всех собак?

— Вот именно. На расстоянии в двенадцать миль это вас никак не потревожит.

Миссис Бемисс вздохнула.

— И о чём мне спросить их, после того, как они устанут меня клясть?

— Покупал ли у них кто-либо овчарку, взрослую, мальчика — сегодня вечером. Ближе к ночи, но, возможно, и ранее.

Миссис Бемисс посмотрела на меня, нахмурилась, но взяла трубку и потребовала её соединить. Затем она задала этот вопрос, получила ответ, после чего произнесла: «Секундочку, будьте любезны. Не вешайте трубку».

Она обернулась ко мне.

— Да, немного ранее восьми часов. Они не знают этого человека. Но ему нужен был взрослый пёс, и немедленно, причём чем старше — тем лучше.

— Спросите, не был ли он усатым, — сказал я.

— Пёс или человек?

— Каролина, я вас прошу...

Она вновь спросила и вновь получила ответ.

— Нет, — передала она его мне, — он не был усатым. Так что это не Бак. Не его ли ты подозревал?

— Его. Ну, поблагодарите их и повесьте трубку.

Каролина выполнила.

— Ну? — сказала она, взглянув на меня.

— Хотите поставить, Каролина Бемисс? — спросил я её.

— На что?

— На меня. На то, что я окажусь прав.

— Уверен?

— Уверен.

— Так я поставлю. Чёрт с тобой. И что мне делать теперь?

— А теперь вы позвоните Джеку Кингмэну. Если я хорошо его знаю, то сейчас он должен быть у себя в конторе, руководить поисками меня. Если нет, то вы и так его тем или иным способом разыщите.

— Он, скорее всего, будет у себя в конторе.

— Не надо говорить ему, что я здесь. Напустите перед ним туману, будто вы беспокоитесь обо мне и желаете знать, не схватил ли он меня. Этак, поубедительней. Вы же сможете, разве нет?

— Не учи бабушку высасывать яйца. Кингмэн сделает всё, что я от него потребую. Слышал когда-нибудь о силе воздействия прессы?

— Обожаю вас, Каролина, — ответил я.

— Будь я на сорок лет моложе, ты не отважился бы сказать мне такое.

— Сказал бы с первого взгляда.

— Глядя на тебя, уж не сомневаюсь. Но положим, что я дозвонилась до Джека, убедила его, что тебя здесь нет, или, лучше скажем, удержала его от предположения, что будто ты здесь. Дальше что?

— Велите ему придти сюда. И пусть приведёт Бака Барнетта.

— А какие мне ему привести резоны?

— Оставляю это на вас. Вы же для этого достаточно мыслящий человек.

— Знаешь, Эд Хантер, а ты бываешь таким же занудой, как и Эм Хантер когда-то. Причём, методы у тебя свои. Да, мыслительных способностей у меня на это хватит. Не велеть ли мне ему ещё и Молли притащить?

— Задели, задели, — ответил я. — Нет, не надо насиловать Молли. Вот Вилли Эклунд он, возможно, и прихватит, но это даже кстати.

— Так ты хочешь, чтобы он пришёл сюда. А что потом?

— Я раскрою для вас ваше дело. Если я прав.

— Ах, если! А если нет?

Я усмехнулся.

— Вы же сказали, что поставили на меня. Я потребую от вас руку на отсечение.

— Ах, ты, чёрт! Почему я вообще... — Она схватилась за телефонную трубку, но прежде чем снять её с рычажков, повернулась ко мне.

— Скажи же мне первой. Кто убийца? Должно быть, Бак, но я не вижу, как или почему... Так это Бак?

— Нет.

— И не Кингмэн. У него кишка тонка. Или... подожди минутку. Если человек сходит с ума, то не важно, тонка у него кишка или нет.

— Верно, — сказал я. — Но сумасшедшие в этом деле не замешаны. Просто некоторые из нас — и я тоже, это несомненно — слегка каждый по-своему ополоумели. Но с ума, Каролина, никто не сходил.

— Так — не Кингмэн?

— Не он.

— И не Вилли.

— Не Вилли.

— И не Бак? Бак — он же немного того.

— Но совсем немного. Без моего ведома он никого не убивал.

Миссис Бемисс выпустила из рук телефонную трубку и, выдвинув нижний ящик своего стола, вынула из него бутылку виски в пинту.

— Я это сделаю, — сказала она, — только сперва глотну как следует. Тебе налить?

— Мне налить.

Она достала два стакана и разлила виски в значительной дозе. Затем вновь взглянула на меня.

— Так не хочешь мне сказать?

— Не хотелось бы вам врать, Каролина.

— Если это не Бак совершил эти убийства, не Кингмэн и не Вилли, то их должен был совершить ты либо я. Поскольку ты утверждаешь, что сегодня раскроешь это дело, следовательно, ты собираешься заполучить убийцу сюда.

— Неужто?

— Да пошёл ты к чёрту, Эд Хантер! — взревела она, схватила трубку и вызвала контору шерифа.

Время шло, и я, размышляя о том, что сейчас будет, стал покрываться испариной. Нет, я по-прежнему полагал, что всё делаю верно. Кусочки мозаики были очерчены настолько причудливо, что коль уж вы углядели место, куда их поместить, другого для них уже не нашлось бы.

Беспокоила меня возможность иного исхода — отныне в любую минуту, ещё до того как мне удастся доказать свою правоту, я могу попросту оказаться застреленным. Кингмэн и Эклунд продолжали верить, что я маньяк-убийца. Они до смерти были напуганы ещё тогда, при моём появлении, и теперь, не исключено, со страху станут стрелять, не слушая никаких доводов.

Миссис Бемисс всё работала — или притворялась работающей — за своим столом. Дверь она предварительно отперла и подняла жалюзи. Я притаился в дальнем углу, за канцелярским шкафом. От дверей и из той половины комнаты, где стоял стол миссис Бемисс, меня было не видеть.

Я услышал, как у входа в здание остановилась машина. Хлопнула дверца; из коридора донёлся звук шагов. Затем дверь в редакции раскрылась, и вошли несколько человек. Из-за своего шкафа я не выглядывал, но это, несомненно, были Кингмэн, Эклунд и Бак.

Вот вошедшие остановились; раздался голос Кингмэна:

— Ну, Каролина, в чём дело? К чему всё это?

Ладонь моя, сжимающая револьвер Жюстины, вспотела. Потому что если сейчас они встали так, как нужно, мне предстояло вступить в игру. Но сперва я слегка высунул голову. И тут же отпрянул.

Дело не задалось. Все трое стояли по ту сторону стола Каролины, и она, сидящая ко мне спиной, оказалась прямо между нами. Имея её на линии стрельбы, высовываться я не мог. Это было скверно, но должна же была Каролина это понять — пусть как-нибудь извинится да перейдёт на другое место!

Она, однако, не стала этого делать. И то, что произошло в следующую минуту, вовсе не входило в либретто.

— У меня кое-что есть для тебя Джек, — произнесла Каролина. При этих словах она нагнулась и открыла один из выдвижных ящиков стола. Когда она вытащила оттуда свою руку, в ней оказался пистолет, и Каролина навела его на пришедших.

— Поднимите-ка руки, все трое.

Кингмэн медленно поднял руки, а за ним и остальные.

— Рехнулась, Каролина? — проговорил шериф.

— Главное, чтобы ты, Джек, не сходил с ума, — ответила женщина, — и не пытался застрелить Эда Хантера, как только он попадётся тебе на глаза. Выходи, Эд, и заberi у них оружие.

Я вышел из-за шкафа. При виде меня руки у шерифа дёрнулись, но он не опустил их. Эклунд вновь позеленел лицом. Бак смотрел на меня без всякого выражения.

Я подошёл к ним и забрал у них оружие. То есть — у Кингмэна и у Эклунда; Бак оружия не имел; я внимательно его проверил. Если он и взял с собой тот дробовик, то, вероятно, оставил его в машине.

— Запри-ка лучше дверь, Эд, — сказала миссис Бемисс. — Да опусти жалюзи.

Я бросил пистолеты шерифа и его помощника в открытый ящик стола Каролины, а потом выполнил её требование.

Кингмэн не спускал глаз с миссис Бемисс; на неё он негодовал ещё больше, чем на меня.

— Теперь все вы можете опустить руки, — проговорил я. — И лучше сядьте. Я должен кое-что вам объяснить.

— Да уж, тебе придётся, — отозвался Кингмэн. — Он прошествовал к дивану и уселся на него с видом оскорблённого достоинства. Спустя секунду двое других последовали его примеру. Когда они уселись в ряд, я положил револьвер Жюстины к себе в карман, но из ладони его не выпустил. Затем я сел на край рабочего стола миссис Бемисс; она тоже вновь заняла за столом своё место.

— Начинай, Эд, — спокойно произнесла она.

Я набрал в грудь побольше воздуха. Отчего-то я почувствовал в нём нужду. Затем я сказал:

— Вот что, шериф Кингмэн: это частично моя вина, что ваши действия в этом деле оказались направлены в ложную сторону. Я сморозил глупость — завёл с вами речь об этой ликантропии. В этом деле, однако, сумасшедшие не замешаны. Да, некоторые вели себя необычным образом. Но убийство совершено было человеком в здравом рассудке.

Мне видимо удалось заинтересовать шерифа. Он спросил:

— Ты о котором убийстве? Их было три совершено.

— Нет, — ответил я, — убийство было только одно. Но даже оно, возможно, произошло в целях самозащиты; у меня такое чувство. Но затем убийца попытался свалить всё на меня и меня же пристрелить. Звучит дико, шериф, но когда я закончу, то представлю вам доказательства. Желаете ли выслушать меня непредвзято?

— Продолжай.

— Для начала, — сказал я, — разберёмся с тем, что случилось с Фоули Армстронгом. Его загрызла бешеная собака.

— Бешеная собака?!

— Да. Во всей этой жути не замешаны сошедшие с ума люди, всего только одна взбесившаяся собака. Если собака взбесилась, она не обязательно будет страдать водобоязнью, и всё же, насколько мне известно, она будет именно бешеной, станет внезапно приходить в ярость и нападать на людей. Это и случилось ночью в среду, где-то между восемью и девятью часами вечера. Собака — это Вольф Бака Барнетта; Фоули Армстронг загрызла именно она. Скорее всего — сорвалась с привязи, когда Армстронг проходил мимо фермы Бака, либо минутой позже. Она подстерегла Армстронга на дороге либо догнала его и загрызла. В том месте, где мы нашли в почве кровь.

Бак Барнетт, должно быть, услышал, что собака сорвалась с привязи, и отправился за нею на дорогу, чтобы привести Вольфа назад. К месту трагедии он подошёл уже после того, как та произошла. И хотя собака взбесилась, Бак сохранил ещё над нею свою власть. Он усмирил собаку и взялся перетаскать тело, как вдруг услышал, что по дороге иду я. Тогда он затащил Вольфа под деревья и спрятался там, придерживая собаку за ошейник. Это лицо Бака я тогда разглядел, а рычал Вольф. Когда же я прошёл мимо...

— Но зачем ему понадобилось двигать тело?

— Чтобы собаку не пристрелили. Ведь эта собака — одно из двух существ в целом свете, к которым Бак привязан; вторым был Рэнди. А кроме того ему могли вчинить иск за

урон, а это стоило бы ему фермы. По одной ли из этих причин, либо сразу по двум, он перенёс тело в сарай О'Хары и поджёг сарай. После чего не осталось никакого свидетельства того, что Армстронга загрызла собака.

— Такова, значит, твоя версия.

— И вы в неё не верите. Он, возможно, на это и рассчитывал. Я не знаю в точности, что происходило у него в голове. Я просто рассказываю, как он поступил. Случайно, Рэнди обо всём догадался. Ночью в четверг он сказал мне, что знает, что произошло с Фоули, но не скажет мне, поскольку это всего лишь предположение, и у него нет доказательств. Но он хорошо знал своего брата, чтобы вообразить себе произошедшее.

— Вольф был с нами сегодня, — сказал Кингмэн. — Он вёл себя не так, как взбесившийся или злобный пёс.

— Я к этому подхожу, — ответил я. — Но сперва ещё кое-что. Эмори с его радио. Не знаю, что у него там за устройство собрано, но эти сообщения, которые, как он полагал, приходили с Юпитера — это был Юпитер, а не Марс, — были обманом. Это всё Рэнди мошенничал. У Эмори в мастерской я могу показать вам, каким образом. Рэнди вознамерился выставить Эмори дураком. Он так рассчитал временной график для этих сообщений, которые казались приходящими сверху под определённым углом, чтобы всякий раз в эту минуту в том направлении на небосводе оказывался Юпитер. Эмори понадобилась неделя, чтобы узнать из книг, какая это планета, после чего он страстно уверовал в своё открытие. Он уже был готов, я полагаю, объявить о нём во всеуслышание и тем самым выставить себя самым большим идиотом по эту сторону Юпитера. А Рэнди смотал бы свои провода и держал рот на замке; Эмори же сделался бы посмешищем года. И так никогда и не узнал бы, что всё это — проделки Рэнди.

Я остановился, чтобы перевести дух, а миссис Бемисс произнесла:

— Вышей-ка, Эд. А то в горле пересохнет.

Она протянула мне бутылку; я сделал порядочный глоток и вернул ей бутылку.

— Смысл в этом есть, — сказал Кингмэн. — Всё это вполне возможно. Но как это доказать?

— Доказательство — в этой комнате, — ответил я. — Вы его получите. Вернёмся к Эмори. Сегодня под вечер он раскрыл трюк Рэнди с антенной из проволоки под полом. Возможно, это произошло по чистой случайности, а может быть, ему закралось в голову подозрение и он решил его проверить, только он...

— Подожди-ка, — сказал Кингмэн. — А для чего это всё Рэнди понадобилось?

— А в отместку за то, что Эмори засадил его в тюрьму за кражу. У людей так бывает. Когда Эмори вновь принял его на работу, после того как вытащил из тюрьмы, Рэнди затаил обиду и принялся ждать случая, когда сможет выставить Эмори дураком, а сам оставаться в стороне. Своё недоброжелательство он раскрыл один раз иным образом, пытаюсь — весьма осторожно, и делая вид, что это всё к чести Эмори, — заставить меня поверить, будто Эмори чокнутый. Как бы то ни было, а сегодня вечером Эмори обнаружил, что его дурачат. Он, как я понимаю, вскипел; скорее всего, он набросился на Рэнди с желанием убить первым же попавшимся под руку оружием — и это был нож для разрезания бумаги. Но Рэнди оказался сильнее, и вышло всё по-иному. А возможно, это и не было самозащитой. Не исключено, что Эмори вновь пригрозил Рэнди тюрьмой, и Рэнди хладнокровно убил его.

Теперь Кингмэн слушал меня с полнейшим вниманием, и я решил несколько укоротить свои рассуждения. Я продолжал:

— После убийства Рэнди понял, что ему необходимо удирать. Он бросился к Баку — возможно, занять у того денег на дорогу.

— И Вольф его загрыз?

— Нет, — ответил я. При этом я вытащил револьвер из кармана, на случай разных осложнений. Они могли произойти в любую секунду. — Нет, — сказал я. — Рэнди нашёл Бака мёртвым. Собака взбесилась настолько, что напала на собственного хозяина. К приходу Рэнди Бак был уже мёртв.

Этого Кингмэн не выдержал. Он встал, не отрывая от меня взгляда.

— Чего только я не выслушал! — проговорил он, делая шаг в мою сторону.

Раздался голос миссис Бемисс.

— Сядь, Джек.

Кингмэн остановился. Я заглянул ему за спину, обращаясь к Эклунду.

— Вилли, наклонись и потяни Рэнди за усы. Они накладные.

Теперь не выдержал Рэнди. Вскочив, он пихнул Кингмэна прямо на меня, отчего я чуть со стола не упал. Затем Рэнди врезал Эклунду по лицу, и тот уже точно слетел с дивана на пол. Дальше Рэнди бросился к двери и даже высадил стекло, когда миссис Бемисс, тщательно прицелившись, выстрелила ему в ногу.

После того как Кингмэн по телефону вызвал скорую помощь, а Вилли Эклунд оказал Рэнди первую помощь, Кингмэн потребовал от меня досказать остальное. Досказывая, я чувствовал себя гораздо вольнее — мне больше не приходилось держать его на мушке.

— Рэнди нашёл Бака мёртвым, — сказал я. — Не знаю, каким он нашёл Вольфа, но если Вольф был жив, то Рэнди пристрелил его и закопал. Потому что когда он нашёл Бака мёртвым, он мог поменяться с Баком местами и тем себя обелить. Рэнди перенёс тело Бака в дом Эмори, надел на него кое-какую свою одежду, сбрил ему усы, а волосы слегка почернил. Всё было готово. Найдя Бака в доме Эмори, без усов, никто не подумал бы, что это Бак, а не Рэнди. Затем, используя реквизит гримёрной Стивена, Рэнди нацепил фальшивые усы и придал себе вид Бака. Он надел кое-какую одежду последнего; скорее всего, не ту, в которой Бак был убит, поскольку та одежда была залита кровью. Но сперва, до того как гримироваться, Рэнди взял машину Эмори и съездил на ней к Кеннелам, чтобы купить у них собаку, замену Вольфу. Ему нужна была взрослая овчарка, чтобы вышло похоже. Тем не менее, ему следовало иметь наготове объяснение странностям в поведении Вольфа. Вы не заметили в поведении собаки никаких странностей сегодня?

— А ведь верно. Ты имеешь в виду, что собака не выполняла приказы Бака — то есть, Рэнди, — когда Рэнди пытался натравить её на тебя, а потом — взять твой след. Да, а ещё ты проделал ловкий трюк с фонариком: пустил его плыть на доске.

— Спасибо. Именно это я и имел в виду, говоря о собаке. Это была одна из тех вещей, что навели меня на верный путь, после того как я нашёл Эмори мёртвым. Ни о чём таком я, когда вы ещё гнались за мной, и понятия не имел. Но мы отклонились. В общем, Бак в обуви Рэнди, а Рэнди в обуви Бака. И всё хорошо, поскольку он притаился в жилище Бака и ему не грозит быть поджаренным за убийство или за побег. Но вдруг, незадолго до девяти, он заметил в своём плане изъян.

— И что это было?

— Нужно было на кого-то всё свалить. Все эти трупы вокруг — целых три штуки, хотя Рэнди убил всего лишь одного, — должны были возбудить чертовски дотошное расследование. То, что он поменялся местами с Баком, в обычном случае вряд ли бы когда-

либо вскрылось. Вопреки некоторой разнице в возрасте они так походили один на другого, что перемена одежды, да ещё эти усы... Вы ведь ни на секунду не усомнились, что перед вами не тот человек, а?

— Теперь-то, когда ты об этом сказал, я вспоминаю некоторые странности с Баком... то есть, с Рэнди. Но тогда я не придавал тому значения.

— То-то и оно. Однако же при длительном, пристальном разбирательстве по поводу этих трёх убийств такой маскарад невозможно будет долго продолжать. Протянуть с ним удастся только до тех пор, пока не выплывут все обстоятельства. Так что ему нужен был кто-то, чтобы всё на него свалить и дело поскорее бы закрывали. А Рэнди было известно, что вы и так уже подозреваете меня; знал он и то, что к девяти вечера я прибуду к Эмори на назначенную встречу. Так что он всего-навсего подстерёг меня у Эмори, в тёмной передней, и оглушил. Затем он сунул мне в карман нож для разрезания бумаги, измазал меня в крови и оставил снаружи приходить в себя. А затем... Скажите, шериф, как случилось, что вы с Эклундом оказались там?

— Он и тут постарался, — ответил Кингмэн. — Примерно в восемь позвонил мне в контору, назвался Рэнди Барнеттом и сказал, что если я приеду туда к половине десятого, он сообщит мне, что случилось с Фоули Армстронгом. А приезжать заранее не велел.

Мне только и оставалось покачать головой.

— Уж он потрудился в эти часы, — сказал я. — И почти что всё устроил! Если бы вы застрелили меня при задержании, как он сильно надеялся, у него не осталось бы забот. Но, хвала Господу, этого не случилось.

— И я сам, — добавил Кингмэн, — предоставил ему вторую возможность, когда мы остановились у дома Бака, полагая, что Рэнди мёртв и мы разговариваем с его братом. Ведь он не в шутку собирался пристрелить тебя из своего дробовика.

— Вот почему мне пришлось дать дёру. А где «кадиллак», кстати говоря?

— Стоит у моей конторы. Пойдём; я его тебе верну. Но не вздумай отлучаться, пока я не отзову поисковиков и полицию штата, а то далеко ты на нём не уедешь. И вот что, Хантер. Мне чертовски неловко от всего этого. Пожмём руки?

Мы пожали руки, и даже все мои пальцы остались на месте.

Некоторое время спустя я стоял на перроне: поезд в час двадцать подходил в час двадцать шесть. Вышедший из вагона дядюшка Эм недоумённо уставился на меня.

— Что за чёрт, малыш? Я думал, ты под арестом.

Усмехнувшись, я отвечивал:

— То было три часа назад. Два часа назад я сбежал, и меня ловили с ищейками по всей округе. А теперь я — герой Тремонта. Могу даже разгуливать по улице, не опасаясь получить пулю.

Дядюшка Эм внимательно на меня посмотрел.

— Малыш, тебе как будто здорово досталось. Не выпить ли нам для бодрости?

— Каролина только того и ждёт. Она не пришла со мной, чтобы тебя встретить, поскольку ей надо было писать основной репортаж. Но ещё час, и газета будет подписана в печать. И она предупредила, что если мы уедем, не пригласив её на выпивку, она приедет в Чикаго и пристрелит нас обоих.

— Я не хочу, чтобы меня убивали, — сказал дядюшка Эм. — А ты?

Я с ним согласился, а потому мы зашли за миссис Бемисс и повели её к Чарли; в течение вечера выпить мы заказали там не единожды. Каролина сказала, что если газета

выйдет с опозданием, то и чёрт с ней; завтрашний номер достоин ожидания, — в первый раз с той минуты, как она взялась руководить этой газетой.

Об основных событиях прошедших дней дядюшка Эм услышал за выпивкой, а подробности я сообщил ему по дороге в Чикаго, за рулём «кадиллака».

— Ты проделал всё так же хорошо, как проделал бы это на твоём месте я сам, — заверил меня дядюшка. — Но как насчёт основного пункта того задания, с которым тебя посылали? Это радио — оно чего-нибудь стоит?

— Не знаю, — отвечал я, — но это уже не имеет значения. При обыске в доме Эмори Кингмэн нашёл завещание Стивена; шериф говорит, что Жюстина — его единственная наследница. Так что своё радио она всё равно получила и теперь может передать его для изучения специалисту, когда только ей заблагорассудится.

— О, Господи! — воскликнул дядюшка Эм. — У тебя и на это есть ответ! Ну, что, сейчас тебе нравится быть частным детективом?

Прежде чем ответить, я задумался.

— Есть тут свои моменты, но мне не хочется, чтобы они появлялись очень уж часто. Я вновь готов для долгой рутинной работы, как и для просиживания на заднице в служебном помещении у Старлока. Не терпится начать умирать со скуки.

Дядюшка Эм рассмеялся. Затем ни один из нас в течение нескольких минут не говорил ни слова; к этому времени мы достигли предместий Чикаго.

— Я тебя завезу, — сказал я. — А затем мне нужно будет вернуть «кадиллак».

— Сегодня? Уже ведь очень поздно, если только...

— Я позвонил Жюстине, — объяснил я, — пока ждал твоего поезда, и в общих чертах обо всём ей рассказал. Она велела мне приезжать к ней, как только я вернусь в Чикаго, неважно в котором это будет часу.

Дядюшка хмыкнул.

— Следовало сразу мне сказать. Я бы сам повёл машину, а ты сберёг бы силёнки.

Я поймал его взгляд в зеркало заднего обзора, и мы усмехнулись друг другу.